

БРИЖИТ **ОБЕР**
ЗОНА ТЬМЫ

Здесь такие чистые улицы.
Здесь такие милые жители.
Здесь
такое тихое
кладбище...

AZBOOKA
THE BEST

Брижит Обер

Укус мрака

Серия «Зона тьмы», книга 2

OCR by Ustas, Readcheck by Xana

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160129

Зона тьмы: Мрак над Джексонвиллем. Укус мрака: Романы / Пер. с фр. Е. Капитоновой, А. Серебрянниковой: Азбука; СП.; 2008

ISBN 978-5-352-02243-6

Аннотация

Брижит Обер не случайно называют «королевой триллера» – во Франции она самый титулованный писатель, работающий в этом жанре, автор множества захватывающих и зловещих историй, таких как «Четыре сына доктора Марча», «Лесная смерть», «Карибский реквием», «Кутюрье смерти» и других. Ее имя стоит в одном ряду с такими мастерами, как Себастьян Жапризо и Жан Кристоф Гранже.

«Мрак над Джексонвиллем» – один из самых шокирующих ее романов. Критики сравнивают его с лучшими произведениями Стивена Кинга.

Серия жестоких, необъяснимых убийств вызывает панику в маленьком американском городе. Очень странные видения

посещают допропорядочных горожан. Поговаривают даже, что на улице недавно видели человека, умершего много лет назад.

Продолжением «Мрака над Джексоновиллем» стал роман «Укус мрака». В побоище с живыми мертвецами уцелела лишь горстка людей. Федеральный агент Марвин Хейз очень обеспокоен исчезновением одного из выживших подростков и необычными событиями в морге Альбукерка. Неужели кошмар вновь повторится? Все говорит о том, что живые мертвецы решились на новое вторжение. И очевидно, что их первой задачей будет покончить с теми, кто устоял в предыдущем нападении... Поэтому выжившие должны поскорее собраться вместе.

Даже в самых романтических и жестоких сценах этих черных романов сохраняется юмор, потому что Брижит Обер никогда не упускает случая спародировать условности жанра. И это придает остроту повествованию, напряженность которого не спадает до самого конца.

Содержание

Пролог	5
1	17
2	40
3	57
4	75
5	93
6	120
7	148
8	180
9	206
10	234
11	254
12	271
13	289
14	306
15	319
16	342
17	366

Брижит Обер

Укус мрака

... Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению...

Екклесиаст

Пролог

Воспоминания, воспоминания...

– Ешь, засранец, ешь, потом тебе понравится!

Джем опустил глаза в тарелку, кишашую крупными черными тараканами с блестящими брюшками. Когда паренек, сидевший напротив него, схватил своими белыми одутловатыми пальцами одного из огромных насекомых и поднес к растрескавшимся губам, он почувствовал, что его желудок выворачивается от отвращения.

– Да говорю же тебе, что это обалденно вкусно, дурацкая ты башка! – повторил Пол Мартин, широко открывая рот и осторожно запихивая туда таракана так, что остался торчать только толстый и блестящий конец его тельца.

Насекомое было еще живо, его лапки дергались, слабо царапая мертвенно-землистую кожу Пола. Джем хотел закрыть глаза, но не смог: веки отказывались ему повиноваться.

Раздался сухой хруст, потом по подбородку Пола, который жевал с видимым удовольствием, потекла жидкая слизь.

– Ну, теперь ты!

– Нет, – завопил Джем, резко садясь в постели. – Нет!

Он чувствовал, как тяжело бьется сердце в груди. Концом простыни он вытер со лба пот, пытаясь одновременно понять, действительно ли кричал во сне. Похоже, что нет: в их общей спальне никто не проснулся. Бобби Бронкс, как всегда, храпел с открытым ртом, а Бам-Бам-Бабу тихонько попискивал, комкая в руках одеяло. Все как обычно. Успокоившись, Джем оперся на промокшую от пота подушку. Первое время он кричал по ночам, и пятнадцать остальных парней, чтобы заставить его замолчать, взяли привычку поливать его ледяной водой. Дело немного улучшилось, после того как он набил морду этому кретину Бобби Бронксу. Какие у них у всех паршивые прозвища... Точные копии В2 Маркеса и Алонсо¹.

Но В2 и Чевы мертвы. Полностью сгорели, как и 3 542 жителя Джексонавилля, штат Нью-Мексико. Сгорели заживо и наверняка гниют в аду, как Пол Мартин и все остальные. Во всяком случае, Джем желал им этого от всей души.

Он вытянулся на постели, уверенный, что теперь уже не уснет. Хотя с тех пор прошло около двух лет, он ничего не смог забыть. Он не говорил больше об этом с психологом института, как, впрочем, и ни с кем другим, но это остава-

¹ Персонажи романа «Мрак над Джексонвиллем» того же автора.

лось в глубине его плоти, словно страх ему зашили куда-то под ребра. Это дышало вместе с ним, спало с ним вместе, ласково льнуло к его губам по ночам.

Он откинул одеяло и снова сел. Посмотрел на наручные часы с фосфоресцирующими стрелками, которые два месяца тому назад ему прислала в подарок на день четырнадцатилетия федеральный агент Саманта Вестертон. Четыре часа утра. Сейчас октябрь, и рассветет не ранее шести часов. Он вздохнул. Уже несколько месяцев подряд кошмары не только не пропали, но еще и усилились. Не проходило ни одной ночи, чтобы его не мучило безжизненное лицо Пола, исходивший от него запах падали, его рот с гнилыми зубами, полный червей.

Пробуждаясь, он возвращался к действительности, и это было еще хуже. Все эти трупы, ожившие и изголодавшиеся, все эти рты с желтыми клыками, тянущиеся к его юной плоти, суетливое шуршание тараканов и ладонь Лори, судорожно сжавшая его руку в поисках помощи... Он стиснул зубы, решив ни о чем больше не думать. Наступал рассвет. Сейчас взойдет солнце, привычное и внушающее доверие. Бам-Бам-Бабл, как каждое утро, пустит залп ветров, а все остальные, с лицами, вымазанными зубной пастой, будут отпускать грубые идиотские шутки. Да, все наладится.

Негр, отваренный с перцем и солью,
Гораздо вкуснее, чем жареный кролик!

Дай твою нежную ручку, дружок,
Дай мне отрезать ее наконец,
Чтобы сварить ароматный супец...

– Нет!

Лори Робсон откинул одеяло, обливаясь потом, с мучительно бьющимся сердцем, с чувством, что иссушенная рука Хелен Мартин все еще лежит на его руке, а ее острые ногти впиваются в его нежное тело. Семья Мартинов... Фрэнк, Хелен и их двенадцатилетний сын Пол. Кто мог бы предположить, что семья Мартинов станет носителем сил зла? Он запустил темнокожую руку в свои густые, круто вьющиеся черные волосы. А снятся ли кошмары Джемму? Снится ли ему все это, видит ли он из ночи в ночь их мертвенные лица? Их пустые глазницы, кишачие червями? Их безгубые ухмылки?

Он почувствовал позывы тошноты, но это было ложное ощущение, и он это знал: его никогда не рвало. Он продолжал сидеть в темноте, слушая дыхание своих кузенов, Шарля и Арти. После гибели родителей тетя Джанет согласилась приютить его в своем маленьком домике в Денвере. Он спал в комнате мальчиков, на кровати, которая была мала для него. Его родители. Это слово скрипело в мозгу, как мел по классной доске. Его *мать*. Ему свело внутренности. *Голодная улыбка его матери*. Он спрятал лицо в простынях, отгоняя эти слова, саму эту жуткую мысль, мысль, которая возвращалась еженощно: его воспитал труп, труп, искусствен-

но оживленный не поддающимся пониманию чудом. Весь Джексонвилль был городом-призраком, каким-то анклавом, где мертвецы могли вести жизнь, внешне похожую на настоящую. И Джексонвилль был сожжен. Вместе с его родителями.

Он вновь увидел себя на вершине холма, дрожащего, уцепившегося за руку Джема, когда они созерцали пылающий у их ног город. Дак Роджерс шел в огонь, неся на руках свою возлюбленную в самое пекло. Свою возлюбленную, которая уже разлагалась... Лори потряс головой, сидя в темноте спальни. Шестеро. Их было всего шестеро, выбравшихся оттуда. Он сам, Лорел Робсон, Джем – официально Джереми Хокинз, шериф Герби Уилкоккс, федеральные агенты Саманта Вестертон и Марвин Хейс и, наконец, старая Рут Миралес.

Он услышал, что тетя Джанет проснулась в соседней спальне. Она пойдет в ванную, а потом приготовит блинчики к завтраку. Она оставит их в духовке, чтобы они не остыли. Джанет заступает на дежурство в больнице в шесть часов утра. Лори вздохнул. Школьный доктор-псих уверяет, что когда-нибудь он все это позабудет. Но ему казалось, что его состояние все ухудшается, словно мозг отказывался стереть даже самую малую часть событий. Сегодня днем он постарается дозвониться до Марвина Хейса.

С озабоченным видом Марвин снял трубку. Вот уже несколько ночей подряд его преследовали постоянные кошмары. Жена настаивала, чтобы он снова обратился к врачу.

– Это Лори, – раздался тонкий голосок на другом конце провода.

Темнокожая рука Марвина судорожно сжала трубку.

– Как дела, Лори? – спросил он, на деле вовсе не желая услышать ответ.

– Потихоньку, – ответил Лори бесцветным голосом. – Вы что-нибудь знаете о Джереми?

– Да. Саманта разговаривала с ним по телефону месяц назад. У него все в порядке, он привыкает к своей новой жизни.

Это было не совсем то, что сказала Сэм. Она сказала, кажется, что у Джема все в порядке.

– Я хочу с ним повидаться, – сказал Лори дрожащим голосом.

Марвин колебался.

– Лори, ты ведь знаешь, что сказал доктор – *псих* в Кантико...

Лори стиснул зубы. Эксперт-специалист по травмированным подросткам... Розовое лицо, словно надраенное железной мочалкой, зубы, ровные, как надгробия на Арлингтонском кладбище².

– Лучше, чтобы вы не виделись, – продолжал Марвин. – Встреча только оживит дурные воспоминания. Понимаешь, нужно, чтобы прошло время.

– Прошло два года. И я уже не ребенок, Марвин. Мне уже четырнадцать. Вы думаете, что я смогу когда-нибудь все это

² Военное кладбище в Вашингтоне.

забыть?

– Я подумаю, что можно сделать, – сдаваясь, пробормотал Марвин. – Я перезвоню.

– Марвин, если мне не разрешат увидеться с Джемом, я убегу.

Он повесил трубку, оставив Марвина в нерешительности. В голосе Лори прорывалась отчаянная настойчивость, и это его смущало. Смущало так же, как смущало предчувствие неизбежной катастрофы. Он уже вздрагивал при каждом телефонном звонке. «Не надо было так быстро отказываться от транквилизаторов», – пожурил он себя. Показалось ему или действительно небо нахмурилось? Он взглянул на часы. Шестнадцать часов. Солнце зайдет не ранее чем через два с лишним часа, а уже так темно... Он задумчиво погрыз кончик ручки, а потом набрал номер.

– Уилкокс слушает, – резко откликнулся хриплый голос.

– Вольно, Герби.

– Привет, Хейс. В Вашингтоне хорошая погода?

Марвин бросил взгляд на сгущающиеся черные тучи.

– Не очень. А у вас?

– Как всегда, лучезарно. Что новенького?

– Мне позвонил Лори. Он хочет повидаться с Джемом.

Вместо ответа Уилкокс прочистил горло.

Марвин немного выждал и продолжал:

– Я хотел узнать ваше мнение. Вы ведь знаете, что врачи...

– Они дурачье, – прервал его Уилкокс, откупоривая бу-

тылку холодного пива «Bud». – Марвин, прошло целых два года, два проклятых года, а эти ребята как кровные братья. Это неправильно – мешать им видеться, и вам это прекрасно известно. Просто вы дерьмовый бюрократ.

– Вижу, вы, как всегда, в своем репертуаре. Старый шериф с ягодицами величиной с кокосовый орех.

Уилкоккс засмеялся, и на расстоянии более трех тысяч километров Марвин услышал, как булькает пиво в его горле.

– «Coors» или «Bud»? – спросил он.

– С тех пор как моя последняя бутылка «Coors» оказалась полна крови, я перешел на «Bud». Саманта приезжает в Миннеаполис сегодня вечером. Она хочет навестить ребят. Будете возражать, мистер Порядок и Правосудие?

– Нет, не думаю. И даже нахожу, что вы правы, Герби. А что Рут... Вы что-нибудь о ней знаете? Она все также в Лас-Вегасе?

– Ага. Кажется, она превратилась в игровой автомат со светящимися кнопками вместо глаз. Думаю, она кого-то там нашла, – добавил Герби игривым тоном.

– Рут? Это в ее-то возрасте?

– Да ей всего восемьдесят лет, Марвин. Идите в ногу со временем, старина!

Они обменялись еще несколькими ничего не значащими замечаниями, договорившись созвониться через два дня.

Уилкоккс в задумчивости повесил трубку. Ему показалось, что Марвин чем-то озабочен. Может быть, он тоже плохо

спит? Уилкокс сделал хороший глоток пива, но это не помогло ему отделаться от беспокойства, возраставшего вот уже несколько недель. «Депрессия, конечно, будет еще возвращаться», – сказал им военврач, осматривавший их по прибытии в военный лагерь Лос-Аламос.

Депрессивное состояние. Вот, вероятно, сейчас он и пребывает в таком состоянии. Очень удачно, что Саманта приезжает сегодня вечером. Неделька отдыха вдвоем, после чего она вернется в Ричмонд. Посмеиваясь над самим собой, он сделал еще глоток пива. Герби Уилкокс, пятьдесят лет, сто кило мускулов, крепкий орешек, закоренелый холостяк! И вот он запал на Сэм. Единственным проявлением независимости был его отказ следовать за ней в Вирджинию. Он опять стал шерифом здесь, в Мариано-Лейк, потому что не могло быть и речи, чтобы он покинул штат Нью-Мексико. Это был его край. Он не смог бы жить без его запахов, его пыли, его неба. Но Сэм... Он почти с раздражением допил свое пиво.

Светящаяся точка переместилась на контрольном экране бизнес-салона, информируя Саманту, что она находится всего в двухстах километрах от Гэллапа. В двухстах с лишним километрах от Герби. Должно быть, он, небритый, накачивается сейчас пивом, надвинув мятый стетсон на самые брови, наморщив от сигаретного дыма лицо старого индейского вождя. Пусть поживет пока в свое удовольствие. Потому что уже с завтрашнего дня для него начнется совсем иная жизнь: свежая рубашка, начищенная обувь, французский ресторан

и шампанское.

Сэм пошевелилась, устраиваясь в кресле поудобнее. Она проспала почти все время полета, но не чувствовала себя отдохнувшей. Должно быть, ей что-то снилось. В последнее время у нее были изматывающие сны. Странные видения, оставлявшие смутно-эротическое и в то же время откровенно омерзительное впечатление. Нужно признать, что события в Джексонвилле оживили болезненное воспоминание об одном событии ее детства. Но, казалось бы, такие воспоминания должны стираться, а не обостряться... Она отказалась от кофе, предложенного стюардессой, и попыталась вникнуть в лежащие перед ней журналы, повторяя про себя, что должна связаться с Хейсом и поставить его в известность о том, что она собирается повидать Джереми и Лори. Джереми не ответил на их последнее письмо. А Лори прислал им открытку со звездным флагом и с такими словами: «Мутант Лорел Робсон в полном порядке».

И вдруг она увидела себя около джексонвилльской бензозаправки, двумя годами раньше, в окружении разлагающихся трупов, которые, рыча, приближались к ним. А рядом с ней двое детей с серьезными, напряженными лицами, с зажженными факелами в руках, готовых дорого продать свою жизнь. «Они, должно быть, выросли, – подумала она, закрывая глаза. – Может быть даже, сейчас у них переходный возраст и...» Она резко вздрогнула: ей показалось, будто что-то ползет по ноге. Задышавшись, она наклонилась, но не увидела

ничего, кроме собственной загорелой лодыжки, видневшейся из-под джинсов. Никаких таракашек. Только милое письмо Рут Миралес, выпавшее из сумочки. Она подняла его и убрала на место. Надо бы навестить и Рут.

Неоновые огни мерцали и днем и ночью, разливаясь по городу, как разноцветная кровь. Рут находила их красивыми. Ей нравилось цветковое буйство и ощущение отсутствия ночи, создававшееся благодаря этому. Да, в Лас Вегасе не существовало темноты, повсюду только потоки света и неутомный гомон, которым она отдавалась без единой мысли. Особенно без мыслей о Герберте, своем покойном муже, который корил бы ее за каждый цент, потраченный в этих чертовых автоматах. И тем более без мыслей о событиях двухлетней давности, когда ей пришлось бросить свой чудный домик на Мэйн-стрит и когда аббат Рэндал убил и сожрал того мальчика из церковного хора...

Опуская четвертак в прорезь автомата, Рут ощутила озноб. Цилиндрики стали вращаться, издавая свою успокаивающую музыку, и Рут расслабилась. Сегодня ночью ей опять снился этот сон, сон с огромными черными тараканами... А у остальных тоже бывают такие сновидения? Саманта Вестертон писала, что они с шерифом Уилкоксом обязательно навестят ее в ближайшее время. Раздумывая, действительно ли ей хочется с ними повидаться, Рут сунула в автомат еще три монетки. Прошлое – это прошлое, разумно ли его ворошить? Через четверть часа к ней присоединится

Кетер³ Браун. Ей очень нравился Кетер. Он был такой внимательный и такой чудной... Да, прошлое – это прошлое, а в восемьдесят лет не стоит задумываться о будущем.

³ В Каббале это «Корона», «Венец»; невыразимое божественное Ничто, еще не отделившееся от своего источника. Посредник между высшими мирами и Всевышним.

1

– Ну, приятель, как обстоят у нас дела сегодня?

– Хорошо.

Доктор Фергюсон критически разглядывал Джема. Паренек набрал вес, нарастил мускулы, подрос на добрых двадцать сантиметров, его верхнюю губу уже оттеняли светлые усики. У него были хорошие оценки. Но взгляд блуждающий, а под глазами – черные круги. Трудный случай, этот Джереми Хокинз.

– А спишь ты, Джереми, хорошо?

– Да, нормально, – ответил Джем, почесывая лодыжку.

Когда же этот студенистый толстяк отпустит его? Какого ответа он ждет? «Все ночи я провожу с живыми мертвецами, а самое смешное, доктор Фергюсон, что это не просто плохие сны, а настоящие кошмары!»

– Скажи-ка, Джереми, ты все так же видишь... те кошмары, о которых рассказывал раньше?

– Нет, уже почти не вижу, – солгал Джем, хрустнув пальцами.

– Понимаешь, мне звонил шериф Уилкоккс. Он беспокоится о тебе.

Ну и на здоровье! Этот подонок Уилкоккс никогда не верил, что выжившие говорят правду. Он всегда допускал предположение, что это было отравление галлюциногенным

газом после проведения каких-то военных опытов. Подталкивающее к убийству безумие, будто бы приведшее жителей Джексонвилля к самоистреблению еще до возникновения пожара. Саманта, Марвин Хейс и старая миссис Рут, придя к выводу, что им все равно никто не поверит, решили, что теперь придется заново строить свою жизнь. Легко сказать. Они-то ведь были уже взрослые. И у Лори была тетка. Но вот у него-то никого не было, и его запихнули в приют в Альбукерке. Даже если он называется временным общежитием, все равно это приют.

– О чем ты думаешь, Джереми?

– О завтрашнем матче по бейсболу.

Доктор Фергюсон вздохнул. Ему не удастся наладить контакт с этим парнем. Он наклонился с озабоченным видом.

– Послушай, Джереми, я знаю, что тебе пришлось пережить нечто ужасное, настолько ужасное, что ты отказываешься об этом говорить, но если ты не будешь говорить об этом, то все так навсегда и останется в твоей душе и ты никогда не сможешь от этого избавиться.

– А если я буду говорить с вами об этом, то, может, и избавлюсь от воспоминаний? – насмешливо откликнулся Джереми.

– Ну... пожалуй, – удивленно согласился Фергюсон.

– Если буду рассказывать вам об этих трупах, которые хотели нас слопать? Или о том звуке переспелого арбуза, с которым раскололась голова моего деда, когда Пол Мартин на-

ехал на него автобусом? Знаете, это было как раз перед тем, как мать Лори Робсона попыталась сожрать своего собственного сына...

Фергюсон постучал пальцем по толстой папке, лежавшей перед ним.

– Джереми, – сказал он примирительно, – весь город был отравлен химическим веществом, которое сделало людей... скажем... разными. Здесь нет ничьей вины. И самое главное, нет твоей вины. Нельзя жить в ненависти.

«Да, нельзя, но я не могу жить иначе. Все, что я могу, – это притворяться, что живу как все».

Он вышел из кабинета доктора Ферпосона, чувствуя, что потерял бесценное время. Но на что его тратить, это бесценное время? Чтобы без цели бродить по двору вместе с другими неприкаянными парнями? Чтобы поиграть в баскетбол? И вдруг он испытал жгучее желание увидеться с Лори. Желание почти непреодолимое. Должно случиться что-то страшное, он был в этом уверен. Он внимательно посмотрел на забор, прикрытый аккуратно подстриженным кустарником. Вполне преодолимо. Он ведь не в тюрьме, а в заведении для подростков, лишившихся семьи. Он направился к восточной стороне, самой далекой от строений, и беззаботно зашагал по аллее, обсаженной ивами, потом обогнул сарайчик, где старый Дженкинс хранил свои садовые инструменты.

– Вот те на! Кажется, завоняло дерьмом...

Джем резко обернулся. Бобби Бронкс, прислонившись к

сараю, весело смотрел на него; рядом с ним стоял Бам-Бам-Бабл. Вокруг них распространялся тяжелый запах гашиша. Джем пожал плечами.

Бобби сделал шаг вперед и положил свою огромную руку ему на плечо.

– Эй! С тобой говорят, ублюдок!

– Отвяжись.

– Отвяжись, – изменив голос, передразнил его Бобби. – А не хочешь ли, Хокинз, отсосать у меня?

– Отвяжись, – повторил Джем глухим голосом.

Последние два года он не выносил, чтобы к нему прикасались. Пальцы Бобби, вцепившиеся в его тело, жгли, как раскаленные угли.

Бобби усилил хватку. Он был на целую голову ниже Джема и затаил на него злобу за то, что тот отлупил его два месяца тому назад.

– Бам-Бам! Валяй сюда! Посмеемся.

Бам-Бам-Бабл подошел и долго рассматривал Джема, прежде чем протянуть ему косячок.

– Джем, родненький, не хочешь ли покурить вместе с нами?

– Давай я тебя трахну.

– Джем, дорогой, ты невежливый. А, Бобби? Ведь этот ублюдок невежливый?

– Ну же, кури, балда, кури, это здорово...

Кури. «Ешь, засранец, ешь». В его голове возникла тарел-

ка с кишашими тараканами и Пол, облизывающий свои острые зубы, и...

– Сука, ты что, тронулся или совсем рехнулся!

Джем заморгал глазами. Почему это Бобби Бронкс так вопит? А Бам-Бам-Бабл? Чего это он рухнул на четвереньки? Он повернулся к Бобби, темная кожа которого посерела.

– Не подходи, мудака! – закричал он, отступая.

Бам-Бам-Бабла рвало на свежескошенном газоне. Джем посмотрел на свою неестественно сжатую руку. Между пальцев, запачканных кровью, был зажат острый кончик шариковой ручки. Кровь? Боже мой! Он наклонился над Баблом и приподнял ему голову. Сильно побледневший парень икал. На уровне желудка на его спортивной футболке расплывалось широкое пятно крови. «Боже мой, я схожу с ума», – мельком подумал Джем, поворачиваясь к Бобби.

– Нужно предупредить директора! Быстрее!

– Ты что, Джем, больной? Да он просто больной! – крикнул Бобби, бросившись бежать к главному зданию.

– Мне больно, – стонал Бам-Бам, держась за живот обеими руками.

Через несколько минут здесь будут надзиратели, директор, Фергюсон со своей гнусной рожей все понимающего типа. Они прибегут и запрут его на многие годы. Как больного. Потому что никто ему не верил.

Он услышал, как бегут люди, услышал возбужденный шум голосов. Он схватился за ограду.

– Прости меня, Бабл.

Он был уже наверху и спрыгнул по другую сторону, на Сентрал-авеню, проскользнул между мчащимися машинами и двинулся в город, по направлению к Олд-тауну⁴ с его многочисленными туристами.

Биолог рассуждал о способе размножения земноводных, и Лори представил себе мистера Жабу, натягивающего презерватив. Он нетерпеливо взглянул на свои часы. Еще целых пять минут. Поторопись, Братец Жаба! Прошло уже два дня после звонка Марвину. Он вспомнил о спортивной сумке, лежавшей в его шкафчике. Он засунул туда сменную одежду, батончики мюсли, сгущенное молоко, межзубную нить, дорожную карту и Джимми – свой портативный компьютер «Макинтош».

Соседка прикоснулась к его руке, и он повернулся к ней. Джуди улыбнулась.

– Все в порядке, Лори? – прошептала она.

Лори вновь подумал, что она красавица и что надо бы пригласить ее в киношку, но это потом. Он кивнул и вернулся к своим мыслям. Он снова позвонит Марвину, и если получит отрицательный ответ, то возьмет свою сумку и удерет. Приют, куда они засунули Джема, находится в Альбукерке. Это примерно в семистах километрах. Автостопом он доберется туда за два дня, а может, и скорее, если выберет национальную автостраду №87 до Спрингера, а потом – авто-

⁴ Старый город (англ.).

страду № 85. Что, эти чертовы часы совсем не движутся?! Наконец звонок оповестил о конце урока, и Лори вскочил. Оттолкнув Джуди, он бросился в телефонную кабинку, стоявшую во дворе, и, немного взволнованный, стал набирать номер.

– Федеральное бюро расследований, здравствуйте, – произнес вежливый голос.

– Я хотел бы поговорить с агентом Хейсом, с Марвином Хейсом. Это срочно.

Марвин когда-то объяснил ему, что слово «срочно» открывает доступ в его отдел. Этим словом пользовались информаторы. Телефонистка нажала какие-то кнопки, и раздался теплый голос Хейса:

– Хейс слушает.

– Вы мне не перезвонили.

– А, Лори! Понимаешь ли, я...

– Так можно мне повидаться с Джемом? – прервал его Лори.

– Никак не получится.

– Почему?

– Он... Джем исчез.

– Они его убили? – неожиданно задохнулся Лори.

– Что? Да нет, конечно, он просто сбежал.

– Сбежал?

– Лори, с Джемом не все в порядке. Он напал на одного мальчика из своего класса, тяжело его ранил и сбежал. Если

он свяжется с тобой, ты должен мне позвонить.

«А как же, – подумал Лори, – держи карман шире».

– А есть предположение, куда он направился?

– Нет, мы потеряли его след. Но предполагаем, что он попытается встретиться с тобой. У него есть твой адрес... Лори, ты слушаешь?

Лори уже повесил трубку.

– Черт! – взорвался Хейс. – Черт, дьявол!

Вдалеке раздался гром, и яркая молния разорвала небо. Но Хейс не обратил на это внимания: в этот момент он набирал номер Уилкокса.

Лори побежал к своему шкафчику и вытащил сумку. Джем убежал. Но если он придет сюда, то его спапают шпикки. Они будут следить за домом тети Джанеты. Но Джем не дурак. Он сюда не придет. Нет, это Лори должен разыскать его. И если Джем ранил того парня, то ясно, что у него были на то основания. И основания серьезные. Лори смешался с выходящими учениками, ловко избежал Джуди, шедшей к нему навстречу, и пошел на автобусную остановку, подсчитывая в уме, сколько у него денег. По субботам он работал на автомойке старого Робинсона и поднакопил немалую сумму. Около пятисот долларов почти за два года. Тугой рулончик бумажек в кармане джинсов.

На автобусном вокзале он купил билет до Колорадо-Спрингс. Оттуда он попробует автостопом. Он будет пользоваться то автобусом, то автостопом, чтобы лучше

замести следы.

Он сел на последнее сиденье автобуса, уткнувшись носом в стекло, чувствуя в животе болезненный комок. Тетя Джанет придет в ярость. И будет беспокоиться. Но он должен туда поехать. И не только из-за Джема, а потому, что предчувствовал: что-то должно случиться. «Да разве есть хоть одна серьезная причина думать, что ничего не случится?» – спросил он себя, когда автобус тронулся. Он прочел в библиотеке все книги о сверхъестественном, и у него сложилось твердое убеждение, что если все, что произошло, ему не приснилось и Джексонвилль действительно был местом нападения живых мертвецов, то только потому, что этого захотели силы зла. Они нашли способ проникнуть на Землю через пролом, сделанный по неосторожности старым Леонардом, дедом Джема. И зачем этим силам теперь отступать? Джексонвилль сгорел вместе со своими зомби, но направлявшие их силы все еще там, они спрятались в тени и дожидаются малейшего промаха, чтобы завладеть миром. Впрочем, семейство Мартинов открыто намекнуло на своего господина: это таинственный Версус⁵. И в дневнике старой почтовой служащей, мисс Аннабеллы, было написано: *«Жизнь и смерть – это две стороны единого мига, точно так же, как едины день и ночь, и если до сих пор царил День, то теперь наступило время Ночи и темных Легионов».*

⁵ «Обратное», «противоположное» (лат.); на одном из индейских наречий – «Тот, кто противодействует».

Он вздрогнул и забился в самый уголок сиденья. Еще не было и шести часов, но уже совсем стемнело.

– Кто звонил? – крикнула Саманта, вылезая из-под Душа.

– Хейс, – вздыхая, ответил Герби Уилкоккс. – Джем сбегал. Они не знают, где он. Он напал на другого воспитанника и ранил его шариковой ручкой.

– Как это?

– Он проткнул одному из своих товарищей желудок какой-то чертовой шариковой ручкой и дал тягу. Твой миленький маленький Джем.

– Не будь глупцом. Джереми вполне уравновешенный парень. Если он все же это сделал, значит, у него были основания, – возразила Сэм, энергично просушивая свои рыжие, коротко стриженные волосы.

– Он был уравновешенным, когда ты его знала. А теперь он подобен нам. Один из выживших. Черт побери, Сэм, это все равно как если бы этот парнишка вернулся из Вьетнама или из концлагеря. Он травмирован, ты улавливаешь ситуацию?

– Это ты травмирован и не хочешь этого признать, – ответила она. – Пойми, Герби, этот мальчишка одинок, находится в полной изоляции, ему запретили видеться с его лучшим другом, он остался без семьи, и никто не верит ни единому слову из того, что он рассказывает.

Уилкоккс пожал плечами:

– Если бы мы рассказали правду, то все оказались бы в

психушке.

Сэм подошла и положила голову ему на грудь.

– Но мы знаем, что это правда. Мы знаем, что мертвецы могут двигаться, говорить, разгуливать среди живых, мы ведь это знаем, Герби. И мы не можем притворяться, что верим нашей же лжи. Мы знаем, что подвергаемся опасности. Повсюду. Постоянно. И не уверяй меня, что такой старый боец, как ты, не чувствует опасности.

Не отвечая, Уилкокс высвободился, нашел газету, лежавшую на низком столике, и протянул ей. Она удивилась, пробежала глазами крупные заголовки и вдруг увидела. Заметку, обведенную красным фломастером.

ТАИНСТВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В МОРГЕ ГОРОДА АЛЬБУКЕРК.

ПРОПАЛИ ДВА ТЕЛА.

ЭТО САМАЯ НЕПРИСТОЙНАЯ ШУТКА!

«Вчера утром, придя на работу, прозектор Гари Виге был крайне удивлен: исчезли два тела, которые он должен был подготовить к завтрашней погребальной церемонии!

Происшествие тем более шокирующее, что речь идет о двух маленьких детях, Бренде и Язоне Мак-Мюллен, к глубочайшему сожалению, погибших в автокатастрофе. Самое неприятное, что на линолеуме были обнаружены кровавые следы, ведущие к выходу. Легко вообразить переживания родственников. Какие выродки могут развлекаться подобным образом?.. »

Сэм медленно отложила газету.

– Точно так же, как было с мисс Аннабеллой, – прошептала она. – Та умерла, но в морге пришла в себя и, голая, ушла ночью на улицу. Я прочла это в ее дневнике...

– Я звонил в Альбукерк, – прервал ее Герби. – Как раз перед звонком Хейса, пока ты была в ванной.

– Прекрасно, начинаем тайное расследование! Кстати, Уилкокс, напоминаю, что агент ФБР – это я. А ты – просто деревенщина, выписывающая штрафы.

– Это не смешно, Сэм.

– Ах, не смешно? Ладно, я просто старалась подражать тебе... тоже быть крепким орешком.

– Я не говорил об этом, чтобы зря тебя не нервировать. Хотел сначала собрать побольше информации. Ты ведь только вчера приехала!

– Ну, так какова информация?

– Бренде было восемь лет, а Язону четыре года. Машину вел их отец, Аллан Мак-Мюллен. Он был пьян. И пошел на обгон, поднимаясь на пригорок. Навстречу выскочил грузовик. Страшное лобовое столкновение. Малыши погибли на месте. Мак-Мюллен лежит в больнице в коме. Его жена скончалась два года тому назад. От рака.

– Мерзкая история, – сказала Саманта.

– По крайней мере, ей не довелось увидеть, как погибли ее малыши. Но в газете ничего не говорится об одной подробности. Прозектор начал свое дело еще накануне. Он уже за-

шил их и в значительной степени подготовил к тому, чтобы выставить для прощания. Но малышу нужно было еще пришить кисть руки.

Сэм сделала гримасу. Уилкокс продолжал:

– Кисть положили в такое приспособление, знаешь... мешочки-термосы, в которых они держат органы. Так вот, мешочка там не оказалось. Это означает, что типы, которые сыграли эту... шутку, знали, где находится кисть руки. Не очень-то правдоподобно, правда?

Саманта вздрогнула и потуже стянула на груди махровое полотенце.

– А что говорят в Альбукерке? – спросила она глухим голосом.

– А что они могут говорить? Они думают, что все это подстроил один из служащих. Пока дело буксует.

– Ты говорил об этом с Марвином?

– Да. Он первым же самолетом летит к Аньелло.

– К Аньелло?

– К Ральфу Аньелло. Ему передано дело Джема. Я знаю, как о нем отзываются. Одержимый крайне правого толка, но крепкий коп, из тех, кто вцепляется в дичь мертвой хваткой и разжимает зубы только тогда, когда добыча уже не шевелится. Достаточно жесткий, но весьма результативный.

– Знакомый стиль... Герби, этот морг... Ты думаешь, что это *они*? Ты думаешь, что все начинается заново?

Он подошел к окну и стал рассматривать горизонт, заты-

нутый тучами.

– Я думаю, что это уже началось.

Лейтенант Аньелло зажег сигариллу⁶ и стал разглядывать огромного негра, сидевшего напротив. На этом мерзавце федерале был костюмчик из дорогой ткани и кожаные туфлишки, которые тянули на трехмесячный оклад. Аньелло выпустил облако дыма и гнусаво произнес:

– На мальчишку был выдан ордер на арест, а вы просите меня закрыть дело?

– Я не прошу вас закрыть дело, – устало объяснил ему Марвин. – Я прошу вас соизволить на время прекратить заниматься этим делом и предоставить расследование мне.

Аньелло, маленький худенький человечек с осунувшимся лицом, начал ёрничать:

– Что, затронута безопасность государства? Или это программа VICAP?⁷

– Лейтенант, мы заинтересованы в этом парне. Я не собираюсь спасти его от правосудия. Я просто хочу уладить это по-своему.

– Ну да. Ведь вы, федеральные агенты, полагаете себя выше законов?

– Я выше большинства законов этой страны, лейтенант. И у меня направление, подписанное лично директором, – с

⁶ Маленькая сигара

⁷ Программа отслеживания насильственных преступлений против личностей (Violent Crimes Against Persons).

апломбом солгал Марвин.

На самом деле никто не просил его разыскивать Джема. Дело «Джексонвилль» было официально закрыто, и в значительной степени благодаря той лжи, которую сообщили они шестеро. Марвин не стремился возобновлять это дело, потому что ему хотелось оставаться на своем посту, а не угодить в какой-нибудь центр психиатрической помощи. Таким образом, он сам себе поручил это дело и занялся им без ведома Джеймса Болдуина, своего выдающегося начальника.

– Опять эти ваши истории, связанные с военными секретами? – выкрикнул Аньелло. – Но я тоже провел свое маленькое расследование. Этот парнишка – один из уцелевших в Джексонвилле. В огне города погибли три тысячи человек. Жуткий грозовой денек! Правда, довольно любопытно? И никто не воспользовался своей тачкой, чтобы дать деру. Нет, что вы, все они смиренно согласились подохнуть. Кроме шестерых. И вы один из них. А парнишка рассказывал каждому встречному, что город был логовом оголодавших зомби, которые пытались взять контроль над живыми... И случилось все это из-за пролома во Вселенной, через который бесы проникли в наше пространство-время... И как раз это-то малыш и попытался убить одного из своих товарищей. Он сумасшедший, Хейс. Я не знаю, что там такое произошло, но сейчас-то он точно сумасшедший.

– Я найду и верну его. Но скажите своим людям, чтобы они не вмешивались.

Аньелло вздохнул:

– Заметьте, я спорю просто ради развлечения. Я ведь всего лишь коп, берущий под козырек, мистер важная шишка из Вашингтона.

Хейс встал.

– Спасибо, лейтенант, за сотрудничество.

Когда он закрывал дверь, ему показалось, что он расслышал шепот, что-то вроде «паршивый черный идиот», но, вероятно, ему это просто почудилось.

Около полуночи Джем бесшумно выскользнул из пустующего дома, занятого бродягами. Самая разнообразная публика, завернувшись в старые заплесневелые газеты, спала в коридорах. Перешагнув через тела, он вышел на улицу, совершенно пустынную в этот час, если не считать двух пьянчужек, которые грелись возле импровизированной жаровни. Подгоняемый голодом, он быстро шел вдоль полуразрушенных домов. Весь квартал был предназначен на снос, поэтому вокруг слонялись только бомжующие да ханурики-наркоманы. И еще беглые пацаны. Он решил сгонять в открытый всю ночь супермаркет, который заметил в двух улицах отсюда. Он постарается что-нибудь стибрить. Накануне ему удалось свистнуть монету у одного из наркоманов под кайфом, отрубившихся в этом пустующем доме. Хватит, чтобы купить батончики мюсли и апельсиновый сок.

Он опасливо продвигался вперед, поминутно бросая вокруг осторожные взгляды. Главное – не попасться по глу-

пости. Он уже собирался пересечь проспект с разбитым асфальтом, когда вдруг замер на месте.

Какого черта делают на улице эти малыши? В такой час да еще в таком тухлом районе? Их было двое, мальчик и девочка, они приближались неуверенной походкой, держась за руки, по другой стороне улицы. Девочке не было и десяти лет, а мальчишечке – всего три или четыре годика. Неужели их бросили родители? Или они убежали? На краткий миг ему представилась картина детей, сбежавших от недостойных этого имени родителей, истязавших их. Он сделал шаг в их направлении, и они резко остановились, медленно поворачивая головы в его направлении. Оба ребенка были светловолосые, как и сам Джем. Оба бледные. И очень странно одетые, подумал он. На мальчугане был черный бархатный костюмчик, а на девочке – розовое платьице, какие носят подружки невесты. Джем не мог разглядеть их лиц, они были слишком далеко, но, кажется, они... улыбались. Да, улыбались. Странно. Похоже, они не были напуганы и вовсе не казались несчастными. Малыш держал что-то в руке, кажется, пластиковый мешочек, которым машинально размахивал.

Джем сделал еще шаг, и улыбка детей стала шире. Девочка шаловливо прикрыла рот. Они подходили к большой куче мусора, наваленной на тротуаре вдалеке от фонаря. От нее исходила такая сильная вонь, что Джем был принужден дышать через рот. Он не выносил теперь запаха помойки, это напоминало ему тяжелую вонь гниения, нависавшую над

Джексонвиллем. Малыш весело помахивал своим мешочком и что-то кричал.

– Что ты говоришь? – спросил его Джем, собираясь перейти улицу.

– ... кушать!

Они хотели есть. Но... брошенные малыши, одетые по-праздничному? Раздавшийся шум шагов помешал ему додумать свою мысль. Появилась старая бомжиха с трехколесной тележкой из супермаркета, грохотавшей железом и пустыми бутылками. Она остановилась в двух шагах от малышей.

– Какова фига здесь делаете-та? – изрыгнула она.

Джем отступил в тень. Он не хотел, чтобы его видели. Даже старуха бомжиха может оказаться опасной, если копы начнут ее допрашивать.

– Кушать... – повторил мальчик.

А девочка опять прыснула со смеху.

Джема охватила какая-то слабость. Может быть, от запаха падали? *Дети были такими...* Или оттого, что он долго не ел? ... *странными*. Или просто от усталости?

Одетые как куклы. И ни капельки, ни капельки не испуганные. Джем отер вдруг вспотевший лоб. Мальчик сделал шаг к свету, приближаясь к старухе, и желтый отблеск фонаря осветил содержимое его прозрачного мешочка. «Почему он разгуливает с мешочком, в котором лежит *кисть руки?*» – спросил себя Джем. И вдруг он осознал, о чем только что подумал, и ноги у него сразу стали ватными. Да нет

же, он просто псих, это опять один из его приступов страха. Он плохо рассмотрел. Это не потому, что ребятки – *мертвенно-бледные* – возникли из ниоткуда и наряжены в лучшую одежду, как те *набальзамированные* люди, которых он видел однажды по телику, прежде чем надзирательница поспешно переключила на другую программу... это не потому что... Джем заколебался: он потерял нить рассуждения. Но детишки... Малыш, напевая, подходил к бомжихе, а девчушка в своем розовом муслиновом платьице – *как у Хелен Мартин, когда та вышла из могилы и...* — прыгала то на одной, то на другой ножке...

– Спасайтесь, – завопил Джем. – Спасайтесь! Не подходите к ним!

– Чиво?

Повиснув на своей тележке и слегка покачиваясь, старуха медленно повернулась к нему.

– Бегите! Они злые! Бегите! – опять закричал Джем, и девочка взглянула на него с улыбкой, обнажив красный рот, полный *острых клыков*.

Повторяя с глупым видом: «Чиво?» – старая женщина сделала шаг вперед, потом отступила.

Приветливо подняв руку, малыш тоже повернулся к Джем, и стало видно, что у него нет кисти, что рука кончается культей, откуда торчит белая кость.

И запах. Смердный тяжелый запах. Как он мог быта таким идиотом, чтобы подумать, будто запах исходит от мусорных

бачков, а женщина все стоит и...

Мальчуган потянул старуху за платье, и она наклонилась к нему так, что тележка спрятала ее от Джема Ни шума, ни криков. Только вертикальный фонтан крови. Девочка зашлась хохотом и бросилась к Джему. Она бежала на четвереньках, как зверь, как волк – как волк в розовом платье, открыв пасть, и ее длинные светлые волосы развевались на ветру, а вокруг растекался тяжелый запах тухлого мяса.

«Пошевеливайся, пошевеливайся, или ты погиб!» – услышал Джем свой собственный вопль. Он отступил, едва не упав, и бросился бежать назад, к жаровне, оставшейся в сотне метрах позади. Каких-то сто метров. Огонь. Спасение. Прерывистое дыхание девчонки позади него, совсем уже близко. Кажется, что ее язык уже касается его пяток. И этот непрекращающийся глупый смех. Он зацепился за трубу и рухнул. Ручонка схватила его за лодыжку, маленькая, холодная как лед ручонка с острыми когтями, и на него нахлынула вонь. Он завыл, безуспешно отбиваясь ногами, затем, подобрав большой кусок песчаника, ударил малышку по голове. Он почувствовал, что камень углубился в мягкий череп, и увидел, как брызнул мозг. Девчонка с проломленным черепом отряхивала платье.

– Ты плохой, – сказала она тоненьким голоском, уставившись глазами, неподвижными и холодными, как у акулы, изготовившейся к атаке, на низ живота Джема. – А она у тебя большая? Ты мне покажешь свою сосиску?

Чувствуя, что его вот-вот вырвет, Джем взглянул на камень, вымазанный мозгами, а затем что есть силы запустил им в лицо девчонки.

Она пошатнулась, словно маленький испорченный автомат, а Джем со всех ног бросился прямо к жаровне, возле которой хором распевали пьяницы.

Джем, не отдавая себе отчета, растолкал их, запустил руку в железный бидон, схватил докрасна раскаленный уголь и, не обращая внимания на удивленные возгласы пьянчужек, швырнул его в девчонку, которая опять наступала. Пылающая головешка, подпалив платье, упала к ее ногам, и девочка отскочила, издав такой вопль, что ее кожа, испещренная мраморными пятнами, лопнула, обнажив множество блестящих личинок, а маленький улыбающийся ротик стал изрыгать огромных черных тараканов, которых Джем, тоже вопя, давил сапогами. Завопили и оба пьянчужки, а девочка хлопала в это время своими пухленькими ручками по почерневшему платьицу. Но вот, словно принесенный порывом ветра, появился и мальчик, передвигаясь на четвереньках длинными легкими прыжками. Пьянчужки замолчали и бросились удирать со всех ног. Джем протянул руку к жаровне. Малыш остановился, прерывисто дыша. Его взгляд был полон ненависти, на мясистых губах появилась отвратительная пена. Он подошел к сестре, которая взяла его за руку.

– Убьет тебя, – спокойно сказал мальчишка.

– Убьет и съест тебя, – добавила девочка. – Он испортил

мое красивое платье, – захныкала она, показывая дыры.

– Он плохой, – согласился ее брат. – И глупый. Очень глупый.

– Если подойдете, я вас спалю! – завопил испуганный Джем.

– Ну, болтай, болтай, это так интересно... – парировал мальчуган неожиданно низким голосом.

– До скорого, Джем, любовь моя, – бросила, удаляясь, девочка.

– Не забывай нас! И приятных сновидений! – пожелал ее брат.

Продолжая держать руку над жаровней, Джем смотрел, как они уходят; от судорожного напряжения он даже скрипел зубами.

На углу дети свернули на другую улицу, держась за руки, резвясь и смеясь на ходу.

«Больно. Мне больно. Почему мне так больно?»

Джем опустил глаза и увидел свою руку с раздутой и ободранной ладонью, с обугленной на пальцах кожей. Он недоверчиво рассматривал полыхающую жаровню. Неужели он запустил руку в раскаленные угли? Как один из тех мучеников, о которых рассказывал дед Леонард? Потом он осмотрел опустевшую улицу. Почему они отступили? Обычно они никогда не отступают. Надо срочно предупредить остальных. Предупредить Лори. Но как? Они; наверное, наблюдают за домиком его тетки. Хейс заодно с фараонами, Саманта и

Уилкоккс тоже. Рут. Рут Миралес! Она его не выдаст. Она, может быть, даже не знает, что он сбежал. Саманта писала ему, что Рут в Лас-Вегасе. А в Вегас легко пробраться незамеченным.

Но сначала надо рискнуть позвонить Лори. Сказать ему, что все началось вновь.

2

Марвин брился, стоя перед окном гостиничного номера. Факс от его помощника Джонатана с известием, что Лори тоже сбежал, лежал на телике, по которому передавали семичасовые новости. Вдруг он замер. «Недалеко от Ноб-Хилла найдена женщина без определенного места жительства, – вещала дикторша, похожая на королевского пуделя. – Жертва, Люсинда Гонзалес, по прозвищу Пьяница Люлю, сорока восьми лет, была найдена мертвой и обескровленной возле полуразрушенного дома. Единственное свидетельство, которым следователи располагают на данный момент, это рассказ очевидца, Джерри Махоленда, пятидесяти четырех лет, также без определенного места жительства, ветерана Вьетнамской войны».

Не стирая пены для бритья с подбородка, Марвин повернулся к экрану телевизора как раз в тот момент, когда на нем появился мужчина, на вид лет семидесяти. Длинные спутанные волосы, засаленная борода, одет в заплатанную военную шинель, толстый шарф вокруг шеи. «Я грелся с одним корешем возле жаровни, когда увидел этого парня, – невнятно пробормотал Махоленд. – Бежал как сумасшедший! А двое других, они гнались совсем следом, двое малявок, даже как одна семья – подумал, а потом парень как сунет руку в огонь, вот так, и давай кидать большущие куски угля в ма-

лышню, а потом малышка... ну да, их было двое, малышей то есть, девочка и мальчишечка, а малышка-то начала орать из-за тараканов, здоровенные такие твари, вы бы видели, а мы, ясное дело, решили скрыться, потому что парень, этот-то, был очень подозрительным, ясное дело, это он сотворил с Люлю... » – «Лейтенант Аньелло и его группа не смогли дать других уточнений по поводу этого гнусного убийства, – продолжал молодой комментатор с безукоризненной укладкой. – Они не смогли также ни подтвердить, ни опровергнуть это свидетельство... Наш следующий выпуск в девять часов... »

Марвин быстро прошелся по всем программам, но там шли только сериалы или реклама. Он вытер подбородок полотенцем и бросился к телефону. Двое малышей. Пацан. Зарезанная женщина. Его пальцы дрожали, когда он набирал номер мобильного Аньелло.

– Н-н-да?

– Это Марвин Хейс. Я только что прослушал известия.

– Сейчас семь часов, Хейс. Известно ли вам, где я нахожусь в такую рань? В морге. И разглядываю труп старой бомжихи, горло которой раскромсано до самых шейных позвонков. А эксперт распиливает ее черепную коробку, слышите? З-з-з-з... З-з-з-з. Просто классно, это перед завтраком-то.

– Свидетель описал парня?

– Ну и ну, мы рассуждаем! Вы, федералы, и вправду настоящие асы. Угу, он его описал. Парень лет пятнадцати,

блондин, примерно метр восемьдесят, худой, в сером свитере и в джинсах. Вам это что-то напоминает? У меня-то в картотеке есть такие приметы. Приметы парня, который смотался позавчера из временного общежития в Сан-Феличе.

Марвин почти слышал, как улыбается Аньелло. Тот продолжал:

– Ну а теперь они извлекают печень, это очень забавно. Ладно, что будем делать?

– Я должен с вами увидаться.

– А где вы?

– В гостинице, на Централ-авеню.

– О'кей, через час в «Coffee shop» напротив фонтана на Сивик-Сентр-Пласа. Платите вы.

Лори не было дома. Джем в задумчивости отошел от телефонной будки. Женщина на другом конце провода была, конечно, тетя Джанет. Она уверяла, что Лори ушел в колледж. Не хочет ли он оставить сообщение? У нее был напряженный, озабоченный голос. «Нет, я перезвоню», – ответил он, вешая трубку. Джем посмотрелся достаточно фильмов, чтобы знать, что по такому короткому звонку нельзя определить его местоположение. Он взглянул на свои часы. Семь часов. И в семь утра Лори уже ушел в колледж? Конечно, может быть, он живет далеко и ему на дорогу нужен целый час. Джем вздрогнул. Он замерз, сильно проголодался, все его тело затекло. Он провел ночь под упаковочными картонками возле Олд-таун-Пласа, в одном из самых оживленных квар-

талов города. Это было рискованно, принимая во внимание, что там часто рыскали полицейские, но Джему было совершенно необходимо слышать шум, чувствовать присутствие людей, видеть огни. Он открыл глаза в шесть, разбуженный грохотом мусоросборщика, а потом, скрючившись, просидел на ступеньках какой-то пиццерии до семи часов, когда решил позвонить Лори. Было начало октября, днем термометр легко поднимался до двадцати двух градусов, но на рассвете температура падала, а на Джеме были только футболка и свитер. Рука ужасно болела. Он оторвал один рукав футболки, чтобы хоть как-то перевязать рану, но дергающая боль распространялась до самого локтя. Заметив открывшуюся бакалейную лавку, он решил попытаться счастья. Необходимо было поесть. А потом удирать в Лас-Вегас.

Марвин вяло чистил зубы. Джем... Джем замешан в убийстве... невысказанно. И эти малышки... зачем они там оказались?... Зарезанная женщина, детишки и Джем. От предчувствия ему свело желудок. Надо позвонить Уилкоксу и Саманте, они могут быть здесь уже через пару часов. Им необходимо снова объединиться. И быстро. Звонок телефона заставил его вздрогнуть.

- Звонок из Денвера, сэр.
- Соедините. Да?
- Это Джонатан, Марвин.

Голос его молодого сотрудника дрожал от возбуждения.

- Есть новости. Кто-то пытался поговорить с Лори Робсо-

ном, звонили к его тетке, сегодня утром точно в семь часов. Судя по голосу, подросток. Мы не смогли определить, откуда звонили.

– Ладно. В конторе все тихо?

– Мистер Болдуин справлялся, есть ли продвижение в деле Сокорро.

Сокорро. Студент-юрист, подозреваемый в том, что совершил более тридцати преступлений в двадцати различных штатах.

– Я сказал ему, что вы будете отсутствовать двое суток для проверки протоколов.

– Отлично. Спасибо.

Марвин потер виски длинными тонкими пальцами. День начинался плохо. Как два года тому назад, когда прекрасным летним утром они вместе с Самантой прибыли в Джексонвилль, чтобы провести расследование четырех убийств, совершенных в последние трое суток. Он протянул руку к баночке на ночном столике и проглотил две таблетки. В последнее время у него часто болел желудок. «Повышенная кислотность, слишком много стрессов, – сказал доктор, – надо поберечь себя». Он так и делал. Уже не выезжал на место преступления. Подал прошение и получил назначение на должность аналитика. Джем – это исключение.

У Уилкокса был сонный голос, но, когда Марвин кратко изложил ситуацию, он сразу перестал зевать. Они решили встретиться в десять тридцать перед зданием Конвен-

шен-центр.

Марвин быстро оделся: костюм прекрасного покроя, цвета антрацита, синяя рубашка с зеленоватым отливом, галстук мышинового цвета. Даже в самых сложных ситуациях он тщательно следил за своим внешним видом. Чтобы чувствовать себя готовым противостоять любым обстоятельствам внешнего мира, ему было просто необходимо, чтобы зеркало отражало его собственный положительный образ. Он пригладил волосы и вышел из гостиницы в тот самый момент, когда в ста метрах от него Джем незаметно покидал бакалейную лавку, засунув за пояс джинсов сгущенное молоко и глазированные батончики.

– Эй, ты там! – закричал вдруг продавец, вынырнув из-за кассы.

Джем не обернулся, удаляясь быстрым шагом в направлении оживленной Сентрал-авеню.

– Эй, ты! Ну-ка, покажи, что там у тебя!

Голос потонул в грохоте движения, и Джем перевел наконец дух. Он устремился к входу в галерею видеоигр и уже начал разрывать обертку батончика, когда вдруг заметил на противоположном тротуаре Хейса. Джем прищурился. Никаких сомнений, это был Марвин Хейс, немного осунувшийся, одетый в великолепный серый костюм. Он куда-то направлялся своей быстрой походкой. Джем минуту колебался, не окликнуть ли его. Рассказать ему о двух малышах. Но Хейс – коп. Хоть и федеральный коп, но все же коп. Он сно-

ва поместит его в какое-нибудь заведение, а Джем не хотел, чтобы его запирали. Да еще с учетом того, что назревало. Он спрятался в тени и переждал, пока Хейс удалится. Потом вышел и двинулся по проспекту в противоположном направлении.

Аньелло сидел возле окна на банкетке, обтянутой красным молескином, и с мрачным видом созерцал свой кофе. Большинство посетителей пришли поодиночке и быстро ели, проглядывая бумаги. «Служащие из Сивик-сентр и расположенного поблизости университета», – подумал про себя Хейс, усаживаясь напротив Аньелло.

Тотчас как из воздуха возникла официантка.

– Кофе? – резко спросила она хриплым голосом, собирая грязную посуду с соседнего столика.

– Нет, чай.

– Чай?

Аньелло смотрел на него со снисходительной улыбкой.

– Каждый раз, как я оказываюсь в какой-нибудь зачуханной дыре, я сталкиваюсь с зачуханным мелким копом, полагающим себя очень догадливым, – заметил ему Марвин, когда девушка отошла со своим перегруженным подносом. – Должно быть, это один из законов природы нашей прекрасной страны.

Аньелло метнул на него косой взгляд и стал помешивать кофе, позвякивая ложечкой.

– Господи, – вздохнул Марвин, – вам действительно нечем

больше в жизни заняться кроме как враждовать со мной?

– Психоаналитическая болтовня. Как только встречаешься с федералом, так сразу можно открывать зонтик: польется психоаналитика. А убийцы тем временем совсем распоясались. Послушайте, мистер Хейс, я буду с вами вполне открытым: не люблю федералов, не люблю чужаков и не люблю, когда меня достают.

Официантка, внимательно прислушиваясь, поставила перед Марвином чай.

– Вас зачаровывают речи этого джентльмена? – небрежно спросил ее Марвин, наливая чай в чашку. – Он репетирует роль тупицы в полицейском сериале.

Фыркнув, официантка отошла, а Аньелло злобно загасил в кофейной чашке сигарету.

– Ну ладно, пожалуй, перейдем к предмету нашей встречи, – продолжал Марвин, вытирая губы салфеткой. – Есть что-то новенькое?

– Вы мне не нравитесь, Хейс. Ни ваша обезьянья рожа, ни ваши шикарные костюмы за три тыщи монет.

Хейс принудил себя сохранять спокойствие. Он не впервые сталкивался с такой реакцией. Расист, тупой коп, упорно цепляющийся за свой мятый тергалевый костюм и за вонючие сигареты. Он начал равнодушно напевать *KMABlues*. У него было правило, которое он усвоил еще мальчишкой: насмеяться над другим надо так, чтобы тот этого не заме-

тил. Они называли это *capping*⁸. И он был почти уверен, что такой пентюх, как Аньелло, неспособен понять намек. «*KissMyAss...*»⁹ Негритянский шлягер сороковых годов.

Некоторое время Аньелло молчал, потом, похоже, решил, что игра не стоит свеч, и пожал плечами.

– По словам медицинского эксперта, – сказал он, – это произошло вчера, между двадцатью тремя и двумя часами. Эксперт не смог установить орудие преступления. Горло было искромсано по всей ширине, есть следы укусов на щеках и на груди. Вырваны большие куски плоти. Знаете, что он мне сказал? Он мне сказал, что у него создалось впечатление, будто ей разорвали горло зубами... Забавно, правда?

С бьющимся сердцем Марвин налил себе еще чая. *Укусы*. В этом-то и дело, это *они*. *Они* вернулись. И во всем этом, как и в первый раз, оказался замешан Джем. Но почему? Является ли все это частью единого плана? Должен ли Джем сыграть определенную роль в этой битве? Он осознал, что, наклонившись к нему, Аньелло продолжает говорить:

– Послушайте, мистер Хейс, я изучил дело Джексонавилля. Хейс поднял брови. Аньелло хитро улыбнулся:

– Я отлично знаю жителей Лос-Аламоса. Вот уже тридцать лет, как я работаю здесь копом. Я изучил описание ранений, обнаруженных на трупах. Официальная версия: в результате предыдущих военных опытов, считавшихся сверхсекретны-

⁸ накрыть шляпой.

⁹ «Поцелуй меня в ж...» (англ.)

ми, – заметьте, как это удобно, – вокруг Джексонвилля произошло, вероятно, скопление токсического газа, и газ, из-за неблагоприятных метеоусловий, накрыл город. Некий химический Чернобыль. Короче, отсюда получается, что большинство жителей сошли с ума из-за воздействия газа, вызывающего галлюцинации, и стали убивать и пожирать друг друга!

Он стукнул кулаком по столу.

– И вам это известно, вы там были, – продолжал он. – И Джереми тоже был там. А сегодня ночью старуху наполовину съели, и Джереми Хокинз опять был там. И что я должен теперь думать? Что отравление может проявляться и через некоторое время?

– Ну, в таком случае, лейтенант, я сам тоже могу оказаться опасным, – тихо заключил Марвин.

– Угу. Можете стать похожим на ваших предков каннибалов.

– Еще одно подобное замечание, лейтенант, и я переломлю вам все пальцы правой руки, той самой, которой вы держите пушку и чешете яйца, а я предполагаю, что это два ваших излюбленных занятия.

Аньелло рассматривал Марвина через полуприкрытые веки. Негритос не шутит. У него слащавая улыбочка типчика, готового всадить вам нож под ребра.

– О'кей. В этом деле вы большой бвана¹⁰. Ну а я остаюсь

¹⁰ Вождь африканских негров.

при своих мыслях!

– Вы уверены? Я имею в виду, что у вас есть мысли? – вежливо осведомился Марвин.

– Я думаю, что вы нам солгали, – прошептал Аньелло, не обращая внимания на прозвучавшее замечание.

Марвин почувствовал, что пот течет у него по спине. Аньелло сохранял серьезность.

– Я считаю, что это был не ядовитый газ. А нечто похуже. Это были серые человечки.

Марвин озадаченно рассматривал своего собеседника.

– Городок Росвелл... – добавил тот с заговорщическим видом. – Никто еще не выяснил, какие существуют связи между человечком из Росвелла и атомными испытаниями в Лос-Аламосе. Но взгляните повнимательнее на даты. Тысяча девятьсот сорок седьмой год. В Росвелле, мистер Хейс, появился не инопланетянин, а чертов мутант. И он был не один. Их было несколько, и они размножились, спрятались в Джексонвилле, смешались с его населением. Я изучил карту. Это совершенно очевидно. Мутанты-каннибалы, Хейс, и Джереми один из них!

Хейс уставился на него с открытым ртом. «Человечек из города Росвелл». Знаменитый гуманоид, найденный в 1947 году после крушения неопознанного летающего объекта в этом пустынном районе штата Нью-Мексико. Военные власти той поры обвинялись в полном замалчивании происшествия. По всем континентам распространялась видеокассета

с записью вскрытия этого так называемого инопланетянина.

– Вот почему этим делом занимаетесь вы, а меня из него вывели... – продолжал Аньелло тягучим голосом. – Государственный секрет...

Пытаясь сохранить спокойствие, Марвин сделал глоток холодного чая. А вдруг теория Аньелло не столь уж абсурдна, как кажется на первый взгляд? А что если эти создания, вылезшие из могил, на самом деле пришли из другого мира и только внешне имеют человеческий вид? Если поверить в существование гуманоидов, прибывших из других галактик, то можно перенестись в другой, абсолютно рациональный мир, в котором мертвецы не преследуют живых, чтобы сожрать их.

До него дошло наконец, что Аньелло уже встал.

– Я должен идти, работенка не ждет. Счет оплачиваете вы, мистер Хейс. Надеюсь, вы быстренько арестуете этого проклятого мутанта. Во всяком случае, раньше, чем город наполнится остовами добропорядочных граждан, обглоданных до костей.

«Этот тип тронулся», – подумал Хейс, глядя, как удаляется по утренней прохладе Аньелло, казавшийся тщедушным в своей широкой черной кожаной куртке и в жалких голубых брюках, болтающихся вокруг его тощих ног.

Марвин расплатился и тоже вышел, решив немного пройтись перед встречей с Герби Уилкоксом и Самантой.

Инопланетяне-каннибалы. Собравшиеся по указке Лео-

нардо, деда Дজেма. Просто ради смеха принявшие вид разлагающихся трупов. Или трупов, не подчиняющихся непреложным законам смерти. Тела, подобные нашим, но бессмертные.

– Этот псих внушил мне свои завиральные идеи, – проворкотал он, застегивая пиджак.

Лори внезапно проснулся. Огромный грузовик только что остановился перед дизельной заправкой.

– Мы в Медаленсе, – зевая, объявил дальнобойщик. – Я пойду перекушу. Если хочешь...

Лори покачал головой и открыл дверцу. Его сразу охватил холодный воздух. Он чувствовал себя усталым, полусонным. Лори два раза сменил автобусы, в Пуэбло и в Тринидаде, а потом почти два часа голосовал на заправочной станции, прежде чем этот водитель согласился его подвезти. В грузовике он проспал несколько часов, свернувшись калачиком возле дверцы и зажав в кулаке свои денежки. Он посмотрел на измятую карту: Медаленс. Уже близко. Наверное, утром он будет в Альбукерке.

Джем медленно прошел перед автобусным вокзалом, прикрыв лицо капюшоном свитера. Два могучих здоровяка стояли по обе стороны от окошечка кассы, делая вид, что зачарованы расписанием. Шпики. Полчаса тому назад он попытал счастья на центральном вокзале, но должен был уйти и оттуда. Они оцепили город. «Теперь уже речь идет не о том, чтобы разыскать удравшего пацана, а о том, чтобы аресто-

вать главного подозреваемого в убийстве», – подумал он с горечью. А в это же время двое маленьких мерзавцев забились, должно быть, в какую-нибудь крысиную дыру и с нетерпением ждут следующей ночи.

Он продолжал шагать, безнадежно выискивая способ проскользнуть через раскинутую сеть. Ему казалось, что кисть руки вдвое увеличилась в объеме, а всю руку пронизывала резкая стреляющая боль, которая заставляла его потеть. А если началось заражение? Лучше сосредоточиться на основной проблеме. Добраться до Лас-Вегаса и оказаться рядом с душевной, внушающей доверие Рут Миралес. Он ощупал задний карман, чтобы убедиться, что распятие, которое он украл в церкви Сан-Фелипе Нери, все так же на месте, и ему стало хорошо от этого прикосновения. Рут сразила им не одного зомби, от этого распятия у них, как от пули дум-дум, взрывалась голова. Притормозила какая-то машина, и Джему показалось, что у него останавливается сердце, когда он услышал слова:

– Эй, сынок!

Джем медленно повернул голову и увидел мужика неопределенного возраста, разложившего карту на коленях и высушившего голову из дверцы машины.

– Я ищу Баллун-фiesta-парк.

Погруженный в свои мысли, Джем вздохнул. Баллун-фiesta-парк? Ах да, там ежегодно проходит Международная fiesta воздушных шаров, запуск шаров-монгольферов.

– Это не здесь, надо развернуться... Это довольно трудно объяснить...

Мужик казался раздосадованным.

– Я уже опаздываю, показ назначен на девять тридцать, но у меня по дороге спустило колесо...

Джем машинально его разглядывал. Похож на Эррола Флинна в его последних фильмах; и от него разит виски. Безупречно белая рубашка надета на майку, он явно смочил волосы, перед тем как их причесать. Машина, старый «форд-корвет», имеет номера Нового Орлеана. И вдруг Джем решился:

– Если хотите, я могу вас проводить.

– Правда? Найдешь минуту? Тебе не надо идти в школу?

– У меня нет сегодня утром уроков. Наш преп заболел. И я смогу посмотреть шары.

– О'кей, садись!

Когда Джем открывал дверцу, раздался настойчивый свисток, и он едва не разбил голову о крышу машины.

– Проезжайте, вы мешаете движению! – орал огромный полисмен, размахивая дубинкой.

– Сию минуту!

Под разгневанным взглядом фараона Эррол Флинн резко тронулся с места.

– Меня зовут Ричи Коул. Друзья зовут меня Бадди. Я аллигатор.

Джем закрыл глаза. Еще один больной.

– Это значит – белый музыкант, если тебе так больше нравится. У меня в жизни две страсти: новоорлеанский джаз и монгольфьеры.

– И вы зарабатываете себе этим на жизнь?

– Совершенно верно. Я играю в оркестре. И летаю на шарах «Аэростатик клуб Нового Орлеана»... который сейчас, наверное, корчится от отчаяния, глядя на часы.

– Поворачивайте налево, я знаю короткий путь, – сказал Джем. – А на каком инструменте вы играете?

– На трубе.

Стивен Бойлз тоже играл на трубе. И классно. Это был единственный известный Джиму труп, создавший оркестр. Но, заметьте, Стивен не знал, что умер. В этом-то и было все дело: мертвецы Джексонавилля думали, что они живы, а вот когда они поняли, что это не так, вот тут-то все и началось.

– Ты поранил руку? – спросил Ричи Коул.

– Упал во время кросса, ничего серьезного.

Мужик молча покачал головой. Джем находил его странным, чрезвычайно странным. Может быть, потому, что он говорил то низким, то высоким голосом. И его изящные манеры, составлявшие контраст с мужественным лицом... Джем обернулся. На заднем сиденье были навалены чемоданы и костюмы. Вообще-то, не совсем костюмы. Платья. Платья, сверкающие блестками. На подлокотнике, разделяющем заднее сиденье, – оранжевый светящийся парик. Джем сосредоточил внимание на Ричи Бадди Коуле, который невозмутит-

мо вел машину, положив обе руки на руль. Две узкие руки с длинными, тщательно ухоженными ногтями, покрытыми прозрачным лаком.

– А в каком клубе вы играете? – неуверенно спросил он.

– «Джаз-банд престарелых голубых», – ответил Бадди, расплываясь в широкой улыбке. – Мое сценическое имя Элайза.

– Красиво, – одобрил Джем и отодвинулся от Бадди Коула на добрых двадцать сантиметров:

Они приехали в Баллун-фиеста-парк в девять часов тридцать семь минут. В пятидесяти метрах отсюда Лори, прощаясь, благодарил шофера грузовика. Если бы Джем посмотрел в это время в зеркало заднего вида, то увидел бы, как Лори, с сумкой на плече, стоит, ожидая зеленого света, на переходе. Но Джем не смотрел в зеркало, он был занят продумыванием плана, который только что возник в его голове.

3

Саманта нервно сжимала в объятиях Хейса, а тот в свою очередь обменивался рукопожатием с Уилкоксом.

– Марвин! Ты нисколько не изменился!

– А вот моя жена так не думает. Она говорит, что я еще вырос.

В Марвине было два метра пять сантиметров, и его рост всегда являлся предметом шуток. Саманта покачала головой:

– Это потому, что ты похудел, Марвин.

Его тронула ее заботливость. Многие годы они были напарниками, до того самого момента, когда Марвин, после драмы в Джексонвилле, решил прекратить заниматься расследованиями. И получилось забавно, что как раз из-за этой драмы Саманта, убежденная холостячка, познакомилась с шерифом Уилкоксом, который до сей поры успешно отражал все любовные атаки, и вот теперь между ними была романтическая связь.

Они шли, не обращая внимания на автомобильное движение, на шум, на окружающих. Марвин подробно рассказал им о последних событиях и передал свой разговор с Аньелло.

– Ральф Аньелло входит в Общество Джона Берча¹¹, – объяснил Уилкокс – У него не слишком прогрессивные взгляды, но это серьезный сыщик.

– Который верит в существование сереньких человечков, родившихся в Росвелле...

– Ему всегда была присуща мистическая жилка. Его отец был проповедником.

– Герби, он же сумасшедший. Я уверен, что если он схватит Джема раньше нас, то всадит пулю ему в голову. Мы должны разыскать Джема. И найти Лори.

– И не забудьте про маленьких Мак-Мюлленов, – задумчиво пробормотала Саманта.

– Если полицейские перегородили все выходы, то Джем заблокирован здесь, – заметил Уилкокс. – Вот что я предлагаю: я знаю город лучше вас, а потому отправлюсь на поиски малышей. Саманта пойдет в больницу, где лежит их отец. Они, может быть, постараются прийти к нему. А вы, Марвин, попытайтесь отыскать Лори. Я уверен, что он удрал, чтобы помочь Джему.

– Значит, мы исходим из того, что дети Мак-Мюллен жили и разгуливают по улицам?

– Можно исходить и из того, что кто-то украл их тела, чтобы наделать собачьих сосисок, но это предположение вряд ли продвинет нас в розысках. Марвин, бесполезно делать вид, что мы ничего не видим. Эти маленькие чудовища прячутся

¹¹ Консервативное националистическое общество.

где-то здесь, – заверил его Уилкоккс.

Марвин наклонился к Уилкокксу и вздохнул.

– О'кей. Пошли. Мы зря теряем время. Встречаемся в восемнадцать часов в моей гостинице «Эль Сентро». Каждый час будем созваниваться.

Ричи Элайза Бадди Коул оставил свой «форд» на большой стоянке, забитой многочисленными машинами, и бросился к палатке с выставленным вымпелом «AGC New Orleans»; Джем следовал за ним по пятам.

Огромный негр, одетый в блестящую розовую парку, выскочил из палатки. Он был в ярости. За ним появилась женщина лет тридцати, бритоголовая, в комбинезоне механика.

– Сукин ты сын, Бадди, ты что, совсем свихнулся! – закричала женщина. – Ты на время-то смотришь? Если не взлетишь через три минуты, мы пропустим очередь.

– У меня лопнуло колесо, а потом я заблудился...

– Да ты просто глаза налил! Да-да! – завопил в свой черед огромный негр. – Ты что, издеваешься над нами?

– Вместо того чтобы доставать меня, Джо, пойди лучше предупреди их, что сейчас взлетаем.

Джем наблюдал за происходящим. Он заметил на земле ящик с инструментами и, пока женщина и Бадди переругивались на неизвестном языке, медленно подошел к нему. «Это кажён¹², – сказал он себе, – они говорят на кажёне». Он незаметно подобрал большой нож обойщика, сунул его в карман

¹² Говор жителей Луизианы на основе французского языка.

и бегом догнал их. Джо, негр в парке, спорил с типами, сидящими на стульях вокруг большого стола с микрофоном. И вдруг Джем увидел монгольфьер, такой же розовый, как парка Джо, с большими ярко-желтыми буквами. Слов пока еще нельзя было разобрать. Женщина начала суетиться вокруг корзины шара, а в это время Бадди Ричи Коул, – Джем даже не поверил собственным глазам, – разделся и под дурацкие улыбки зевак надел на себя пышное блестящее платье, расшитое золотом, а на голову водрузил соответствующий парик.

Женщина, сверкая серыми глазами, резко повернулась к Джемму.

– А это кто еще такой? – спросила она. – Ты и малолеток теперь клеишь?

– Не мели чепухи, Сэнди. Ладно, я готов, – заявил Бадди, семена на высоких каблуках к корзине шара.

– Ты думаешь, это очень приятно, видеть, как ты являешься с каким-то юным проходимцем, подцепленным в баре?

– Ты заткнешься, Сэнди, или я сам заткну тебе глотку. Пацан просто указал мне дорогу.

Этот тип собирается подняться на монгольфьере, переодевшись женщиной? Должно быть, у Джима был оторопелый вид, потому что Сэнди начала передразнивать его округлившиеся глаза и широко открытый рот.

Он подошел к Бадди. Пусть он и псих сумасшедший, но именно сейчас надо попытаться счастья.

– Э-э-э, мист... э-э-э, а мне можно с вами? Я никогда еще не летал на монгольфьере. Ну пожалуйста.

– Да знаешь...

– Тебе, миленький, нельзя лететь с голубым, – отрезала Сэнди с широкой улыбкой. – Бадди является президентом «Аэростатик гей-клуб Нового Орлеана». Смотри.

Она указала ему на шар, который Джо уже на треть надул воздухом. Желтые флюоресцирующие буквы сложились в надпись: «The Gay Balloon»¹³.

– Да не слушай ее! Это же динозавр доисторической эпохи геев, – заметил Бадди. – На, надень-ка это, наверху холодно.

– И речи не может быть, чтобы этот парень полетел с тобой! У него нет страховки.

Пока Сэнди изрыгала поток брани, достойный зеленых беретов, проверяя одновременно арматуру и тросы, а толстяк Джо с недовольным видом следил за горелкой, Джем поспешил натянуть комбинезон.

– Ну, влезай! – крикнул Бадди, указывая на корзину. С легкой опаской Джем поднялся на борт. Он боялся, что у него закружится голова. Бадди, прихватив два баллона пропана, присоединился к нему; сверкающее платье нисколько его не стесняло.

– Каждый по двадцать килограммов, – сказал он. – Ими пользуются как балластом, сжигая в горелке, вот здесь, под строповым кольцом. Каждый позволяет продержаться от

¹³ «Шар гей-клуба» (англ.).

двадцати до пятидесяти минут, в зависимости от ветра.

Сэнди передала ему еще два баллона, и вот Джо поднял руку, соединив в колечко большой и указательный пальцы.

Джем почувствовал вибрацию и положил руку на перила. Новый резкий толчок. Внизу Джо продолжал им что-то орать. Потом Сэнди сделала жест – приветствие? – и вдруг они оказались в воздухе, они поднимались! Трибуна, и Джо, и Сэнди, махавшие им руками, уменьшились в размерах. Люди смеялись, в руках у них были маленькие разноцветные флажки. Бадди молча управлял, и Джем увидел, как удаляется Баллун-фиеста-парк, а они уносятся по косо́й на восток и скоро полетят над городом.

Он осторожно вынул из кармана обойный нож, зажал его в левой руке, выставил лезвие и подошел к Бадди, стоявшему к нему спиной.

– Мистер Коул...

– Зови меня Бадди.

– Бадди, у меня обойный нож с лезвием в пять сантиметров, который может в любой момент перерезать вам горло.

Бадди замер.

– Черт возьми, ты что, член Лиги против геев или еще кто?

– Мне нужно на запад. Это необходимость. Даже если для этого мне придется вас прикончить.

– Ты что, к тому же левша?

– Чего?! А-а, да, именно!

Бадди выпрямился и вытер руки о свое расшитое золотом

красивое платье.

– Если я правильно понимаю, ты просто воспользовался мною?

– Это вопрос жизни и смерти. Не спрашивайте у меня объяснений. Поворачивайте на запад, – повторил Джем как можно авторитетнее, вспомнив бесчисленные фильмы о войне, проглоченные в детстве.

– Это не по плану полета. Они не поймут, – подбоченясь, запротестовал Бадди.

– А мне плевать на это.

– О'кей, о'кей. Ты попал в передрыгу? – спросил его Бадди, подтягивая веревки.

– Вроде того.

Шар повернул на запад. Джем как можно крепче сжимал рукоятку обойного ножа. Несмотря на холод, у него по спине струился пот. Бадди мог ему солгать, обмануть, заблокировать монгольфьер. Но Бадди Коул откупорил бутылку хлебной водки, улыбнулся и открыл длинный темно-синий чехол, откуда вынул трубу.

– Известно ли тебе, убийца-малолетка, что есть самое успокаивающее на этой планете? Это лететь и играть, по-настоящему лететь, повиснув в воздухе, и дуть в эту старую трубу. Что тебе сыграть?

– Не знаю, я не разбираюсь в джазе.

– Ладно, тогда слушай вот это. Хочешь сделать глоточек? Джем отказался, а Бадди наградил себя щедрым возлия-

нием. Потом он заиграл неизвестную Джему мелодию, которая действовала на нервы, как лезвие бритвы. Но было очень приятно плыть по ветру, словно ты мыльный пузырь, в то время как Бадди, закрыв глаза, играл на трубе. Жаль, что нет фотоаппарата, чтобы запечатлеть Бадди в тесно облегающем платье, во взлохмаченном парике, играющим на трубе на фоне неба, покрытого мелкими облачками. И вдруг Джем ощутил себя таким одиноким, что ему захотелось заплакать. Или выпрыгнуть. Вывалиться через перила и устремиться к земле, вниз, вниз, как ракета, ушедшая от готовящейся войны. Но он остался и стоял неподвижно, с развевающимися на ветру волосами.

Лори со вздохом поставил свою сумку на бетон тротуара авеню Рио-Гранде. Как найти Джема в четырехсоттысячном городе, да еще когда сюда съехались толпы туристов на праздник аэростатов? Он без всякой цели почти три часа бродил по улицам и теперь умирал от голода и жажды. Пора сделать паузу.

Китайский ресторан быстрого питания был почти пуст. Он заказал лапшу-сотэ с курицей, стакан коки и уселся возле двери, чтобы наблюдать за улицей. Его внимание привлекла полосатая кошка, которая обнюхивала мусорные бачки в темном проходе. Ловким ударом лапы животное откидывало крышку, а затем засовывало в бачок голову. Она принялась за четвертый бачок, и Лори немного отвлекся. Он улыбнулся с набитым лапшой ртом, когда кошка вдруг резко нырнула в

бачок и осталась внутри. «Наверное, нашла там что-то вкусное», – продолжая жевать, подумал Лори. Он окончил еду и решил продолжить путь. Оставалось обойти еще немало кварталов, и надо было придумать, что делать ночью.

На улице стало прохладнее, и он поднял молнию своей черной куртки-косухи. Чем там занимается эта кошка? Она что, нашла целый остов быка? Лори подошел к бачку, осторожно наклонился и тотчас отпрыгнул назад.

На него уставились зеленые кошачьи глаза.

Он снова нагнулся, очень медленно, чтобы не быть оцарапанным, но кошка не двигалась. Ее неподвижная голова торчала над мусором. Лори заткнул нос, потому что воняло слишком сильно. Странно, неподвижная кошка. Она не моргала глазами и вообще не двигалась. Очень медленно он протянул руку к кошке, но та не шелохнулась. Может быть, она бешеная? Он коснулся ее головы указательным пальцем. Никакой реакции. Шкурка была жесткой и холодной. Она сдохла, эта кошка была дохлой, вдруг понял Лори. Он провел пальцем перед глазами животного, но они не моргнули. Сдохла за несколько минут. Но почему? Он ухватил голову кошки и потянул на себя. И почувствовал, что его желудок извергает все только что съеденное.

Кошачья голова лежала у него на ладони, за ней тянулся позвоночник, к которому еще прилипали влажные клочки шерсти, сгустки крови и кусочки мяса. Животное было разодрано в клочья. Остались только голова и скелет. Лори

в ужасе отшвырнул останки. Еще четверть часа тому назад эта кошка была жива и здорова. Кто мог ее так разделать? Собака, спрятавшаяся в бачке? Он опасался сунуть руку в отбросы и подобрал валявшийся на земле ржавый железный прут. Снова нагнувшись, стараясь не глядеть на кошку, он резко воткнул прут в бачок. Тот проткнул мягкую массу, не встретив никакого сопротивления. Лори вытащил его и снова воткнул на пять сантиметров дальше. Ничего. Пораженный, он посмотрел на прут: никакой крови, разве что немного жидкой слизи. Да что же это такое? Ведь кошка сдохла! Он отошел и взглянул на бачок. Ничем не примечательный. Большой серый контейнер с темно-зеленой крышкой. Он наклонился. Под бачком увеличивалось большое темное пятно. Ему показалось, что там что-то шевелится, и он прищурился, чтобы лучше видеть. Да, там что-то двигалось. Он просунул прут между колесиков бачка и ткнул это что-то, тотчас устремившееся к нему. Лори отступил и увидел, как у него под ногами проскочил огромный таракан. Не раздумывая, он поднял ногу и быстро раздавил его. Должно быть, там полно этих тварей. Но они ведь не могли сожрать кошку. Если только... Если только это не какая-то совсем особая разновидность черных тараканов. Из Джексонвилля, например. Он потоптался на месте, потом пожал плечами. Хватит терять время, надо найти Джема. Попозже он выяснит эту историю с кошкой. Чувствуя какую-то неуверенность, он вскинул сумку на плечо и ушел.

На самом дне, спрятавшись в отбросах, два маленьких ротика клацали от досады зубами, а длинный черный таракан неловко вскарабкивался на тротуар, чтобы спрятаться в тени, которую отбрасывал Лори.

Монгольфьер быстро скользил под сияющим солнцем. Бадди, улыбаясь, отложил свою трубу.

– Чудная погода. А там, внизу, они, должно быть, ничего не могут понять. Они ведь не знают, что я похищен начинающим убийцей. Ну-ка, перебрось мне баллон пропана, зверюгу надо подкормить!

Джем минуту поколебался, а потом отложил свой нож в сторону, чтобы здоровой рукой поднять баллон пропана. Он не ожидал, что тот окажется таким тяжелым, и едва не уронил его. Бадди не позволил себе ни малейшей насмешки. Он начал форсировать горелку, сосредоточив все внимание на навигационных приборах.

– Что же ты натворил? Взял кассу? – вдруг, не поворачивая головы, спросил он.

Джем нервно закусил губу, подыскивая какое-нибудь убедительное объяснение.

– Меня преследуют убийцы. Я оказался свидетелем убийства, произошедшего сегодня ночью.

Бадди поднял голову и внимательно посмотрел на него:

– Я слышал по радио, что сегодня ночью зарезали старуху. Ты об этом толкуешь?

– Да. Я оказался там, когда ее пришили, и они меня виде-

ли. Они за мной гонятся.

– А почему ты не обратился в полицию?

– Потому что два дня назад я сбежал из приюта и вовсе не хочу туда возвращаться.

Бадди собирался что-то сказать, но сильная дрожь шара помешала ему. Он взглянул на вариометр.

– Ветер усилился. Сейчас мы получим свое. Держись покрепче, этот милашечка-ветерок может усилиться до двухсот километров в час.

Как будто для того, чтобы подтвердить его слова, корзина задрожала, словно сотрясаемая рукой гиганта, а сам монгольфьер сделал прыжок вперед.

Джем, позабыв о своем ноже, уцепился за поручень.

Внизу бешено проносилась земля; Бадди молча хлопотал у приборов. Немного позже, когда они пролетали над огромным скалистым и пустынным пространством, он хлопнул Джема по плечу:

– Помоги-ка, мы начинаем спускаться. Для приземления мне нужно найти спокойное местечко.

– Уже?

– А ты что думал? Эта игрушка не хуже «порше». Сейчас мы поднимемся немного на север, преодолеем Большой Каньон.

Джем вопросительно посмотрел на него, и Бадди указал на землю. Джем едва не закричал от радости. Под ними простирал свои гигантские разломы Большой Каньон; сверху ка-

залось, что земля лопнула и растрескалась после страшного землетрясения. Он заметил каких-то мужиков, сплавлявшихся по горной реке в глубине расселины, те делали им знаки. Перед тем как поменять галс, Бадди приветливо помахал им рукой.

– Ну, ты выбрал не самый незаметный способ передвижения, – заметил он с насмешкой.

– Мне нужно было выбраться из города. А вы просто скажете, что возникли проблемы с приборами и шар вышел из-под контроля.

– Ну ладно, там поглядим. А если я возьму да скажу, что высадил тебя около Колорадо-сити и им нужно брать тебя на дороге, ведущей в Вегас? Всего лишь звоночек, и оп! Нет, честно говоря, паренек, ты должен был бы меня устранить, чтобы увериться в моем молчании.

– Чего вы добиваетесь? Хотите, чтобы я вас прикончил?

И вдруг страшная мысль пронзила его. А что если Бадди был одним из тех? Да нет, от него ведь совсем не пахло, и вид у него совершенно нормальный.

– Видишь этот трос? – продолжал Бадди. – Он отвечает за купол парашюта, который должен нас тормозить.

– Отвечайте же.

– Ты спросил меня, хочу ли я умереть? Честно говоря, мне на это плевать. Сегодня утром я хотел умереть. Я хотел полететь на шаре и где-нибудь разбиться, когда кончится пропан.

– А почему? – озадаченно спросил Джем.

– Может быть, потому, что позавчера меня выкинули из оркестра: они не хотят иметь дело с пьяными вдрызг парнями, которые на сцене не могут держаться на ногах. А может, потому, что Слим – это тип, с которым я жил, – только что умер от СПИДа. Или потому, что квартирная хозяйка выкинула меня за дверь за неуплату. Нет жилья, нет денег, нет друзей. Я живу в своей машине, и все это мне здорово осточертело. Желание заглянуть в мир иной – это еще не самое худшее.

– Но все ведь может измениться.

– Ты думаешь? Взгляни на себя. Тебе нет и восемнадцати, а за тобой гонятся убийцы.

– Это случайность.

– Ну а я гонюсь сам за собой. Вся моя жизнь – это сплошная ложь. Лови-ка!

Джем на лету поймал трос, в то время как огромный шар снижался к земле, постепенно теряя скорость.

Джем увидел, что земля с головокружительной скоростью надвигается на них, они сейчас разобьются, они... Шар замедлил движение и спокойно сел посреди гранитного плато, изрытого неровностями юрского периода.

– Вот и сделано дело!

Джем встряхнулся. Все это его не касается. У Ричарда Бадди Коула свои проблемы, а у Джереми Хокинза – свои.

– Спасибо за прогулку, – сказал он. – Это было классно. Вам следовало бы хорошенько поразмыслить, прежде чем

губить себя, – продолжал он после небольшого колебания. – Может быть, у вас еще есть дела в этом мире, но вы этого просто не знаете.

– Очень мило, что ты заботишься о моей карме, но позаботься лучше о себе, раз эти типы тебя преследуют, – откликнулся Бадди Коул, роясь в корзине шара.

И вдруг Джем захотелось все ему рассказать. Он уже открыл рот, но тут же вновь закрыл его: вдалеке завывла сирена. «Это фараон на мотоцикле, он хочет посмотреть, какого черта делает этот монгольфьер посреди национального парка», – подумал он, начиная нервничать.

– Смывайся! – резко сказал Бадди, протягивая вчетверо сложенную пятидесятидолларовую купюру.

Джем схватил ее и поспешно направился к скалистым выступам. Сирена приближалась. Бадди невозмутимо занимался своими делами.

Джем, сжимая купюру в кулаке, укрылся за осыпью. Бадди даже не поинтересовался его именем.

Заметив Марвина, Саманта испытала облегчение. Безрезультатно проведя целый день в больнице, она уже двадцать минут ждала его возле гостиницы. Отец маленьких Мак-Мюлленов все так же оставался в коме, и прогнозы были самые осторожные. Его никто не навещал. Подходя к ней, Марвин покачал головой. Значит, полная неудача. Оставалось дожидаться Герби.

Лори начал дрожать. Солнце зашло, было около шести ча-

сов вечера, и сильно похолодало. Он увидел кинотеатр порнофильмов, открытый двадцать четыре часа: там можно переночевать. Но никаких следов Джема. Ни здесь, ни где-нибудь еще. Конечно, его план был глупым. Как можно было рассчитывать, что он сумеет догадаться, где спрячется Джем в городе, которого сам Лори совсем не знает? И вот теперь, прокружив по городу целый день, он торчит на Централ-авеню, и тетя Жанет, наверное, сходит с ума от волнения, а копы, должно быть, дали уже сообщение о розыске и его самого. Вляпался, нечего сказать.

Он огляделся: магазины шмоток, два рестораника, прокат автомобилей, гостиница «Эль Сентро»... Ничего интересного. У него болело плечо, натертое сумкой, и он помассировал его, испытывая неприятное ощущение, что за ним наблюдают. Но кто? Не обращая на него внимания, мимо спешили прохожие, нагруженные пакетами и с флажками в руках. «Международная фиеста воздушных шаров». Сотни воздушных шаров и монгольфьеров в воздухе. Это, наверное, супер. Он вздохнул, потом стал машинально чесать шрам, пересекающий щеку, – память об острых ногтях мисс Аннабеллы Уилкис. Где лучше спрятаться, как не в толпе? Наверное, в Баллун-фиестапарке полно зевак. Там, конечно, есть киоски с хот-догами и туалеты, а люди устраиваются на ночь под открытым небом, чтобы наблюдать за ночными полетами. Люди. Добродушная шумная толпа. И парнишка будет в ней совсем незаметен. Да, если Джем не дурак, то он

спрятался именно там. А Лори потерял время, вышагивая по городу. Он резко развернулся, решив тотчас отправиться в Баллун-фиеста-парк, едва не раздавил таракана, притаившегося у его ног в водосточном желобе, и уткнулся в чью-то мускулистую грудь.

– Простите, – машинально произнес он, размышляя, что следовало бы посмотреть план города.

– Ничего, – ответил Герби, занятый размышлениями о том, удалось ли Сэм и Хейсу найти что-нибудь.

А потом оба замерли с открытым ртом.

Уилкокс! Уилкокс в Альбукерке, в погоне, конечно, за Джемом. Это его рожа индейца, словно созданная резцом, его фигура тяжелоатлета. Черт!

Лори! Этот маленький негодяй Лори здесь, у него в руках! Это его круглая черная мордаха, его коротко стриженные волосы, его большие удивленные глазищи.

Лори оказался проворнее. Когда Уилкокс заорал: «Чертов недоносок!» – и, вызвав шквал гудков, бросился за ним, тот уже бежал, прижав локти к телу, между машинами.

Лори услышал сквозь грохот транспорта, что Уилкокс окликает его, и прибавил ходу, направляясь к отъезжающему трамваю. Уилкокс не поймает его, он слишком для этого стар.

Герби в последнюю минуту увернулся от отчаянно гудевшей «тойоты» и оказался на противоположном тротуаре. Куда делся этот маленький мерзавец? Он окинул взглядом про-

спект. Трамвай! Он, конечно, вскочил в трамвай. Уилкокк мысленно отметил номер маршрута и бегом вернулся в гостиницу. Возле входа о чем-то спорили Саманта и Хейс.

– Лори здесь! – крикнул он, задыхаясь. Оба, как по команде, повернулись к нему.

– Что?

– Лори Робсон.

Он указал на проспект:

– Он был здесь две минуты тому назад. Мы случайно столкнулись. Он сумел удрать.

– Ты дал ему удрать? – со страданием в голосе повторила Саманта.

– Угу, я решил, что так будет смешнее, – проворчал Герби.

– А он что-нибудь сказал? – спросил Хейс.

– Ничего. Он вылупил глаза и бросился бежать, обещая побить мировой рекорд. Я попытался его догнать, но куда там... Он, наверное, прыгнул в трамвай. Я запомнил номер маршрута.

– Ну, теперь мы хоть знаем, что он здесь и жив-здоров. Я скажу, чтобы предупредили его тетку, – решил Хейс. – Спросите у портье, куда идет этот трамвай.

Саманта вздохнула. У нее были стерты ноги, и она безумно хотела пить. Но, похоже, отдыхать они будут позднее.

4

Джем слегка привстал. Приближался автобус. Почти два часа он брел по краю национального парка, прежде чем решиться выйти на дорогу и поискать остановку автобуса. Если Бадди его не заложил, никто не узнает, что он на дороге, ведущей в Вегас. А когда Сэнди и Джо расскажут о нем, он уже доберется до места. Он подал знак междугородному автобусу и с широкой улыбкой поднялся в салон с кондиционированным воздухом. Он победил.

Лори вышел из трамвая и направился к ярко освещенному входу в парк. Если Уилкокс не видел, как он влезал в трамвай, то сейчас он прочесывает улицу за улицей Олд-тауна. Нужно воспользоваться этим преимуществом, чтобы найти Джема. Еще переживая свою встречу с шерифом, он замешался в толпу и стал двигаться вместе с ней в направлении источника музыки; он не подозревал, что к его сумке прицепился крохотный пассажир с подвижными усиками.

С непередаваемым блаженством Рут взгромоздилась на кожаный табурет. Ей нравился шум толпы, оглушительная музыка, позвякивание монеток, смех, гул голосов; ей нравилось сидеть здесь, в своих новых туфлях, «действительно очень удобных», как уверил ее продавец чикано¹⁴ с золотыми

¹⁴ Мексиканский эмигрант в США.

зубами, держа в руках красивую сумочку из черной замши. Если бы Герберт мог ее видеть! Она подавила легкую дрожь. Думать о Герберте, – это думать о Джексонвилле. Официант в красном пиджаке с золотыми пуговицами подошел справиться, желает ли она что-нибудь выпить, и ей сразу стало легче. Да, сегодня вечером она выпьет. По крайней мере, один сухой martini. А может быть, и два, если придет Кетер Браун. «Ты просто сбрендившая старуха восьмидесяти годочков от роду, – подумала она снисходительно. – Но ты права, веселись».

– Добрый вечер, Рут. Сегодня вечером вы прекрасно выглядите.

Так приятно слышать певучий голос Кетера. Он сел на соседний табурет и тонкими губами осторожно коснулся ее руки. Рут расцвела. Вот настоящий мужчина. Не очень молодой, конечно, но такой очаровательный. Высокий, худощавый, элегантный, с лицом старого прусского офицера. Не хватает только монокля и сабли. Ну и светлой кожи. Потому что, честно говоря, вряд ли можно встретить чернокожего прусского офицера. «Я настоящий плавильный котел», – сказал он однажды с улыбкой. Кетер взглянул на нее голубыми глазами, которые так контрастировали с его темной кожей.

– О чем вы думаете, моя пригожая дама?

– О моем сухом martini, – ответила Рут с гримаской, достойной Скарлетт О'Хара.

Кетер обнажил свои безупречные искусственные зубы и приподнял бровь.

– Я предчувствую, Рут, что это будет волшебный вечер.

– Неужели вы думаете, что в этом бардаке его можно будет найти? – проворчал Уилкоккс, уступая дорогу чете жирных толстяков, нагруженных хот-догами, за которыми с плачем плелись пятеро жирных мальчуганов с набитыми сосисками ртами.

– Мы даже не знаем, здесь ли он, – продолжал Уилкоккс. – Он мог где угодно выйти из трамвая.

С того самого момента, как они вошли в парк, наводненный туристами, Уилкоккс чувствовал, что его настроение все ухудшается и становится похожим на грозное небо.

– Герби, помолчи хоть немного! – взмолилась Саманта. – Ты как старый барбос, которого согнали с любимого кресла! Ведь сам же говорил, что восемьдесят процентов за то, что Лори укрылся именно здесь.

Уилкоккс гневно взглянул на Саманту:

– Это было до того, как мне в сотый раз отдавили ноги.

Она улыбнулась и легко поцеловала его в губы.

– Старый медведь. А ты не думаешь, что я больше тебя заслуживаю сострадания, если вспомнить о моем отвращении к толпе?

– Ты лечилась и получила свидетельство, что все прошло. А я ревниво берегу свои невроты. И мне уже тошно.

К ним подошел Хейс, с его пальцев стекал кетчуп.

– Эти поганые бургеры южан текут со всех сторон. Держите. Ну, что?

– Ничего. Кроме трех или четырех тысяч четырнадцатилетних чернокожих парнишек, – отмахнулся Уилкокс, вгрызаясь в резиновый гамбургер.

– Ну будьте же хоть немного оптимистом, Герби. Радуйтесь зрелищу! – заметил Хейс, указывая на монгольфьер в форме сигары, красиво взлетающий в огнях прожекторов.

Лори задрал голову, наблюдая за подъемом шара.

– Оболочка из прочного нейлона, обработанного полиуретановым лаком, – объяснял голос за его спиной.

Он обернулся и увидел женщину лет тридцати, с наголо обритой головой, в комбинезоне, которая беседовала с каким-то типом с младенцем в рюкзачке-кенгурушке. Они обменялись еще несколькими словами, потом тип с младенцем ушел, а женщина подошла к палатке, перед которой огромный негр в розовой парке варил кофе. Из палатки вышла крупная женщина, и Лори подумал, что она очень похожа на актера Эррола Флинна. Эррол Флинн в вечернем платье и в оранжевом парике. И плохо выбритый. Наверняка ряженный статист, нанятый для развлечения публики.

– Я хочу знать правду, – сказала женщина, похожая на мужчину.

– Не тяни меня за яйца, – ответил мужчина, похожий на Эррола Флинна в женской ипостаси.

Лори отошел в тень. Сейчас начнется крутая перепалка.

– Бадди! – продолжала настаивать женщина. – Что же ты все-таки сделал с парнишкой?

– Изнасиловал, разрезал на куски и сжег их в горелке.

– Послушай-ка меня хорошенько! Первое: ты берешь с собой незнакомого пацана, возвращаешься один и просишь ничего не говорить фараонам... Второе: ты сбиваешься с пути и оказываешься в пятидесяти кэмэ от Лас-Вегаса. «Наврал вариометр...» Черт побери мою задницу, я сама его проверяла, твой вариометр... Так вот, я хочу знать, что у тебя там произошло! – заключила она, тыкая ему в грудь указательным пальцем.

Эррол Флинн вздохнул, ероша волосы парика.

– Сэнди, ты просто нудила. Что, совсем уже нет воображалки? Если я улетаю с парнем, а возвращаюсь один, и если допустить, что я не убил его и не выкинул из корзины, то остается предположить, что он решил продолжить свой путь самостоятельно, понятно?

– Но почему ты полетел в том направлении?

– Испортился вариометр.

– Иногда мне хочется придушить тебя, Бадди. Ты что, вконец уже засранный чертов педик?

– А ты – воплощение женственности и изысканных манер...

Женщина расхохоталась и ушла в палатку. «Засранный чертов педик» закурил сигарету и стал смотреть в небо.

Сердце Лори бешено забилося. Этот ряженный взял с собой

в полет парнишку, долетел почти до Лас-Вегаса и вернулся один. И ничего не сказал копам. Это уже некоторый прогресс в поисках.

– Мистер...

Странный тип обернулся, выдохнув облачко дыма.

– Н-н-да?

– Я случайно слышал ваш разговор. Парень, которого вы взяли с собой, он блондин? Это потому, что я ищу моего приятеля, он исчез и...

– Кажется, это просто road movie...¹⁵ – словно для самого себя, прошептал тип. – И во что же это вы играете с твоим корешем?

– Ни во что, просто... мне необходимо его разыскать.

– Что, и за тобой тоже гонятся убийцы? И что ты таскаешь в своей сумке? Атомную бомбу?

Лори напрягся. Джем выдумал, видимо, классную штуку.

– Где вы его высадили?

– Ведь слышал же, в Баркервилле, в пятидесяти кэмэ от Лас-Вегаса. Не хочешь ли случаем, чтобы я и тебя туда доставил?

– Это было бы суперздорово, – неуверенно подтвердил Лори.

– Ну, дает!

Тип разглядывал его с насмешкой.

¹⁵ Серил в жанре триллера, где все ужасы возникают из-за подобранных на дороге попутчиков.

– Как тебя зовут?

– Ло... э-э-э, Луи.

– Луи? А я Бадди, Ричи Бадди Коул. Смотри, у тебя на сумке таракан.

Все последующее случилось так быстро, что Бадди подумал, уж не снится ли ему это. Парнишка повернулся как ужаленный, швырнул сумку на землю и стал остервенело по ней прыгать; потом посмотрел вдаль, похоже, увидел там что-то жуткое и нырнул под «корвет».

Бадди вынул сигарету изо рта и глубоко вздохнул. В Альбукерке полно спятивших пацанов. Три человека вышли из аллеи и, оживленно беседуя, прошли мимо него.

– Я уже сыт всем этим по горло. И так хватает всяких проблем, чтобы еще целыми часами гоняться за этими малолетними недотепами! – говорил мужчина индейского типа, низкорослый и коренастый как дерево.

– Мы должны найти их раньше, чем копы, – возразила хрупкая молодая рыжеволосая женщина в костюме горчичного цвета. – Им ведь грозит опасность, Герби.

– А нам тоже грозит опасность, да и всему миру грозит опасность, Сэм. Надо найти этих... этих тварей и уничтожить их.

Уничтожить этих двух пацанов? Бадди тихонько пошел за группой.

– Вся беда в том, что Джем и Лори думают, будто мы ловим их. Они не понимают, что нам известно о возобновле-

нии всего этого, – заметил огромный негр в костюме цвета антрацита.

– Возобновлении чего?

– Вся беда в том, что мы, как идиоты, часами ходим по кругу, а мне нужно помочиться, выпить пива и завалиться спать, – старательно выговорил тип, которого называли Герби.

– Живые мертвецы, – заглушая смехок, пробормотал черный гигант. – Нет, разве я мог предполагать, что когда-нибудь столкнусь с зомби!

Зомби? Это что, теперь так по-новому называют хануриков? Или убийц?

– Представьте себе рожи всех этих людей, если им сказать, что, возможно, среди них бродят мертвецы.

Они повернули в ярко освещенную боковую аллею, и Бадди вернулся обратно.

«Среди них бродят мертвецы... » О чем все-таки говорили эти люди? Он подошел к своей машине и наклонился: подросток негр пропал.

И вот, во второй раз за день, он почувствовал, как что-то уперлось ему в ребра, что-то острое, очень похожее на лезвие ножа.

– Они ушли? – прошептал взволнованный юный голос.

– Да. Тебя не очень затруднит объяснить мне, что все-таки происходит? – спросил Бадди, стараясь сохранять спокойствие.

– Мне придется одолжить вашу машину. Постараюсь ее не испортить.

– Это очень любезно с твоей стороны... Ну а если я откажусь, ты всадишь мне в спину нож?

– Совершенно верно. Сожалею, но мне нужна эта машина.

– Ах так? А это очень нескромно – спросить, сколько тебе лет?

– Четырнадцать, но я умею водить, – уверенно солгал Лори.

– Прощай, моя верная колымага! А если ты убьешься на дороге, – продолжал Бадди, – кто же предупредит твоего друга?

– О чем предупредит? – озадаченно спросил Лори.

– О зомби, которые разгуливают среди нас.

– Так вы знаете?

Парень был так поражен, что давление лезвия опасно усилилось.

– Остынь, Лори, остынь!

– Откуда вы знаете мое имя?

Теперь в его голосе зазвучал панический страх, и Бадди поспешил пояснить:

– Они говорили о тебе и о твоём кореше, о Джеме и о Лори, а ты заявил, что тебя зовут Луи, ну, вот я и подумал, что Луи... Лори... Послушай, мне плевать, как тебя зовут. Забирай тачку и убирайся, о'кей?

– А что они еще сказали?

– Они говорили только об этом, как найти тебя и Джема, да еще о живых мертвецах. Ты ведь торгуешь наркотиками, да?

– Повторите мне слово в слово весь их разговор, ладно?

Бадди со вздохом покорился. Парнишка выглядел совсем чокнутым.

– Что такое, малыш? Ты потерялся?

Хилари наклонилась к маленькому мальчику в черном костюмчике, который шел, спотыкаясь, по темной аллее. Он поднял голову, и она слегка отстранилась. Он был таким бледным, с большими черными кругами под глазами, а губы были влажные и красные... Он улыбнулся, обнажив мелкие, очень острые и очень грязные зубы. И ко всему, от него плохо пахло, очень плохо пахло, а его костюмчик был заляпан грязью и чем-то еще. А кожа... Какая жуткая у него кожа... бледная, с синюшными пятнами... и толстый рубец вокруг шеи: казалось, что в ране еще торчат нитки... Мальчик молча ее разглядывал, помахивая мешочком с чем-то белым. Может быть, с бутербродом?

Хилари – учительница начальной школы, демократка, не замужем. Несмотря на первоначальное отвращение – *какой отвратительный малыш*, — она понимала, что ее долг состоит в том, чтобы отвести мальчика к официальному ответственному лицу. Должна же где-то существовать мамочка этого несчастного уroda-малышки.

– Кушать... – произнес тонкий голосок позади нее.

Она обернулась и увидела маленькую девочку в розовом платьице, которая смотрела на нее. Нагло?.. *С жестокостью.* Девочка лет восьми, светловолосая, как и мальчуган... Его сестричка, вероятно.

– Кушать... – повторила девочка.

Она тоже была невероятно грязна, от платья несло блевотиной, мочой и даже... дохлой крысой, призналась себе Хилари, да, несомненно, от нее пахло падалью. Но откуда появились эти несчастные малыши? *Омерзительные.* И в каком жутком состоянии эта малышка! Такая же бледная, с такой же отвратительной мраморной кожей, волосы всклокоченные и чем-то склеенные... *И глаза как у акулы.* Девочка повернула голову к мальчику, и Хилари ясно разглядела, что у нее проломлен череп и вытек мозг. Ясно, волосы склеились из-за вытекшего мозга! *Мозг...*

– Ладно, сейчас мы кого-нибудь найдем, – сказала Хилари тем тоном, которым она разговаривала с поставленными в угол детьми.

Дети обернулись и вперились ей в лицо своими лишенными выражения глазами. *С жестокостью. Проломленный череп.*

— Не бойтесь, мы все уладим!

Хилари вдруг поняла, что этот пронзительный испуганный голос принадлежит ей.

– Не бойтесь... – пробормотал мальчик со звонким смехом.

– Но очень хочется кушать... – добавила девочка, засовывая руку в рот, и Хилари увидела, что на коже руки появился разрез, как от лезвия бритвы, и совершенно черная кровь закапала на розовое платице.

– Я должна идти, – услышала она свой собственный вопль, и дети понимающе улыбнулись. Хилари поднесла руку ко лбу. Она больна. Да, конечно, она больна. Грипп. Тяжелый грипп. Ведь эти дети были...

Мертвые.

Хилари заорала и бросилась бежать. Но бежала она недолго. Бренда догнала ее первой и впилась клыками в бедро молодой учительницы. Та упала. Тогда Язон вцепился зубами в ее левую грудь и, хныкая как младенец, вырвал ее, резко мотнув головой. Хилари непрерывно вопила, а ее кровь билась струей. Она вопила до тех пор, пока Бренда не разорвала ей голосовые связки своими острыми, как осколки стекла, когтями. Потом набежала целая толпа встревоженных криками людей, раздались восклицания, кого-то рвало. Но Хилари всего этого не слышала. Язон скрылся в последнюю минуту, унося ее сердце.

– Что случилось? – крикнула Сэнди, выскакивая вместе с Джо из палатки.

– Не знаю, – признался Бадди, который неподвижно замер, просто окаменел из-за жуткого вопля, заглушившего музыку.

Вопль оборвался. Сэнди и Джо уже бежали к тому месту,

откуда он раздался.

Лори опустил руку. Это был вопль женщины. Она вопила так, словно ее убивают. Он переглянулся с Бадди, но продолжал держать нож. Они молча выжидали. Вой сирены разрывал тишину ночи. Потом появилась бегущая со всех ног страшно бледная Сэнди, и Лори спрятал за спину руку с ножом.

– Зверское убийство, Бадди, ты не можешь представить! – исторгла единым духом Сэнди, явно потрясенная и вконец запыхавшаяся. – Молодая женщина... зарезана... кровь повсюду! Настоящая бойня. Похоже, что ее выпотрошили. Копы словно обалделые...

– А выяснили, кто это? – спросил Лори.

– Ничего неизвестно. Мужик, который это сделал, смысла, и найти его в этом бедламе... Это ведь может быть кто угодно... Грязный ублюдок, паршивый насильник, который тащится от того, что истязает женщин. Черт, я совсем выбита из колеи, пойду в бар. А ты идешь, Джо?

– «Сердце мудрого – на правую сторону, а сердце глупого – в животе его»¹⁶; – ответил Джо, перефразируя Екклесиаста, и скрылся в палатке.

– Мы это учтем, – издевательски ответила Сэнди. – А ты, Бадди, идешь?

– Нет, не сейчас.

¹⁶ гл. X, стих 2: «Сердце мудрого – на правую сторону, а сердце глупого – на левую».

Сэнди удалилась, волоча ноги. Бадди повернулся к Лори:

– Это убийство как-нибудь связано с вашими проблемами?

– Не знаю.

Бадди пересказал ему услышанный разговор, и Лори задумался. Уилкоккс, Саманта и Хейс, рассуждающие о живых мертвецах, и эта убитая женщина... «Это вновь началось», – сказал Марвин Хейс.

– Это уже второе. Вчера вечером было еще одно убийство, – сообщил Бадди, глядя на него. – Старая бомжиха, тоже зарезана.

– Я должен ехать. Дайте ключи.

Бадди вынул ключи из кармана и отдал их Лори.

– Ты уверен, что делаешь то, что надо?

– Убежден.

Лори включил зажигание, затем скорость, и машина заглохла.

– Эй, ты водить-то умеешь?

– У меня на компьютере есть программа-симулятор.

– Ну, круто! Теперь я спокоен за свою тачку, потому что, знаешь, я немного волновался... Ладно. Ну-ка, подвинься, давай я.

И уже через пять минут Бадди смотрел, как удаляется, подпрыгивая, его «корвет», как он выезжает за ограду парка и, виляя, исчезает вдали. Убьется парнишка, как пить дать. Он вздохнул. За чередой этих событий он позабыл о своих

мыслях о самоубийстве, и теперь ему хотелось не столько умереть, сколько здорово напиться. Он направился к огромной террасе кафе «Будвайзер». Сэнди, должно быть, уже хорошо там нагрузилась...

Герби с удовольствием проглотил добрую треть кружки пива, Саманта потягивала воду «перье» с лимоном, размышляя о женщине, убитой за четверть часа до этого. Почти под носом у них! Марвин убрал сотовый телефон в кожаный чехол и сел рядом с ними.

– Я разговаривал с Аньелло, – объяснил он. – Они оцепили парк и наблюдают за всеми выходами. Но все это совершенно бесполезно, потому что они сами не знают, кого ищут.

– Типа, измазанного кровью? – предположила Саманта, покусывая ломтик лимона.

– Слишком много народу, они ничего не найдут, – ответил Марвин, нервно барабанил пальцами по столу. – Аньелло думает, что это сделал Джем. За два дня две зарезанные женщины, он считает, что это уже не совпадение.

– И он прав, – подтвердил Герби. – Но вот только он не того имеет в виду. А в итоге мы на мели: упустили Джема и Лори, представления не имеем о наших противниках...

Его прервали громкие крики. Хейс поднял брови. Через два столика от них мужеподобная женщина, с блуждающим взглядом, орала на травести, похожего на Эррола Флинна. Оба, казалось, были совершенно пьяны. Мужик качался, стоя на высоких каблуках, а женщина цеплялась за стол.

– А этот малый негр? Тоже пропал? Дьявол! Бадди, ты теперь еще и педофил или чего?

– Хватит вытягивать из меня жилы, я ж тебе доказываю, что он утек.

– Да мне вообще-то и плевать. Поехали слушать музыку.

– Ты совсем набралась. Да у меня ж теперь и тачки нет, – возразил травести, снимая парик и открывая жидкие, коротко стриженные волосы.

– Они совсем окосели, – заявил Герби, приканчивая свое пиво.

– Нет тачки? Чего ты плетешь? – заорала женщина.

– Да он забрал ее. Пацан забрал мою та-тачку.

Вдруг протрезвев, женщина резко схватила мужика за ля-мочки платья.

– Ты дал ему СМЫ-ТЬСЯ на ТВО-ЕЙ машине?! Негри-тосу, которого ты НИ-КО-ГДА до этого не видел?

– Ты, Сэнди, не перено-о-о-сишь негров. Его зо-о-овут Лори, а не просто «не-е-е-гр».

Три головы дружно повернулись в сторону Бадди и уставились на него. Потом Хейс встал, распрямился во весь свой двухметровый рост, мягко отстранил Сэнди и показал свой значок захмелевшему мужику.

– ФБР. Я хотел бы задать вам несколько вопросов, мистер...

– Коул, – произнес Ричи, кося глазами. – Ричи Бадди Коул, бывший тр-у-у-у-бач из Нового Орлеана, и вообще, *тем-*

нота, мне просто не о чем с тобой базарить.

Хейс улыбнулся и, схватив Бадди за руку, поволок его к своему столику. Никто в толпе не обращал на них внимания.

Сэнди завопила:

– Не трогайте его! Отпустите, он ничего не сделал.

– Простите, мэм, – любезно откликнулся Марвин, незаметно показывая свой автоматический пистолет, – но я хотел бы несколько минут побеседовать с вашим другом. Уверен, что вы не сочтете это нескромным.

– Засранец, – отходя, пробормотала Сэнди.

Она споткнулась и рухнула на посыпанный опилками пол, где и осталась лежать, сжимая в руках банку пива.

– Вам известен паренек по имени Лори? – спросила Саманта, наклонившись над сильно косившим Бадди, который безвольно опустил на стул.

– Н-е-е-е-т.

Герби хрустнул пальцами:

– Послушайте, Коул, не вешайте лапшу на уши, не то у нас настроение. Вы же видите, нам не терпится кого-нибудь укокошить, педика там или еще кого-то вроде...

– Ф-ф-ф... – продолжал заикаться Бадди, соскальзывая со стула.

– Что?

– Фашист-фараон! – брызгая слюной, выкрикнул Бадди.

– Рассерженный фараон, – поправил Герби, вытирая лицо бумажной салфеткой. – Ладно, я повторю вопрос: где Лори?

– Ух, какая пог-а-а-ая морда-та! – издеваясь, протянул Бадди, но все же потом добавил: – Он у-у-у-ехал...

– Уехал куда?

– Не знаю. Украл мо-мо-мо-ю машину и уе-уе-уе...

– Ну, ладно, вернемся к этому еще раз в спокойной обстановке. Сэм, передай мне ведро со льдом.

Лори выехал на дорогу, судорожно сжимая руль. Он был так напряжен, что даже голова разболелась. Эта дрянная тачка все время норовила прыгнуть куда-то в сторону. Хуже, чем необъезженная кобыла. Скорости переключались со скрежетом, а мотор грохотал, словно реактивный двигатель. Он взглянул на тахометр, стрелка которого зашкаливала на красное. Черт, надо переходить на четвертую. Ощупью он нашел рычаг и все же сумел переключить скорость. Он был весь в поту. Его слепили фары встречных автомобилей, и всякий раз, когда его обгоняли другие машины, у него замирало сердце. Но если все будет хорошо, то через четыре-пять часов он будет в Лас-Вегасе.

Лежа в багажнике, неподвижные и молчаливые, Язон и Бренда держались за руки. С губ Язона свисали клочья кожи, и он машинально их пережевывал, а Бренда разглаживала свое платье. Где же папочка? В машине было холодно. Ну почему же о них никто не заботится? И где Гавк, их собачка? Гавк хороший. Гавк их любит. Гавка нельзя загрызть. Грязного негритенка – да, можно. А хорошую собачку – нельзя.

5

Уилкоккс потер красные от бессонницы глаза.

– Еще больше ста пятидесяти кэмэ, – заметил Марвин, разглядывая разложенную на коленях карту.

«Вояджер» стремительно несся в темноте. Саманта вздохнула, расправляя затекшие плечи. Бадди зевнул, и она отвернулась: от него несло перегаром. Бадди подумал, что он жутко выглядит, если судить по тому взгляду, который бросила на него эта рыженькая.

Когда трое копов, после того как Бадди сумел все объяснить, решили пуститься по следам Лори, он, протрезвев, настоял, что поедет с ними. Парнишки его знают, доверяют ему, он сможет легче войти с ними в контакт. Огромный агент ФБР в конце концов согласился, и все вместе они набились в темно-синий «универсал», даже не дав Бадди времени переодеться. Он потер виски. Ясно, что от него скрыли значительную часть всей этой истории. Но он собирался разобраться, в чем здесь дело.

Джереме закончил ужин в ресторане питания «Шведский стол для всех», – два доллара пятьдесят центов, включая обслуживание, порции не ограничены, – и пошел через бульвар Лас-Вегас в сторону ближайшего казино. Промытая и забинтованная рука болела гораздо меньше. Он поселился в бунгало, в кэмпинге близ автострады Баулда, соврав, что ему уже

восемнадцать лет и что багаж у него украли. Хозяин отнесся с полнейшим равнодушием к объяснениям, его гораздо больше интересовала купюра, которую протянул ему Джем в оплату за три ночи вперед.

Джем заметил огромную сверкающую в ночи вывеску «Сиркус Сиркус». Здесь работала Фрэнки, до того как ей продырявили шкуру; потом она загнулась и воскресла уже в Джексонвилле. Фрэнки... классная девчонка. Дак Роджерс влюбился в нее без памяти. Но трудно любить разлагающийся труп, даже если этот труп как две капли воды похож на Мэрилин... Дак решил не расставаться с Фрэнки в ее грустной судьбе и предпочел последовать за ней на костер. Джем вздрогнул, заново переживая ту сцену. Он глубоко вдохнул сухой воздух пустыни и решил попытать счастья в «Сиркус Сиркус». Высокий, с красиво подстриженными светлыми волосами, в темно-синей шерстяной рубашке, которую он купил сегодня днем в армейском магазине, он был похож на обычного развлекающегося студента.

Сияя, Рут обернулась к Кетеру Брауну, указывая на только что высветившуюся на табло комбинацию из трех тыкв, вслед за которой высыпалось около двадцати монеток. Но при виде его улыбка сошла с ее лица. Чем-то озабоченный, он застыл на своем табурете и напряженно смотрел в зал, подрагивая, как охотничья собака, сделавшая стойку.

– Все в порядке? – спросила она, касаясь его плеча. Он вздрогнул и медленно повернул к ней голову: его голубые

глаза были холодны, как ледышки, только что вынутые из морозильника.

– Все отлично, дорогой друг. О, три тыквы, просто великолепно!

– Правда? Я чувствую, что сегодня вечером удача на моей стороне! – жеманно ответила Рут.

Но ей было как-то не по себе. Кетер казался таким отчужденным...

Жадно разглядывая все подробности, Джем медленно пересек большой, заполненный игроками зал. Звякали тысячи монеток, автоматы издавали забавные мелодии, кто-то счастливо вскрикивал. Он никогда не бывал, в местах, хоть отдаленно напоминавших этот зал. А вместе с тем все ему казалось удивительно знакомым, он тысячу раз видел эти сценки по телику. Народ толпился возле кассы обмена, перед круговым баром, перед витринами магазинчиков. Внимательно вглядываясь во всех пожилых дам, Джем искал Рут. Чтобы не отличаться от других, он порылся в карманах в поисках мелочи и сделал вид, что играет, каждый раз переходя от одной шеренги автоматов к другой. И вдруг он увидел ее.

Рут Миралес сидела возле старика в смокинге, чья эбеновая кожа резко контрастировала с рыжими волосами. Казалось, что Рут – очень элегантная в платье из полосатого шелка, с седыми волосами, заколотыми в шиньон, шутливо переговаривалась со стариком, который вдруг посмотрел в

сторону Джема. И тот с удивлением заметил, что у старика европейские черты лица и голубые, почти прозрачно-голубые глаза. Джему ни с того ни с сего показалось, что, глядя на него, мужчина едва заметно улыбнулся. Джем отступил, перейдя к следующему ряду автоматов. А вдруг этот старик – легавый? Не может быть, ведь ему не меньше восьмидесяти лет!

Он сделал еще одну попытку подойти поближе, надеясь, что теперь Рут одна, но нет, старый негр с голубыми глазами сидел все там же, с бокалом в руке, наверняка прицепился к ней на весь вечер. И вновь, со странной улыбкой, он взглянул в сторону Джема. «Эта старая развалина – медиум, не иначе!» – подумал Джем, предусмотрительно отступая назад.

– О чем вы сегодня думаете, Кетер? – забеспокоилась Рут, положив руку на рукав своего спутника, отчего тот вздрогнул.

– Ну конечно, о вас, о вашем несравненном очаровании...

– Если вы обхаживаете меня из-за денег, то останетесь при своих: я вылетела в трубу! – радостно улыбнулась Рут.

Она опустила в автомат четвертак и со страхом и надеждой впиалась взглядом во вращающиеся цилиндрики. Они начали медленно, один за другим, останавливаться, образуя три круглых символа черного цвета, совершенно для Рут незнакомых. Зазвучала мелодия, означающая крупный выигрыш, и она наклонилась, хлопая в ладоши:

– Я выиграла! Я выиграла!

Что же изображали эти маленькие кружочки с черточками? Что-то вроде черных солнышек? Но яйцеобразной формы? Не важно, главное, что она выиграла! Раздалось знакомое позвякивание, и веселым водопадом начали выскакивать монетки. Рут подняла глаза на Кетера, но его уже не было. «Должно быть, он пошел в туалет», – с некоторым неудовольствием подумала она.

Монетки падали и падали с радостным шумом, и Рут заметила, что некоторые падали на пол. Она наклонилась, но монетки стали *разбегаться* по сторонам, они были черные, *у них шевелились лапки*, они переполнили приемник для выпавших монеток и вываливались ей на колени, *они ползали по коленям*, все эти монетки, которые были вовсе не монетки, а черные тараканы; *большие черные тараканы с бесчисленными лапками целыми сотнями ползали по ее коленям*; Рут завопила, а автомат под веселую мелодию продолжал выплевывать черных тараканов.

Ее соседи с криками, опрокидывая табуреты, повскакивали со своих мест. Все орали и суетились, а черные тараканы все бежали и бежали, забиваясь во все щели, прячась во всех трещинах и укромных уголках, с устрашающей быстротой, причудливой развалочкой взбираясь на лакированные лодочки и мокасины.

Джем услышал крики и бросился вперед; с гримасами отвращения, люди пятились, женщины кричали, слышались возгласы: «Здесь! Здесь спрятался еще один! Сюда, скорее!»

Из предосторожности он отступил, взглядом продолжая искать Рут. Безостановочно воя, она сидела все за тем же автоматом, и черная шевелящаяся масса покрывала ее колени; Джем сразу понял, из чего состояла эта масса, и, расталкивая толпу локтями, бросился к ней. Он схватил ее за плечи и заставил встать, отчего основная масса черных тараканов свалилась на пол, но значительная часть продолжала цепляться за платье и чулки, нервно шевеля лапками и усиками, распространяя слишком хорошо знакомое зловоние. Он стал отряхивать платье Рут, которая умолкла и стояла с открытым ртом, устремив взгляд в пространство. Он со злостью давил насекомых ногами, яростно скидывал с рук тех, что пытались вскарабкаться выше, и в то же время изо всех сил старался не дышать их трупной вонью. Прибежали служащие казино, вооруженные метлами, мухобойками и аэрозольными баллончиками с инсектицидами. Джем вырвал один баллончик из рук подпрыгивавшего служащего и обильно опрыскал платье и ноги Рут, испытывая радостную злобу при виде упавших и корчащихся на земле тварей. Эта нечисть получила по заслугам. Когда последний усик перестал шевелиться, он отбросил пустой баллончик и схватил за руку Рут, которая все так же невидящим взглядом смотрела в пространство.

– Все кончилось, Рут, – сказал он, – теперь все будет хорошо...

– Я не понимаю, как все это могло случиться, я глубоко

сочувствую вашей бабушке, – говорил, вытирая лоб, толстый тип в бледно-розовом костюме.

К нему подошел человек в галстуке, украшенном Микки-Маусами:

– Пожилая дама находится в состоянии шока, я врач, нужно вызвать «скорую помощь»...

– Нет, не нужно, я сам позабочусь о ней, – прервал его Джем.

– Где Кетер? У меня свидание с Кетером Брауном, – проворкотала Рут.

– Я отведу ее в номер, все будет в порядке, – продолжал Джем.

– Совершенно необъяснимый инцидент! – повторял толстяк. – Мы в полном отчаянии...

– Конечно, на сегодняшнюю ночь – вы наши гости, это само собой разумеется... Джон, апартаменты номер двадцать шесть для молодого человека и его бабушки... Мистер...

– Миралес. Джереми Миралес. Мою бабушку зовут Рут. Пропустите нас, она должна отдохнуть. Я зайду к вам в бюро завтра, – добавил Джем, внезапно осененный...

– Ей надо бы принять успокоительное, – продолжал настаивать тип с Микки-Маусами.

– У нее есть все, что надо, и все будет в порядке.

Отстранив слишком настойчивого врача, Джем раздвинул толпу любопытных, кивнул потному директору, получил ключ из рук грума, стоящего с открытым ртом, и оказался

наконец в обитом ковровом коридоре, ведущем в апартаменты номер двадцать шесть. Он подвел Рут к зелено-желтому креслу в стиле Людовика XVI и усадил ее.

Пожилая дама молчала и казалась ко всему равнодушной. Он предложил ей стакан воды, но она ничего не ответила. Джем вспомнил виденный им некогда фильм «В кататонии»¹⁷. Рут, неподвижно застывшая в своем кресле, с открытыми, но невидящими глазами, с безвольно болтающимися руками, походила на пораженную кататонией. Он приподнял ее старые узловатые руки и уложил ей на колени, но Рут никак не прореагировала. Джем заметил, что весь покрыт крупными каплями пота, и вытер лицо пушистым полотенцем. Апартаменты, это все-таки круто. Гостиная в стиле «Трех мушкетеров», ванная, достойная «Титаника», две спальни, каждая размером с баскетбольную площадку, кровати с балдахинами и камины. Камины? Он подошел к одному из них и только тогда понял, что он нарисован на деревянном панно с ручкой. Потянул за ручку, и перед ним возник холодильник, набитый всякой всячиной. Вздохнув, он взял банку коки и вернулся в гостиную, где Рут продолжала сидеть, ни на йоту не сдвинувшись с места.

Что же ему делать? У него нет денег, чтобы сохранить за собой этот номер. А если Рут будет оставаться в таком же

¹⁷ Кататония (греч. «натянутый») – психическое расстройство с преобладанием двигательных нарушений. Различают кататонический ступор и кататоническое возбуждение.

состоянии, то ее переведут в больницу или в дом престарелых... Он вздрогнул, вспомнив черных тараканов, копошащихся на коленях старушки. Это не сон и даже не кошмар, это действительность, и это гораздо хуже, потому что нельзя проснуться, радуясь, что вернулся в обычный мир.

Он нечаянно зевнул, чувствуя себя усталым, измотанным. Черт, ведь ему только четырнадцать лет, и он ни с какого бока не замешан в этой истории. Никогда Лори не сможет его найти, никто никогда не сможет его найти, он один должен выпутываться из этой ситуации, выступая против «сил Мрака», как сказал бы его дед. Дед умер, от его головы осталось мокрое место, когда на него наехал автобус, которым управлял труп Пола Мартина, бывшего их с Лори соученика. Ни одного близкого человека не осталось у Джема на этой земле. Его родители погибли в авиакатастрофе, когда он был еще крошкой, и дед Леонард воспитал его. И это из-за дедушки Леонарда Джексонвилль стал логовом живых мертвецов. Он сумел найти проход, связывающий мир живых с миром мертвых; по его собственным словам, он сумел создать убежище, в котором люди, скончавшиеся до срока, могли вести подобие жизни. Но при одном условии: они не должны осознавать, что мертвы. И вот, когда семейство Мартинов разбилось в машине насмерть, а потом воскресло, полное нереализованных желаний, все пошло наперекосяк.

Он опорожнил банку коки и машинально раздавил ее своими сильными руками. Руками настоящего деревенщины,

как постоянно повторял этот debil Бам-Бам-Бабл. Кровь на майке Бам-Бама, окровавленная шариковая ручка... Он взглянул на Рут, неподвижную, с трепещущими ноздрями, с остановившимся взглядом. Шоковое состояние. А вдруг она тронулась? Не в силах оставаться на месте, он встал и подошел к большому окну, нависавшему над бульваром Лас-Вегас. Внизу и над ним лес мигающих неоновых огней. С чем связана эта атака на Рут? Означает ли это, что здесь, в Вегасе, тоже есть зомби? И что Джексонвилль не единственный случай? Или же та сущность, которая контролирует зомби, решила отомстить им, шести дуракам, вмешавшимся в ее планы? «У меня в заднице сидит Сатана, я и впрямь проклят», – запел Джем, повернувшись к холодильнику. Сатана... «Это, пожалуй, уже устарелое понятие», – сказал бы Лори. А этот типчик, этот старикан в смокинге, который разговаривал с Рут, куда он, черт побери, подевался?

Лори резко тормознул, чтобы прочесть название на углу улицы: бульвар Лас-Вегас. Водитель следовавшей за ним машины объехал его, изрыгая ругательства, которых Лори не расслышал. Он включил указатель поворота и свернул на темную улицу, где можно было припарковаться. Он так устал и издергался, что едва сдерживал слезы.

С грехом пополам Лори поставил машину у раздолбанного тротуара и, прежде чем уйти, посмотрел на себя в боковое зеркало. Как жаль, что он такого низкого роста! Всего метр шестьдесят, и никакого намека на усы. Трудно проско-

читать незамеченным. И как разыскать Джема, если сам он не может войти в игровые залы? Срочно устроиться приемным сыном богатой японской четы, совершающей свадебное путешествие? Решив не брать с собой сумку, а положить ее в багажник, он обошел машину. Два существа, затаившихся в темноте, приоткрыв рот, задрожали от нетерпения: к ним приближалась пища.

А вдруг машину украдут? Лори передумал. Лучше взять сумку с собой. Ее можно оставить в камере хранения автобусного вокзала. И он быстро пошел прочь от машины.

Два разочарованных вздоха вырвались из маленьких гниющих ротиков.

– Ну, что будем делать? – спросил, потягиваясь, Уилкоккс.

У него затекли ноги и воспалились глаза, потому что он слишком долго вел машину.

– Проверим мотели и кэмпинги, – ответила Саманта.

– Да ведь еще только пять! – возразил Уилкоккс.

– Вот именно поэтому; у дежурных администраторов будет время развязать язык.

– А я пожелал бы себе бифштекс, – мечтательно пробормотал Бадди. – Большой, с луком и зеленым перцем.

– Попозже, – отрезал Марвин Хейс, подтягивая манжеты рубашки. – Мы ведь все согласны, что Джем приехал в Вегас, потому что здесь Рут Миралес. А Рут находится в Вегасе, чтобы играть. Следовательно, чтобы найти Рут, он должен был пойти в казино. Согласны?

– Но ему всего четырнадцать, – заметила Саманта.

– В нем метр восемьдесят росту, Сэм, а сложен он как футболист. Вот что я предлагаю: мы разделимся на две группы и обойдем отели и казино.

– Я пойду с вами, – сказал Герби, которому совсем не хотелось оказаться в компании с Бадди Коулом.

– А мне идти вот в этом наряде? – одновременно с ним произнес Бадди, указывая на свое грязное и измятое платье.

– Вы могли бы прогуливаться, изображая Минни-Маус, на которую всем плевать, – любезно ответил Марвин. – Наденьте свой парик, и все будут считать, что вы одна из гёрлз казино.

– Ах, как он любезен! Гёрл, в мои-то годы!

– А вы всерьез думаете, что Рут Миралес в пять утра все еще играет? – прервал их Уилкоккс, почесывая отросшую на щеках щетину.

– Если она не играет, то находится в своем номере. И это в одном из этих зданий. Все, довольно препираться.

– Препираться! Смешно думать, что найдутся типы, которые всю жизнь только и ждут, чтобы прервать вас хоть словечком, – усмехнулся Бадди.

Марвин пожал плечами.

– Вам нужно почистить зубы, Бадди. Всякий раз, как вы открываете рот, начинает вонять Луизианой: дерьмом аллигаторов и гнилыми болотами.

Бадди расхохотался, но вдруг замер, выпучив глаза и ты-

кая в пустоту пальцем:

– Это ж моя тачка!

– Где? – прозвучал хор трех голосов.

– Там, в переулке! Точно, моя тачка! С розовыми и желтыми наклейками.

Уилкоккс вынул из кобуры свой револьвер сорок пятого калибра. Машина казалась пустой, но долгий опыт научил его, что нельзя полагаться на внешний вид.

Они медленно подошли и остановились в метре от «корвета».

– Точно ваша?

– Я еще не слепой. Смотрите: «Жизнь – грустная штука, так будьте хоть вы веселы» и вот еще: «Джазбанд престарелых голубых», это моя группа. Да он ее даже не помял!

– Мы рады за вас. Ну а теперь, если бы вы соизволили ее закрыть... – отрезал Герби, подходя к дверце водителя.

Автомобиль был пуст. Никакого подозрительного запаха. Никаких следов в салоне. Он потрогал колеса.

– Резина еще теплая.

– А если вы приложите ухо к земле, то, может, услышите и шаги парнишки? – с невинным видом поинтересовался Бадди.

– Эй вы, я ведь сказал, чтобы вы поставили ее на стояночную подсветку...

– Ой, как меня пугает этот злощный волчище! Эй, не бейте стекла, вы, несчастный Кинг-Конг, у меня есть запасные

ключи!

Уилкоккс молча схватил их и открыл дверцу. Ничего. Машина действительно была пуста. Он подошел к багажнику и открыл его. Тоже пусто. Он уже собирался вновь его закрыть, когда вдруг замер и принюхался. В багажнике воняло. Какая-то смесь мятного дезодоранта и помойного бачка, причем бачком пахло сильнее.

– Вы здесь перевозили отходы?

– Только двух-трех своих приятелей.

– Ха-ха-ха, Бадди Коул – самый смешной мужик из всех пятидесяти двух штатов.

Опередив Марвина, подошла Саманта. Она пригнулась, понюхала зловонный воздух.

– Здесь что-то мокрое.

Она поднесла указательный палец к темной полоске, осторожно ее коснулась, а затем, на свету, посмотрела на палец. Ярко-красный.

– Это кровь. Здесь полно крови, – подтвердил Марвин, подтягивая узел галстука.

– Может быть, эта кровь отсюда, а? – спросил Бадди, подхватывая двумя пальцами красный кусок внутренностей.

– Что это? – спросил Уилкоккс.

– А я знаю? Почки, а может, кусок печени... Короче, это вымазало мне весь багажник...

– Сердце... – бледнея, пробормотала Саманта.

– Какое сердце? Ты о чем?! – прорычал готовый взорвать-

ся Уилкокс.

– Сердце убитой в парке женщины, – объяснила Сэм, не имея сил отвести взгляд от кровавого куска плоти, на котором были ясно видны следы зубов.

– Аньелло сказал Хейсу, что у женщины было вырвано сердце, – добавила она.

– *Сердце?! —* пролепетал Бадди, чувствуя, что его сейчас вырвет.

Он швырнул сердце, которое с омерзительным хлопанием шмякнулось на бетон.

– Малыш Лори? Это он сделал? – совсем сбитый с толку, продолжал он.

– Вы ведь нам говорили, что Лори был с вами, когда совершилось убийство! – взорвалась Сэм.

– Есть еще одна гипотеза, которую мы не рассматривали, – пробормотал Марвин, неподвижно глядя в пространство. – Действительно ли мы шестеро суть то, чем кажемся? В конечном счете, что может быть лучше, как рассыпаться по всей стране, делая вид, что боремся против захватчиков?

– Минуточку! – воскликнул Герби. – Если я вас правильно понял, вы предполагаете, что кое-кто из нас ведет двойную игру. Сэм и вы сами вне подозрений, потому что до начала событий вы никогда не бывали в Джексонвилле. Остаются Джем, Лори, Рут и я, так?

– Пожалуйста, помолчите немного! – воскликнула Саманта. – Я думаю, что все гораздо хуже. Я думаю, что Лори при-

вез их с собой в багажнике.

– Что привез? – с озадаченным видом спросил Бадди.

– Маленьких Мак-Мюлленов. Тех, что сбежали из морга.

– Сбежали из морга? – повторил Бадди, обдумывая в то же время, действительно ли он до конца протрезвел.

– Я думаю, что они где-то здесь, на свободе. И ждут новой добычи, – нервно закусывая губы, продолжала Саманта.

– Нужно разыскать Джема, Лори и Рут, – сказал Марвин, который уже пришел в себя, – это сейчас самое главное. Как только мы все объединимся, то подумаем, что делать дальше.

– Слушаюсь! – звонко рыгнув, отчеканил Бадди.

Ну и заварушка, нет, только подумать, какая заварушка! Хуже, чем видения под кайфом от ЛСД!

Оставив сумку в камере хранения, Лори начал обходить гостиницы вдоль улицы Стрип, повсюду спрашивая о Рут Миралес. Конечно, это было не очень-то осторожно, но он торопился. Необходимо как можно быстрее найти Джема. Но все осложнялось тем, что портье не давали ему даже приблизиться к конторке дежурного администратора, а отправляли куда подальше.

Погрузившись в свои мысли, Джем прижался лбом к прохладному оконному стеклу. Разумнее пойти поспать, ему необходим отдых. *Если бы только Лори был здесь... Так нет же, этот дурак предпочитает слоняться по бульвару...* Джем выпрямился: почему он так подумал? Он напряг глаза, вглядываясь в темноту, судорожно сжимая в руке вто-

рую банку коки. На тротуаре в нерешительности застыла маленькая темная фигурка. Джем затаил дыхание. Фигурка подняла голову, и стало видно, что у нее черное лицо. Джем был слишком высоко, чтобы точно разглядеть черты, но сразу узнал Лори.

Он глупо забарабанил по стеклу, потом попытался открыть окно, но оно было закрыто наглухо: казино вовсе не стремилось к тому, чтобы постояльцы кончали жизнь самоубийством, выбрасываясь из окон. А внизу Лори медленно пошел дальше. Джем решил спуститься, но в тот миг, когда он отворачивался от окна, что-то попало в поле его зрения. Две маленькие неповоротливые тени, вынырнувшие из темноты. И медленно подбирающиеся к Лори. Это *они*, дети ночи!

Джем вылетел из номера и поспешно нажал на кнопку лифта; тот поднимался целую вечность. Они преследуют Лори! Он устремился в кабину и, пока лифт спускался, барабанил пальцами по его стенке. В холле он оттолкнул ожидавшую пару и, задыхаясь, бросился на улицу.

Лори был от него в двадцати метрах, он тащился вдоль неосвещенной аптеки. А за ним... Едва касаясь руками земли, они бесшумно продвигались мягкой звериной побежкой, и от Лори их отделяло всего несколько метров; они...

– Лори! – заорал Джем. – Лори, берегись!

Лори вздрогнул. Джем! Как это? Где он? Он обернулся и увидел их. Нет, этого не может быть. Дети не могут бегать

как собаки. Скаля зубы, с открытыми ртами и горящими как уголья красными глазами, нет... Он со всех сил швырнул в них свою сумку, и малыш покатился, кувыркаясь через голову, издавая яростное рычание. Девчушка, напевая «Лорик, милашечка, сейчас я вцеплюсь ти-и-бе в глотку!», захохотала идиотским смехом.

Лори метнулся на проезжую часть, вскочил на проезжавший «ниссан» и свалился на асфальт всего в нескольких сантиметрах от колес пикапа, шофер которого послал в его адрес длинное ругательство. Девчушка разбежалась и прыгнула, пролетев на два метра выше крыши «ниссана»; ее ноздри раздувались, из горла вырывался протяжный звериный рык. Лори видел, как она пролетает над ним, видел, как ее разинутый рот нависает над его лицом.

Джем бежал. Он бежал изо всех сил, а девчонка уже прыгнула на Лори, сейчас она сомкнет свои вонючие клыки на его горле.

– Нет! – завопил Джем. – Нет, мерзавка, нет! Распятие! Он выхватил его из-за пояса и неловко швырнул в девчонку в тот самый момент, когда ее ноги коснулись земли. Дерево оливы коснулось дряблой кожи, и словно молния прошла по всему телу, откинув ее на несколько метров. Лори смотрел, разинув рот, потом указал пальцем:

– Там, там...

Джем проследил за его взглядом: мальчишка медленно к ним приближался, подпрыгивая то на одной, то на другой

ножке.

Раз-два-три, я слопать готов

Пару сопливых дрянных говнюков.

Четыре– пять–шесть,

Это вкуснее, чем сосисок поесть...

Девочка поднялась и заботливо отряхнула свое платье.

От ее волос, поднявшихся штопором, исходил легкий дымок. Распятие оказалось за ее спиной, вне пределов досягаемости. Она старательно его обошла, вперилась в них своими пылающими глазами и облизнула губы.

– Ну почему вы не хотите с нами поиграть? – спросила она жалобно.

– Мы ведь потерялись, – всхлипывая, подыграл ее братик.

– Дайте нам ручку! – вытирая глаза, продолжала девочка.

– И не волнуйтесь, мы потом ее ни за что не отдадим! – давясь смехом, закончил, малыш.

– Убирайтесь! – неуверенно бросил Джем.

– Очень убедительно, – тихонько прокомментировал Лори. – Ты, старик, совсем не изменился.

Джем огляделся. Никого. Ни одной машины. Они оказались на улице Стрип в те редкие минуты, когда на ней никого не было. И вдруг он понял, что они, как последние дураки, сейчас здесь умрут, зарезанные сопляками, которые, должно быть, еще делают под себя в кроватке.

Дети подошли поближе.

– Ах, прощайте, любимые дружочки, – мелодраматично

произнесла девочка.

– Ложись! – прогремел суровый голос Уилкокса, и, не раздумывая, Джем и Лори бросились к тротуару, в то время как со всех сторон началась стрельба.

Появился гостиничный портье, за ним толпились люди в вечерних туалетах. Гигант негр и мужик с сильно загорелой рожей палили из револьверов «магнум» сорок пятого калибра по двум малышам, застывшим посреди улицы! Одна женщина потеряла сознание, молодой мужчина бросился вызывать полицию. Пулей дум-дум малышу снесло голову, которая откатилась на добрых десять метров в сторону. Кого-то стало рвать. «Pog favor¹⁸, прекратите! – без остановки вопил портье. – Прекратите!» Малыш упал, а затем, ползая по земле в потоках черной крови, он подобрал свою голову и спрятался, юркнув под машины. Еще две женщины лишились чувств. Теплую ночь разорвали полицейские сирены. Девчушка оскалила зубы и последовала за братом, извиваясь, как змея, по водосточному желобу. Один старик поднес руку к сердцу. Над бульваром висел запах пороха. Марвин схватил Герби за плечи:

– Быстро, смываемся!

Не обращая внимания на раздававшиеся за ними крики обезумевших людей, они побежали следом за Джемом и Лори.

– Где это мы? – спросил запыхавшийся Уилкокс.

¹⁸ Пожалуйста (исп.).

– Думаю, в паркинге гостиницы.

– Сюда, – прозвучал в темноте голос Джема.

Мужчины направились на его голос.

– Это вход для поставщиков, надо только суметь открыть дверь. У меня здесь номер.

– Здесь номер? Ну, черт! – произнес Уилкоккс.

Марвин потерял замок, который легко поддавался.

Они бесшумно вошли и быстро миновали темный коридор. На улице была суматоха, прожекторы лихорадочно дырявили зарождающийся рассвет, вконец вымотанный сержант пытался записать показания, которые, мягко говоря, представлялись весьма хаотичными.

– Ну вот, – сказал Джем, открывая дверь.

– Не очень-то рано! – вставая, заметила Саманта.

– Но... как это... – ошеломленно пролепетал Джем; за ним стоял Лори.

Саманта и этот тип из монгольфьера в своем безобразном вечернем платье здесь, в этом номере... Он что, пропустил одну серию этого сериала?

– А вы как здесь оказались? – спросил Уилкоккс, пораженный не менее Джема.

– А мы, дорогой, просто справились у администратора, и нам сказали, что миссис Миралес и ее внук занимают апартаменты номер двадцать шесть. А что у вас? У вас какой-то чокнутый вид... Боже, Джем, как ты вырос! А как дела у тебя, Лори? Да вы что, языки проглотили?

Чувствуя, что краснеет, Джем пробормотал что-то вроде «здравствуйте». Лори поднял два пальца в знак приветствия. «Дорогой...» Это же просто смешно, шерифа Уилкокса называют «дорогой».

– Я думаю, что пора во всем разобраться, – сказал Марвин, убирая еще не остывший пистолет в кобуру.

Оторвавшись от еды, Язон поднял голову. Бренда посмотрела на него вопросительно, уткнувшись носом в еще теплый живот бродяги, которого они поймали возле торгового центра.

– Это папа! Со мной разговаривает папочка. Он скоро к нам придет. Он спрашивает, где мы.

Язон огляделся. Кругом было много вывесок, но он не умел читать. Бренда проследила за его взглядом.

– «Ка-зи-но Центр», – прочла она по складам. – И скажи папочке, пусть принесет нам покушать.

Солнце уже давно взошло, когда Джем очнулся от беспокойного сна. Он повернул голову и увидел чернокожее лицо Лори, покоящееся на соседней подушке. Он тихонько протянул руку, схватил двумя пальцами Лори за нос и сильно сжал ему ноздри. Лори сразу широко открыл рот и, испуганный, сел на постели. Джем расхохотался.

– Видел бы ты свою рожу!

– Ты что, задержался в развитии?

– Проснулись? – сказала Саманта, просунув голову в приоткрытую дверь; на ней был махровый белый халат из ванной

комнаты. – Я заказала два английских завтрака. Будь любезен, Джем, открой дверь официанту. Лучше, чтобы он нас не видел.

Джем кивнул и, дождавшись, чтобы Саманта ушла, встал. Нельзя же показываться в сомнительных трусах перед федеральным агентом Вестертоном. Пока Лори потягивался, он надел свою вчерашнюю одежду.

С глубоким удовлетворением Марвин засунул голову под душ. Ледяные струи смывали пот, страх, тревогу; они напрягали мускулы и создавали ощущение абсолютной чистоты. Он провел ночь, скорчившись на диванчике, напротив Рут, которая оставалась все такой же безучастной. Герби и Сэм заняли вторую спальню, а Бадди, прикончив содержимое бара, растянулся на полу, покрытом ковролином.

Уилкоккс надел рубашку, отметив про себя, что она воняет. Сейчас он пойдет и купит себе новую. Он пристегнул кобуру и почистил обувь. В дверь постучали, и Герби затаился, пока Джем подписывал счет за завтрак и закрывал дверь за официантом.

– Два английских завтрака на семерых, да это просто пиршество! – заметил он, присоединяясь к собравшимся в гостиной.

Бадди продолжал спать, приоткрыв рот и уткнувшись носом в пол, сбившееся платье обнажало его тщательно выбритые мускулистые икры.

– Этот мужик – сущее наказание, – перешагивая через

него, заметил Уилкоккс.

– А я считаю его свойским парнем, – сказал Джем.

– Ведь это он помог нам встретиться, – подтвердил Лори.

– Мне кажется, что мы встретились, потому что так должно было быть, – вздохнул Марвин.

Комментариев не последовало. Они аккуратно разделили оба завтрака на равные порции и съели их в полном молчании. Рут выпила немного воды и кофе.

– Я хочу видеть Кетера Брауна, – очень отчетливо произнесла она вдруг.

– Она и вчера весь вечер твердила это, – пояснил Джем.

– А кто это, Кетер Браун? – спросила Саманта, наливая стакан молока.

– Я думаю, что это тот старикан негр с голубыми глазами, которого я видел рядом с ней, как раз перед тем, как автомат начал выблевывать черных тараканов.

– Кетер... – задумчиво пробормотал Лори, – какое-то странное имя.

– Это, Лори, страшно тонкое замечание, – заметил Джем.

– Кетер – это одно из состояний сознания, которое описывается в Каббале, – продолжал Лори.

– Я только что разговаривал по телефону с Аньелло, – прервал его Марвин. – Расследование убийств женщин зашло в тупик. Но он вышел на напарницу Бадди, которая сказала, что трое копов увели ее приятеля. Он сразу сообразил, что это мы, и теперь хочет знать, почему это мы заин-

тересовались, – я привожу его слова, – «этим перелетным педерастом». Кроме того, он прочел отчет о происшествии с монгольфьером. Этот мерзавец совсем не так глуп. Мне не удалось бы долго держать его на расстоянии. Да, еще забыл... Отец маленьких Мак-Мюлленов умер сегодня ночью. Так что вы там говорили о Кетере Брауне?

Прежде чем ответить, Лори проглотил кусок блина.

– В преданиях Каббалы Кетер – это название одного из состояний сознания, наиболее приближенных к Богу...

– Вы помните Аннабеллу Уилкис? – прервала их Саманта.

– Почтовую служащую из Джексонвилля? – спросил Марвин.

– Да разве ее забудешь! – вставил Джем. – Мы с Лори нашли ее совершенно мертвой в ее собственном доме. И она тут же на нас набросилась! Помнишь, Лори, как она пыталась нас сожрать! – добавил он, с омерзением вспоминая, как почтенная старая дама, приговаривая: «Белла хочет кушать», вертелась как слепой разрушительный волчок.

– В своем дневнике, – продолжала Сэм, – Аннабелла Уилкис рассказывает, что после смерти она оказалась в зале огромного казино, где за огромным автоматом играл безликий человек. И это он разрешил ей вернуться на землю и продолжить существование.

Растянувшись на полу с закрытыми глазами, прилежно стараясь храпеть, Бадди внимательно слушал. О чем это они толкуют? «После смерти», «пыталась нас сожрать», «продол-

жить существование»... Они что, члены какой-то секты иллюминатов?¹⁹

– Значит, этот таинственный Кетер Браун является воплощением божественного начала? Ты это хочешь сказать, Сэм? Что Рут Миралес распивала сухой мартини с самим Господом Богом? – спросил Марвин, потирая виски.

– Существует не только Бог, но и ангелы, и архангелы... – уточнил Лори.

– Спасибо, Лори, но мы это знаем. И существует еще тьма всяких чертей и демонов. Небеса просто перенаселены, – издевательски заметил Марвин.

– Но если этот злополучный Кетер на стороне Бога, то почему у Рут на коленях оказалась куча тараканов? – спросил Джем.

– Черт возьми, помолчите немного с вашим Богом, ангелами, дьяволом и всем остальным! Ничто не говорит, что здесь замешаны оккультные силы!

Все обернулись к Герби.

– Вот именно. До тех пор, пока кое в чем не разберемся, мы так и будем видеть во всем доказательство существования Бога. Но я вижу только то, что мы столкнулись с неизвестной силой, которая может быть как материальной, так и нематериальной. И Версус может оказаться посланцем иной цивилизации.

– Ну да, Звездные войны, – подсказал Лори.

¹⁹ Мистические секты Баварии в XVIII веке.

– Простите, не хочу вас тревожить, но не могли бы вы мне кое-что растолковать? – спросил Бадди, устраиваясь на диване.

6

Гавк слегка застонал, и его лапы задергались. Откладывая шприц, ветеринар грустно взглянул на него. Великолепное животное, как жаль, что пришлось его усыпить. Но в аварии у него был сломан позвоночник, и осмотр подтвердил, что он останется парализованным. Пульс далматина стал замедляться и наконец совсем пропал. Джек посмотрел на часы. Уже восемь. Он кремирует его завтра. Оставив собаку на столе, он снял халат. Жена, должно быть, давно изнывает от нетерпения. Он обещал сводить ее в новый ресторан, о котором все говорили и где подавали салат из водорослей. Он погасил свет и вышел, повторяя про себя, что нужно не забыть принять соды.

Что-то приближалось. Что-то очень властное. Что-то, что его зовет. Что приказывает. Что повторяет «ко мне». Всю свою жизнь Гавк подчинялся. Он открыл глаза и посмотрел на своего хозяина, стоящего в темноте.

– Пошли искать детей, – сказал человек, погладив его холодной рукой по спине. – Идем!

Гавк неловко прыгнул с узкого стола и едва не растянулся на кафельном полу. Он шел за хозяином, постукивая когтями. Дети. Язон и Бренда. Да, все вместе. Как раньше.

Наверху, в спальне, Джек присел, прижав руку к желудку. Эти проклятые водоросли, и торт из йогурта, и имбирь легли

камнем... Стоит только вспомнить... Стараясь не шуметь, он направился в ванную и уже взялся за ручку двери, когда вдруг замер на месте.

Внизу ходило какое-то животное. Он слышал постукивание по полу его когтей. Бультерьер миссис Джонс? Сумел выбраться из клетки? Но он до утра должен спать под наркозом. Джек стал медленно спускаться по лестнице. Темный силуэт застыл перед входной дверью, вдруг Джека охватил необъяснимый страх, хотя он и пытался убедить себя, что это просто плащ, висящий на вешалке. Но плащ не мог сделать пару шагов ему навстречу. Джек открыл рот, чтобы закричать, но, услышав рычание, застыл на месте. Собака. Рядом с ним. И характерный запах большой разъяренной собаки. Рычание повторилось, и Джек убрал руку с перил. Темный силуэт пробормотал:

– Мы хотим есть.

– Вон из моего дома! – взорвался Джек, сожалея, что не взял ружье. – Вон немедл...

Клыки впились в нежную кожу горла, и Джек сначала подумал: «Это собака, на меня набросилась собака», но вслед затем до него дошло, что собака с удивленным видом сидит возле двери, а зловонная пасть, вцепившаяся в его горло, принадлежит человеку. Он почувствовал, как из его сонной артерии хлещет кровь, увидел устремленные на него мрачные глаза напавшего на него и огромную дыру на его виске. *Этот человек разрывает мне горло своими клыками...*

немыслимо... и... мертвый... далматин. Мертвый, но сидит на полу, а я, ведь это я сейчас умираю... Он умер со всхлипом, устремив голубые остекленевшие глаза на Аллана Мак-Мюллена. Гавк и его хозяин закончили свою трапезу и, сытые, удалились в ночь.

После душа и двух литров воды «перье», закутавшись в мягкий махровый банный халат, Бадди почувствовал себя лучше. Маленькие молоточки, стучавшие у него в мозгу, замедлили свой ритм, и он подумал, что порция «Кровавой Мэри», наверное, до конца восстановит его силы. Лори уже во всех подробностях изложил ему историю, и «Кровавая Мэри» вполне соответствовала описываемым обстоятельствам.

Марвин и Герби отправились на поиски таинственного Кетера Брауна, Рут, покачивая головой, сидела возле большого окна, Джему и Саманте было поручено закупить необходимые шмотки, а Лори с увлечением жал на клавиши своего портативного компьютера.

Бадди посмотрел на улицу. На бульваре было полно народу, и, несмотря на двойное остекление, до него долетал гул автомобильного движения. Некоторое время он развлекался тем, что выискивал взглядом ничем не примечательных пьянчужек: он был очень силен в этой игре, он угадывал их по взгляду, по позе... Вон там, тот тип с далматином, как бы он ни старался держаться нормально... Во-первых, он бледен как покойник, да к тому же видно, что он с трудом ко-

ординирует движения. Да и собака выглядит вдрызг пьяной. Некоторое время Бадди занимала проблема: встречал ли он когда-нибудь собак-алкоголиков? Пожалуй, нет. Но у этой опущен хвост, и она качается на ходу. Можно подумать, что это ожившая собака из мультиков.

И вдруг мертвенно-бледный мужик остановился на углу улицы и раскрыл объятия. Далматин завилял хвостом. К ним подбежали двое малышей. Потягивая «Кровавую Мэри», Бадди машинально наблюдал за сценкой. Малыши были одеты в лохмотья и очень грязные, но этот тип крепко прижал их к груди, а те стали обнимать собаку. Потом все четверо пошли дальше и скрылись из виду. «Чудненькая семейка законченных пьянчуг», – подумал Бадди, осушая стакан. Сбежавшая с эскизов Уолта Диснея и подрисованная Тэксом Эвери²⁰.

Лори набрал пароль доступа, позволявший открыть файл «Нумерология», и с удовольствием стал созерцать длинные колонки цифр и уравнений, которые высветились на мониторе. Он перевел в цифровую форму почти все последние события, выражая буквы цифрами, в соответствии с их порядковым номером в латинском алфавите. Выраженное таким образом слово «versus» дало в сумме 19, а затем: $9+1=10$, то есть 1. Символ начала. Цифра единичности. Значит, Версус – это противопоставление Богу? «Las Vegas» соответствовало цифре 5, а «Jacksonville» – 7. Сплошь простые числа.

²⁰ Режиссер-мультипликатор (1908 – 1980).

Он решил проверить слово «кетнек». Ему соответствовало 4. Четыре основные стихии. А если сложить «KETNER+—versus»? Получаем 5. То есть «las vegas». Лори вздохнул. Все эти идиотские теории не говорят ни о чем конкретном. Подумав, что сейчас было бы неплохо перекусить двойным сэндвичем с сыром, он нажал клавишу «выход». В дверь апартаментов постучали. Продолжая двигать мышкой, чтобы выключить компьютер, Лори услышал, как Бадди двинулся к двери. И вдруг его палец застыл в воздухе. На мониторе замелькали цифры.

16-1-1915-21-22-19-9-18

Вновь постучали, и Бадди, поспешно приводя волосы в порядок, крикнул: «Иду!»

16=P, 1=A, 19... Лори стал быстро высчитывать на пальцах =S. То есть pas, так, продолжим... 15=0, значит, 21=U, а 22-V. pas ouv...²¹

– Бадди! Не открывайте! – закричал Лори, выскакивая из комнаты.

Бадди, поворачивая ручку двери, удивленно взглянул на него. Дверь приоткрылась.

– В сторону, Бадди!

– Да в чем... – начал Бадди.

И не окончил фразы: далматин, от которого несло падалью, бросился на него, метя в шею. Он еще не до конца осознал, что на него напала собака, а Лори уже схватил стул и

²¹ не открыв... (фр.)

разбил его о спину пса, который обернулся к нему, оскалив зубы. Его красные глаза сверкали, а из горла вырывалось глухое рычание. Перекувырнувшись и вскочив одним прыжком на ноги, Бадди схватил с ночного столика лампу, сорвав с нее абажур. Это животное взбесилось...

Далматин задрал лапу и стал спокойно мочиться на ковровое покрытие пола, лукаво уставившись на разошедшиеся полы халата Бадди.

– Спрятал бы ты свои семейные сокровища, а то ведь и грабителей можешь накликать, – сказал он, выразительно прищелкнув челюстями.

Бадди выпал из ощущения реальности, но поспешно затянул пояс халата. Этот пес... Это был тот самый далматин, которого он видел на улице. И он пришел к ним в номер, чтобы *оскорблять* и мочиться на ковре. Но в этот момент дверь распахнулась, и на пороге, делая приветственные жесты, показались все трое: мертвенно-бледный мужчина и его дети. Бадди сглотнул. Ведь собаки же не могут говорить. Хотя бы и далматины. Этот тип, должно быть, чревовещатель. Или же у него, Бадди, алкогольная кома и бред.

– С чего начнем? – спросил мальчуган.

– Бабенки и детишки вперед... – с довольным видом ответил, усмехаясь, пес.

– *Vade retro Satanas!* — вдруг громко закричал Лори. – *In nomine Patri et Filii et...*²²

²² Изыди, Сатана! Во имя Отца, и Сына, и... (лат.)

– Ах, как это возбуждает!

И, заливаясь смехом, малышка задрала подол платяца и показала свой голый передок. Лори стыдливо опустил глаза.

– Гавк! – сказал мужчина голосом, похожим на звук фাগота. – Вперед, взять! Принеси папочке мяса.

– Да что же здесь происходит? – спросил вконец одуревший Бадди, который никак не мог решить, следует ли ему потерять сознание. Или пойти окунуть голову в лохань, полную холодного джина...

– То и происходит, что они хотят нас сожрать! – пронзительно крикнул Лори.

Невидящие глаза собаки остановились на Лори; обнажились длинные клыки. Пес расхохотался странным собачьим смехом.

– А тебе приветик от Круэллы, – сказал он. – Кажется, она хочет сшить себе мини-юбочку из твоей черной шкуры...

Лори сделал шаг назад, неловко споткнулся о низкий столик и тяжело рухнул на диван. Далматин сделал прыжок. Лори закрыл глаза, слабо помахивая перед лицом диванной подушкой. Раздалось короткое тьяканье, и вслед за тем на него навалилось тяжелое тело, сотрясаемое крупной дрожью. На смерть перепуганный Лори перекатился на бок. По телу Гавка пробегала дрожь, шерсть поднялась дыбом. В его пасти был зажат оголенный патрон лампы. Бадди взирал на него с глубоким удивлением.

И вдруг тело собаки начало как будто растрескиваться; че-

рез кожу животного выбирались тысячи крохотных личинок мясной мухи, создавая впечатление, что собака дрожит.

«Я что, смотрю ужасики?» – подумал Бадди.

Мужчина указал пальцем на собаку, потом на них, и Бадди увидел, что кожа на его пальце синюшная и растрескавшаяся. Малыш Язон сделал шаг вперед.

– Они сделали Гавку больно.

– За это надо наказать Эйт Болз²³, надо слопать его *шаррики*... — шаловливо запела Бренда.

Бадди попытался вырвать лампу из собачьей пасти, но патрон приварился к нёбу животного.

– Здорово мы влипли, – пробормотал Лори, поднимая зажигалку Уилкокса, которая валялась на полу.

Другой рукой он схватил журнал, восхваляющий достоинства отеля, и скрутил его в жгут. Чувствуя себя так, словно он действует в дурацком сне, Бадди подобрал валявшуюся на кресле позавчерашнюю газету «Вашингтон пост» и приготовил зажигалку.

– Эти сволочи не выносят огня, – громко сообщил Лори. – Он их хорошо прижигает.

– Неужели Лори действительно хочет сжечь детишек?

Лори поджег свой журнал, и все Мак-Мюллены разом вздрогнули.

– Ну-ка, идите сюда, идите, попробуйте-ка адского пламе-

²³ Eight Balls (англ.) – бильярдный шар номер восемь черного цвета; отсюда, по расширению, – прозвище негров. (Прим. автора.)

ни, – издевательски повторял Лори.

Бадди тоже стал потрясать пылающей «Вашингтон пост».

– Вон отсюда! – услышал он свой решительный голос, думая в то же время, что все это просто какой-то гротескный сон.

Малыш Язон громко рыгнул, а его сестричка расхохоталась. Мужчина подошел ближе, предоставив Бадди возможность рассмотреть его мраморную кожу, пробитый правый висок и что-то белое, что копошилось у него в зубах. Свободной рукой Бадди сильно ущипнул себя повыше локтя. И вздрогнул от боли. Значит, он не спит и этот тип действительно мертвец. Как и детишки. Мертвецы, но стоят и разговаривают в апартаментах номер двадцать шесть отеля при казино «Сиркус Сиркус».

– Я сантехник, меня зовут Аллан Мак-Мюллен, – сказал мужчина. – Я перебрал с выпивкой и не справился с управлением машины. Как вы думаете, я встречусь со своей женой? Она умерла два года тому назад, дома у меня стоит урна с ее пеплом.

– Пошли вон, – проблеял обессиленный от страха Бадди.

– Когда вы умрете, то заговорите иначе. Ну, куда, по-вашему, я должен идти? И нам с малышами нужно питаться. Но земля населена эгоистами вроде тебя. И ты за это заплатишь. Ты, выродок, заплатишь за все то зло, которое совершил. Ты заплатишь за свою отвратительную музыку и за Слима, которому ты желал смерти, потому что был уже не в

состоянии о нем заботиться!

Как мог он узнать о Слеме? Как мог узнать о тех ужасных мыслях, что приходили ему в голову в больнице, когда он держал исхудавшую руку Слима во время его бесконечной агонии?

– Не давайте вывести себя из равновесия, они все время стараются этого добиться. Они все о нас знают и пытаются нами манипулировать... – заметил Лори, размахивая своим факелом.

– Их надо окропить святой водой, – прозвучало тихое отрывистое замечание.

Бадди непроизвольно обернулся. Рут Миралес, скрестив руки на коленях, смотрела на них с суровым видом.

– У нас, Рут, нет святой воды, – шепнул Лори.

– Конечно, без святой воды... Надо было ею запастись, – изрекла Рут, пожимая плечами.

– Ага, да-да, надо было ею запастись, миленький Лори... – передразнил ее Язон.

– Заткнись, гроб повапленный!²⁴ – крикнул Лори. – Проваливай в ад!

Он швырнул свой факел в Язона, который с трудом увернулся и яростно зарычал. Запищав, Бренда выпрыгнула в коридор. И вслед за тем факел погас.

Аллан Мак-Мюллен широко улыбнулся, обнажив десны и язык, покрытый белыми червями, а его детишки вновь по-

²⁴ Библейское выражение, означает гнилой, трухлявый гроб.

дошли поближе. Резким жестом Бадди что-то выхватил из кармана. Плоскую серебристую фляжку.

– Спецрезерв Бадди Коула. Джин, отличный джин.

Он плеснул несколько капель на факел, и вспыхнуло яркое потрескивающее пламя. Потом он быстро обрызгал джином ковровый пол.

– Ты что... – завыл Мак-Мюллен.

– Поздно спохватился, приятель! – злорадно откликнулся Бадди и бросил «Вашингтон пост» на пропитанный джином ковер.

Взметнулось высокое пламя, которое отбросило Мак-Мюлленов в коридор.

– Дверь, быстро! – заорал Лори, и Бадди бросился через пламя к двери и навалился на нее всей своей тяжестью, а три разлагающихся тела давили с другой стороны.

Ключ. Надо повернуть ключ. Он видел, как маленькие, изгрызанные до костей пальчики Бренды щупают косяк двери, и, продолжая налегать изо всех сил, закрыл глаза. Раздался злобный крик, потом дверь неожиданно захлопнулась с сухим щелчком, и он повернул ключ. На земле валялись три маленьких пальчика без ногтей.

– Бадди! Берегись! – закричал Лори.

Бадди поднял голову и почувствовал, что его охватывает волна жара. Он не понял, что загорелся халат, пока не ощутил боли, пока не вспыхнули волосы.

Лори бросился в спальню, сдернул покрывало со своей

кровати и вернулся, чтобы сбить пламя с Бадди, который с воплями носился по комнате. Рут нахмурилась и громко вздохнула, словно её вывели из себя.

– Бегите за водой! – закричал Лори. – Рут, бегите за водой.

Бадди бросился на диван и стал кататься, а Лори пытался погасить на нем пламя. Оглушительно завывала сирена. Гостиничный сигнал пожарной тревоги. Беготня в коридоре. Бадди, с наполовину обгорелыми волосами и с большими красными ожогами на черепе и на лице, укутанный в обгорелое покрывало, тихонько стонал.

– Берегите лицо! – крикнула Рут и вылила вазу, полную холодной воды и увядших роз, на облезлый череп Бадди.

Кто-то барабанил в дверь, в коридорах царила невообразимая суматоха.

– Иду-иду, – откликнулся Лори, дрожа как загнанная лошадь. – Рут, сядьте же, наконец.

– Если я правильно понял, Лори, то твой компьютер Джимми предупредил тебя об опасности... – едва слышно пробормотал Марвин, хрустнув пальцами.

– Вот именно.

– А потом все Мак-Мюллены явились сюда вместе со своей собакой, и та попыталась вас убить.

– Это был далматин. Директор приказал отвезти его в ветеринарную клинику, а я посоветовал обязательно его кремировать.

– А тем временем прибыли пожарные, затем набежали

журналисты с местного телевидения и копы...

– И еще врач, – добавил Лори. – Он оказал помощь Бадди, который отказался ехать в больницу, и вот тут директор спросил номер телефона его страховой компании и...

Зазвонил телефон, и Марвин снял трубку.

– Хейс у аппарата.

– Ну что, маса Хейс, у нас проблемы? – проскрипел Аньелло на другом конце провода. – Директор отеля только что рассказал мне историю, от которой сдохнешь со смеху. И вроде бы в апартаментах номер двадцать шесть полно психов ненормальных. И там же какая-то собака и блондинистый парень в метр восемьдесят ростом, да еще наполовину изжаренный мужичонка по имени Ричи Бадди Коул. Как раз тот мужик, знаете ли, которого копы проворонили вчера вечером в Баллун-фиеста-парк. И этот же мужик заблудился вчера со своим шаром где-то недалеко от Лас-Вегаса.

– Чего вы хотите? Я спешу.

– Так вы разыскали парнишку, верно? И все опять началось.

– Что? Что именно началось?

– Сегодня утром мои коллеги из Лас-Вегаса обнаружили возле склада торгового центра Амстрак на Мейнстрит наполовину сожженный труп бомжа. Джереми Хокинз в Альбукерке – два убийства. Он отправляется в Вегас – снова убийство. Вам не удастся это скрыть, каким бы важным федералом вы ни были, маса Хейс.

– Как вы нас нашли?

– Вот те на! Хейс, да вы же подожгли номер в отеле! Это прошло по всем каналам в шестичасовых новостях! Мы видели, как чернокожий подросток пытался захлопнуть дверь и как мужики уносили собаку. И видели мамзель Бадди Коул, закутанную в покрывало... И вы еще спрашиваете, как мы вас нашли? Черт возьми! Я просто лопну со смеху!

– Аньелло, это дело проходит под грифом «Государственная безопасность», вы хорошо меня поняли? Вы прекратите это дело и разорвете постановление о розыске Джереми Хокинза. Джереми Хокинза отныне не существует.

– Мели, Емея! А кто мне докажет, что вы не врете? Что вы не являетесь членом группы педофилов, пристрастившихся к ритуальным убийствам?

– Педофилы-мутанты, Ральф, и спим со всеми серыми человечками.

– Я хочу получить ваше направление и подтверждение от вашего начальства, маса Хейс, иначе я спущу на вас всех собак.

– О'кей, – вздохнул Марвин. – Я перезвоню вам через два часа.

– Через полчаса.

– Открытое неподчинение и создание препятствий в осуществлении деятельности федерального агента – вы рискуете потерять свое место, лейтенант.

– За свою задницу я отвечу сам, агент Хейс. А вы зани-

майтесь своей.

Ничего не ответив, Марвин повесил трубку.

– Что там еще? – спросила Сэм, выходя из спальни, где, приняв успокоительное, спал Бадди.

– Аньелло нас вычислил. В новостях местного телевидения показали пожар в номере, происшествие с собакой и т. д. Он не верит, что мне действительно поручено дело Джереми Хокинза.

– И?..

– Мне его действительно не поручали. Я занимаюсь этим по собственной инициативе. Просто информировал Джонатана, что должен уладить одно дело, и попросил прикрыть меня перед Болдуином, после чего уехал в Альбукерк. Если Аньелло решит засадить Джема за решетку, то я не смогу ему помешать.

– Если Болдуин тебя не прикроет. Позвони ему. Скажи, что это наиважнейшее дело.

– Согласен.

Марвин быстро набрал номер на своем мобильном телефоне, но раньше, чем погас экран, появился сигнал «батарея разряжена».

– Чертова игрушка! – проворчал он, хватаясь за телефонный аппарат, стоящий в номере.

Бесконечно звучал вызов, потом автоответчик женским голосом телефонистки любезно сообщил ему, что в связи с перегруженностью линии его вызов не может быть обслужен.

– Но это же просто смешно! – пробормотал Марвин, повторяя набор.

И снова автоответчик.

– Не понимаю. Может быть, линия не в порядке...

– Прежде всего, смываемся. А обсудим позднее, – прервал его Уилкокс.

– А Бадди?

– Оставим его здесь. Надо быстренько двигать отсюда, через десять минут здесь будет полно копов. Вы можете позвонить своему Джонатану и из другого места. Это война, Марвин. Нужно шевелиться.

– Шериф прав. Если фараоны нас здесь задержат, то *они* воспользуются этим и распространятся повсюду, – поддержал Джем.

Марвин долго его разглядывал, потом прищелкнул пальцами.

– О'кей, уходим. Джем и Лори, вы спуститесь по лестнице для служащих. Сэм и Уилкокс, вы выйдете вместе с Рут через главный вход. А я займусь директором и всей передрагой.

– И бросим Бадди? – запротестовал Лори.

– Сожалею, но он в этом больше не участвует. Ни к чему рисковать его жизнью. А так как за ним ничего нет, то Аньелло и не сможет ему ничего предъявить.

– Незадача, старичок.

– Ну, чего тут? – прошептал Джем, наклоняясь к Лори.

– Загвоздочка, вон там, в сером плаще.

Склонившись к плечу Лори, Джем вглядывался в темноту. Под частым дождем строевым шагом по паркингу туда-сюда разгуливал мужчина в плаще.

– Фараон?

– Наверняка.

– Что будем делать?

– Нужно изменить твою внешность... Подожди-ка...

Лори яростно пошарил в своем рюкзаке и вытащил откуда сумочку с туалетными принадлежностями, высыпав ее содержимое на землю.

– Вот!

– Что – вот?

Он показал бритву:

– Мы обреем тебе голову.

– А чего ты таскаешь с собой бритву? У тебя еще нет ни одного волоска, – заметил Джем.

– Никогда не знаешь... Лучше быть во всеоружии.

– Бедняжка Лори, ты как десятилетняя девчонка, которая таскает в сумке лифчик, потому что вдруг грудь начнет расти! – прыснул Джем.

– Ах, как смешно! Спусти-ка лучше штаны.

– Слушай, сейчас не время для конкурса, – смутившись, возразил Джем.

– Да не для конкурса, debil, а для косметологии.

– Чего-чего?

– Бритва, лак и твои волосы.

– Лори, чего ты несешь?

– Слушай, старичок, они разыскивают безбородого парня со светлыми прямыми волосами, точно? Тогда, во-первых, мы обреем тебе голову и еще кое-где. Во-вторых, мы приклеим на твою рожу твои же волосы с задницы, и ты станешь с вьющейся бородой. И проведем их.

– Ну уж нет! Борода из волос с задницы, никогда!

Еще десять минут, и криминальная полиция будет в номере. Аньелло выдал ему точную наводку на Хокинза, уточнив, что необходимо дождаться ровно девятнадцати часов. Инспектор Бьорн перенес тяжесть тела на левую ногу, потому что коленная чашечка правой была раздроблена пулей тридцать восьмого калибра. Теперь дождь лил как из ведра. Выругавшись, он поднял воротник плаща. Его коллеги в теплом холле недурно проводят время. А самая грязная работенка всегда достается ему. Но через полгода – отставка. И тогда – прощайте долгие часы ожидания под дождем во исполнение идиотских приказов. Дверь служебного входа отворилась, и появились два парня, чернокожий коротышка и верзила с наголо обритой головой и слегка вьющейся бородкой. Бьорн вздохнул, прищурившись от дождя.

– Эй, вы там!

– Ну, чего тебе? – откликнулся маленький чернокожий, засунув руки в карманы.

– Вы что там делаете?

– А если тебя спросить, так ты скажешь, что ничего.

– Полиция, – крикнул Бьорн, вынимая свою бляху.

– Да вот кончили работу и топаем по домам, – объяснил коротышка негр. – А чего случилось-то?

Некоторое время Бьорн их рассматривал. По правде сказать, ни один не подходил под описание Джереми Хокинза. Верзила с бородкой топтался под дождем, подняв воротник куртки до самых ушей. Морда настоящего скинхеда, с обри-тым черепом и оттопыренными ушами.

– Да что мы такого сделали? – пробурчал коротышка.

Верзила засунул руку в задний карман, и Бьорн представил себе, как тот вынимает бритву и проходится ею по его горлу. Нужно опасаться всех этих мелких дилеров. В конечном-то счете вполне возможно, что эти парни здесь вкалывают или чем-то приторговывают. А у него через полгода – дембель.

– Проходите, – гаркнул он.

– И так довольно постояли, – заметил, удаляясь, коротышка; верзила, пожав плечами, двинулся за ним следом.

Пританцовывающей походкой мелких хулиганов они завернули за угол.

– Сработало, старичок, сработало!

– Дождь смывает гель, и моя борода отклеивается.

Звук клаксона заставил их вздрогнуть, но они тут же узнали Саманту за рулем темно-синего «вояджера» Уилкокса, который сидел рядом с ней. Рут расположилась сзади. Ребята устроились возле нее.

– Вы лихо переоделись, я едва вас узнала. И как это вы додумались? – спросила Сэм.

– Ну-у... у меня в сумке были кое-какие вещички, – ухмыляясь, на ходу выдумал Лори.

Сэм медленно двинулась с места.

– Мы должны подхватить Марвина возле Фэшн-Шоу-Мол, это торговый центр. Там настоящий лабиринт, и будет нетрудно отделаться от слежки, если она возникнет.

Костяшкой указательного пальца Аллан Мак-Мюллен нажал на стартер.

– А теперь помолчите, – приказал он хриплым голосом.

Язон и Бренда затихли на заднем сиденье старого «корвета» Бадди.

Аллан повернул палец, и машина задрожала.

– Папочка, мы опять хотим кушать, – захныкал Язон, скорчив гримасу.

Поправляя зеркало заднего вида, Аллан увидел в нем свое отражение. Как он бледен... И эта плохо зашитая дырка в виске, и эти бугорки под кожей, натянувшейся до такой степени, что вот-вот лопнет...

Он знал, что это такое. Черные тараканы. Черные тараканы, которые кишмя-кишат у него внутри. Они, наверное, еще в больнице забрались в него через рот, пока он спал. И теперь они повсюду там ползают, он чувствовал подрагивание их лапок на своих иссушенных органах.

– Ты почему не едешь? – со вздохом спросила Бренда.

– Послушай, Бренда, да и ты, Язон, тоже: прошло всего два дня, как я умер. Так вот, дайте мне немного прийти в себя, понятно? Ведь довольно трудно управлять машиной руками, которые распадаются на куски.

– Папочка, а мы все время хотим кушать, потому что мы мертвые? А почему мы не идем в Рай к мамочке? А Гавк, почему он умер два раза? Что мы будем теперь делать, папочка? – расхныкавшись, спрашивал Язон.

– Я ничего не знаю! – взорвался Аллан. – Я не знаю, что надо делать. Мы поедем за этими идиотами. А вы заткнитесь! Иначе я выкину вас на свалку!

Аллан осторожно тронулся. Он вел машину как автомат, уставившись в задние огни «вояджера». Он знал, что должен делать именно так. Так ему приказывали черные тараканы. «Это они ведут машину, – часто моргая, подумал он. – Это они управляют. И они подчиняются своему господину». Его охватила дрожь, а вместе с тем, по наполовину погибшим нейронам, как холодная тихая ласка, разливалась какая-то волна. Это Версус. Господин – это Версус. Это Версус требовал смерти шестерых спасшихся из Джексонвилля. И он, Аллан Мак-Мюллен, должен их уничтожить. Сожрать, чтобы остались только их кости, косточки беленькие и чистенькие, как барабанные палочки. «Но за что?» – неотчетливо подумал он, прибавляя скорость.

А на заднем сиденье Бренда и Язон развлекались тем, что щипали друг друга, с хихиканьем отрывая кусочки мертвой

кожи.

С громким вздохом Марвин влез в «универсал».

– Я сумел от них оторваться в торговой галерее. Впечатление такое, что за нами бросились все местные копы.

– В упорстве Аньелло не откажешь, – заметил Герби, почесывая щетину.

– Что теперь будем делать? – спросил Джем.

Марвин вздохнул:

– Найдем спокойную хату и поразмыслим. Мне надо позвонить в бюро, необходимо представить какое-то объяснение.

– Ну а потом? Что будем делать? Я хочу сказать – с *ними*.

— Даже неизвестно, с чего начинать, – проворчал Уилкокс. – Может быть, у них здесь целое логово, и они готовят нас захватить.

– Логовом был Джексонвилль, – холодно заметила Сэм, сворачивая на Родео-драйв. – Ну а теперь они наизготове. Они начали распространяться.

– Но ведь весь городишко сгорел дотла! И уже точно известно, что огонь их полностью уничтожает, – возразил Герби.

– А может быть, еще кто-то, кроме деда Леонарда, открыл еще один проход? – предположил Лори. – Некоторые думают, что гигантские кратеры и всякие такие вещи сделаны не метеоритами, а низвержением падших ангелов, ударившихся о землю.

– Падших ангелов? – повторил Марвин, вглядываясь в темноту, где возникло белое панно с указанием «Федеральная автострада № 95». – Ты можешь немного уточнить?

– Ну, это когда Люцифер и вся его шайка были изгнаны из Рая... Некоторые говорят, что они разбились о землю и понаделали этих дыр и провалов... наподобие космических тел в расплавленном состоянии, которые со скоростью света столкнулись с планетой.

– Лори, падшие ангелы – это притча, – менторским тоном заметила Сэм.

– Да, точно? А наши живые мертвецы – это аллегория? – иронично возразил Лори.

Джем смотрел на него озадаченно. Если уж Лори заговорил как ходячая энциклопедия... И несмотря на свои метр восемьдесят роста и пробивающиеся усы, он вдруг почувствовал себя мальчуганом, карапузом в засаленных коротких штанишках, сопляком, утирающим нос. Он смутно понял, что Лори создан, чтобы разгуливать по коридорам большого университета, таская под мышкой горы книг. А он, Джем, – нет. Ему необходимо воспринимать вещи на ощупь, жить возле них. Он понимает, что такое ветер, только тогда, когда им дышит; моторы – только когда касается их; солнце – только спасаясь от его жара.

Он заметил, что Сэм изменила направление движения, и на одно мгновение фары замерли на надписи «Национальная дорога № 159».

– Куда мы едем?

Саманта указала на чернильно-черный горизонт:

– Спринг-Маунтинс... Между Ред-Рок-Каньоном и горой Чарльстон. Там полно любителей гор. И проконтролировать всех проживающих в кэмпингах просто невозможно, особенно в тех из них, что расположены в нескольких часах езды от границ парка.

– И это означает, что нам не мешало бы купить обувь с шипами? – спросил, улыбаясь, Уилкокс.

– Старый ворчун! Наконец-то я узнаю, чего ты стоишь с рюкзаком за спиной весом тридцать пять килограммов.

– Взгляните-ка сюда, – сказал Марвин. Он развернул карту и рассматривал ее, освещая ручкой-фонариком. – От горы Чарльстон можно добраться до лыжной станции в местечке Парадиз-Маунтин²⁵, а потом – до Национального парка дикой природы в Неваде.

– Это идеальное местечко, где медведи могут отгрызть вам яйца, – согласился Герби.

– И рядом зона Неллис Военно-воздушных сил и атомный испытательный полигон, – невозмутимо продолжил Марвин.

– Что? – хором спросили Джем и Лори.

– Испытательный полигон атомных ракет, – объяснила Саманта, нахмурившись. – Как в Джексонвилле...

– У меня идея! – воскликнул Лори. – Существует определенная связь между небесными точками соударений и ядер-

²⁵ Paradise Mountain (англ.) – Горный Рай.

ными испытаниями. И именно это создает ворота, или проходы, между потусторонним миром и Землей.

– Лори, хватит, ты уже прожужжал нам уши со своими глупостями о падших ангелах, разбившихся о Землю как голубиное дерьмо! – проворчал Уилкокс.

– Аньелло думает, что военные базы как-то связаны с тем, что произошло в Джексонвилле. И с человечком из Росвелла, – поддержал Марвин Лори. Он вцепился в ручку дверцы, потому что в этот момент Сэм вошла в особенно крутой поворот.

– Пути Господни неисповедимы, – неожиданно изрекла замогильным голосом Рут Миралес.

Все головы обернулись к ней, но она уже закрыла глаза и, очевидно, уснула, покачивая головой.

– Э-э-э... не хочет ли кто-нибудь указать мне дорогу? – спросила Саманта, снижая скорость.

Марвин с готовностью обратился к карте.

– Где они? – трясся Бадди как грушу, рычал Аньелло.

– Да я откуда знаю! Я ведь спал!

– Черт! Я прикажу завязать твои кишки узлом, а самого тебя подвесить под потолком...

– Мне нужно поехать в больницу. Я требую врача. Спасите! Убивают! – пронзительно завопил Бадди.

– Заткнись, псих ненормальный! – проворчал Аньелло, встряхивая его с новой силой.

– Хмм... Вам не кажется, что этот человек нуждается в

медицинской помощи? – спросил сержант Голдсмит из Департамента полиции Лас-Вегаса.

С недовольным ворчанием Аньелло отпустил свою жертву. Тяжело дыша, Бадди рухнул на кровать.

– У нас на него ничего нет, – прошептал Голдсмит в маленькое волосатое ухо Аньелло.

– Соучастие в убийстве. Это он помог молодому Хокинзу добраться сюда, – возразил тот, оскалив зубы.

– Под угрозой оружия, лейтенант. А потом федералы принудили его ехать с ними. Так действовал бы каждый гражданин.

– Я уверен, что он знает, где они.

– Я не согласен с вами. Иначе они бы его здесь не оставили. Ну а кроме того, я также не могу поверить, чтобы федеральный агент, даже если он цветной, стал покрывать побегового убийцы, – вытирая лоб, пробормотал Голдсмит.

Этот Аньелло законченный придурок. И из-за этой ситуации можно с треском получить понижение по службе. А следовательно, нужно поскорее выходить из игры. Аньелло не имеет никакого права вмешиваться в дела штата Невада.

– Надо дать его в розыск, – решил Аньелло, прищурился глазами.

– Если вы думаете, что правонарушения имели место во многих штатах, то этим должно заняться ФБР, – заметил Голдсмит, разглядывая свою плохо начищенную обувь. – А стало быть, как раз агент Марвин Хейс...

– Висельник!

– Что вы сказали?

– Вы отлично слышали. Боже мой, Голдсмит, что у вас там? – изрек Аньелло, указывая пальцем на ширинку сержанта. – Переваренная сосиска?

– Я не позволю...

– Прекратите пудрить мне мозги, я и без вас справлюсь.

– Аньелло, предупреждаю, не может быть и речи, чтобы...

– Чтобы я хоть минуту продолжал еще слушать вашу чепуху. Да, согласен.

Он двинулся к двери, на ходу проверяя, полна ли обойма. Жалкое ничтожество! Он сам заполучит этого Джереми Хокинза, он не отдаст свою страну без боя в руки маленьких серых человечков-каннибалов.

Дверь захлопнулась за сбитыми с толку полицейскими. Бадди вздохнул. Ну, вот и все, теперь надо возвращаться в Альбукерк, и опять Сэнди, опять ее ругань. Конец приключению.

Озадаченный Марвин повесил трубку и медленно вернулся к машине.

– Ну? – спросила Саманта, открывая дверцу.

– Я не смог соединиться с Болдуином.

– Ты говорил с Джонатаном?

– Нет. Дело в том, что мне никто не ответил.

– Ты можешь не так темнить?

– Мне это довольно трудно сделать, – усмехнулся Марвин,

показывая свои черные руки.

Никто не засмеялся. Он кашлянул и продолжил:

– Там не отвечают. Не отвечает ни один служебный номер. Я попробовал соединиться через коммутатор. Телефонистка сказала: «Соединяю», и потом – полное молчание. Я попытался еще раз, и тогда зазвучал автоответчик: «К сожалению, соединиться с вашим номером невозможно».

– Как тогда, в Джексонвилле, – заметил Уилкоккс, приглаживая усы.

Не говоря ни слова, Саманта включила мотор. Если эти мерзавцы из загробного мира хотят войны, то они ее получат.

«Так и есть, – подумал Джем, – кольцо сжимается». И вдруг он почувствовал у себя за спиной чье-то смрадное дыхание.

Лори разбудил холод. Он прищурился, зевнул, потянулся и уткнулся в Джема, который заворчал во сне. Какого черта делает Джем в его постели? Но он тут же вспомнил, что, набившись в «универсал» Уилкокса, они затерялись где-то в национальном парке. Он взглянул на остальных пассажиров. Рут Миралес храпела с открытым ртом, принаряженная престарелая мумия. Марвин Хейс уткнулся носом в бардачок, а шериф Уилкоккс навалился на дверцу, как куча старого мохнатого тряпья. Лори бесшумно открыл дверцу и вышел на холодный предрассветный воздух. Он начал облегчаться на заднее колесо, но вдруг подскочил, услышав, как хрустят за спиной сосновые иглы.

– Привет, – прошептала Саманта; ее волосы были растрепаны.

– Э-э-э, привет, – пробормотал Лори, стараясь как можно быстрее застегнуть штаны и чувствуя, что обмочил свои кроссовки.

– Я провела небольшую разведку, – нервно продолжала Сэм. – Все выглядит спокойным. Скажи, в твоём компьютере есть факс-модем?

Лори кивнул, разозлившись, что сам не подумал об этом.

– Включи его. Попытаемся связаться с бюро.

Лори достал со дна сумки и открыл ноутбук. Монитор

мигнул и поздоровался. Лори быстро выбрал меню, и Саманта продиктовала ему номер, с которым нужно было соединиться. Она смотрела, как темные пальцы парнишки тревожно стучали по клавишам.

– Ну?

– Не проходит. На мониторе появилось сообщение: «Абонент недоступен».

– Вот черт! – вздохнула Сэм.

– Происходит что-то странное.

– Что?

Она наклонилась над плечом Лори и вдруг почувствовала, что у нее сжимается желудок. Экран стал чернеть на глазах, покрылся большим черным пятном, и вдруг от компьютера пошел запах гари и повалил дым.

– Он перегорает, – невнятно произнес Лори. – Джимми перегорает! Они добрались до него!

– Вероятно, короткое замыкание. Поистине, нам не везет, – проворчала Саманта, отбрасывая с лица рыжую прядь.

– Это не короткое замыкание, Джимми не похож на другие компьютеры, он всегда разговаривал со мной. А теперь они убили его!

Саманта с огорчением смотрела на Лори. В компьютере короткое замыкание, а паренек совсем отрубается от действительности!

– Они набрались сил, они совсем рядом, я их чувствую, – продолжал Лори. – Надо разбудить остальных. Скорее!

Сэм собиралась ответить, когда на мониторе Джимми вдруг появилась чередой очень ярких белых стрелок.

– Осторожно! – закричал Лори, резко толкнув Сэм. Она навзничь упала на влажную листву и увидела, что компьютер начал вертеться, как волчок, набирая скорость, потом оторвался от земли и продолжал вертеться в воздухе, после чего с треском взорвался, разлетевшись на куски раскаленного пластика. Горячий обломок задел ее щеку, и, чтобы уберечься, она откатилась в сторону. Вновь наступила тишина. Прозвучала жизнерадостная трель птицы. Джимми, разломанный на куски, валялся на грязной земле. Сэм поднялась, коснулась раненой щеки и увидела, что на нее, округлив глаза, смотрит Лори. Он схватил ее за запястье и подвел к зеркалу заднего вида.

Ожог был примерно три сантиметра длиной, между левым глазом и подбородком, и представлял собой четкую букву V, которая пламенела на бледной коже рыжеволосой женщины.

– Версус наложил на вас свой знак, – прошептал Лори. – Надо продезинфицировать ожог.

– Ну что за глупости, это просто отлетевшая клавиша Джимми...

– Да ну? – сказал Лори, указывая на развалившийся компьютер.

Сэм посмотрела в ту же сторону и непроизвольно сжала его плечо.

Из разбитого на мелкие кусочки компьютера вылез чер-

ный таракан, потом еще один, потом третий, потом появилась копошащаяся группа; они тянули усики к небу и с раздражающим скрежетом с жадностью шарили по земле.

– Что случилось?

Встревоженный голос Марвина заставил их дружно повернуться. Джем и Герби молча смотрели на происходящее.

Потом Герби сильно ударил ногой по остаткам компьютера, и черные тараканы бросились наутек во всех направлениях. Джем методично давил их своими кроссовками «Nike», из-под которых брызгами разлетались их слизистые внутренности.

А в ста метрах ниже по склону Аллан Мак-Мюллен созерцал нечто иссохшее, что свисало у него между ног. Он уже не решался этим мочиться. Лежа на заднем сиденье, застывшие, с широко открытыми глазами, как настоящие трупы, спали Язон и Бренда. Аллан с трудом вновь застегнул брюки: пальцы все меньше его слушались. Он ведь умер. Надо, чтобы он хорошенько это усвоил. Он у-м-е-р. И малыши – тоже. Ему так хотелось бы вернуться домой. Поставить в микроволновку пиццу. И съесть ее вместе с рыженькой фараоншей. Эта рыженькая штучка как раз в его вкусе. Положить рыжуху в микроволновку. Вот было бы смеху. Он посмотрел пустым взглядом вверх по горе, в сторону леса, словно мог там что-то увидеть.

Черные тараканы копошились у него под кожей, щекотали пищевод, печень, простату. Поэтому-то ему и показалось,

что надо облегчиться. Бренда что-то проворчала во сне, обнажив пожелтевшие зубы. Он растроганно улыбнулся. Она была такая хорошенькая. Только грязная. Надо бы постирать ее платице и причесать эту всклокоченную гривку и... Он запнулся, почувствовав за спиной чье-то присутствие, и увидел своего сына, который засовывал в рыхлую землю гниющую культу. Потом, когда она покрылась крохотными муравьями, он вытащил ее и стал облизывать свое изувеченное запястье с видом лакомки, как некогда облизывал мороженое.

– Скоро пойдет снег, – сказала Саманта, глядя на серо-свинцовое небо и продолжая прикладывать к ожогу тампон с йодом, который нашелся в аптечке.

Она использовала йод и для обработки раны Джема, который собрал всю свою гордость, чтобы не застонать во время этой процедуры.

Марвин подул на пальцы. Сидя на скале возле ручья и глядя в пространство, он не произнес ни слова за последние пятнадцать минут. Уилкокс вынул из багажника и наполнил свежей водой два термоса, потом открыл пакетик шоколадных батончиков и пустил их по кругу. Рут Миралес отказалась и от того и от другого. Она стояла возле огромной секвойи, крепко стянув вокруг похудевшего тела полы утепленного плаща, скрестив руки, упрямо глядя на дорогу, уходящую вниз.

– Они на подходе, – произнесла она своим каркающим го-

лосом.

Джем кончил завязывать шнурки. Он подумал, что Саманта права: вот-вот пойдет снег. В горах он всегда выпадает рано. А на них с Лори только ветровки. Немного раздраженно Рут повторила: «Они на подходе». Уилкоккс взял ее за плечи:

– Сильно похолодало, вам, Рут, следовало бы посидеть в машине.

Теперь он был доволен, что остался в своей потертой кожаной куртке, которую Саманта уговаривала его выбросить. Рут с осуждением покачала головой:

– Вы не слушаете, шериф, вы никогда не слушаете. Вы абсолютно убеждены, что знаете все, а на самом деле вы ничего не знаете.

Ероша свою седоватую бороду, Уилкоккс пожал плечами.

– Ну ладно, если вам так хочется, выкладывайте, что там у вас есть, но только сядьте в машину.

– Скоро все мы окажемся под покровом Мрака, – отрезала Рут, покорно следуя к «универсалу».

– Я считаю, что надо оставить машину и углубиться в парк, чтобы найти лыжную станцию, – предложила Саманта таким тоном, словно речь шла о планах на лето.

– Пешком, без багажа, без пищи, по снегу и с перспективой встретиться с медведями... Я думаю, что без машины нам не обойтись, – неожиданно возразил Марвин, выпрямляясь во весь свой рост.

Он совсем заледенел в своем шикарном костюме.

– А с машиной нас очень быстро засекут Аньелло и его сыщики. Джем будет обвинен в убийстве, а нас отстранят от дела, – ответила Саманта.

– Давайте проголосуем, – дрожа от холода, предложил Марвин.

– Кто за то, чтобы топтать ногами, поднимите руки, – звонко провозгласила Саманта. Потом она осознала, что только что произнесла, и нерадостно улыбнулась.

Лори, Джем и Герби подняли руки.

– О'кей, очевидно, один я такой домосед. Ладно, раз надо играть в трапперов²⁶, то давайте готовиться. За работу! – согласился Марвин и начал рыться в «универсале».

Все трое, держась за руки и совершенно бесшумно, продвигались вперед своей нетвердой походкой автоматов, глядя невидящим взором вглубь леса. Над их головами громоздились густые облака, отражаясь, словно от поверхности прозрачного пруда, в выцветшей радужной оболочке их глаз. Они не разговаривали, и из растрескавшихся губ не вырывался даже слабый парок дыхания. Ни один звук не выдавал их приближения. Иногда их челюсти смыкались в пустоте, как у кошки, которая подстерегает птичку и заранее предвкушает удовольствие вцепиться в добычу.

«Настоящая семейная экскурсия, – неотчетливо подумал Аллан. – Он и дети в горах. Спокойная прогулка». Если бы

²⁶ Североамериканские охотники.

только его не мучил этот голод... Рыженькая. Рыженькая бабенка предназначена, конечно, для него. Господин обещал ему это. Господин? Какой господин? И что он здесь делает, вместо того чтобы вкалывать на работе? Ах да, авария. Синди пришла бы в ярость, узнай она, что дети скончались. Но ведь и сама она тоже скончалась. Где? Где сейчас Синди? Впрочем, ни малейшего желания встретиться с ней, с ее тридцатью пятью килограммами тела, изъеденного раком в последней стадии, с ее глазами, запавшими глубже, чем у ярмарочного скелета. Ни малейшего желания видеть, как она непрерывно плачет и плачет, отказываясь умирать. Пусть Синди остается в лимбе²⁷ или возле Отца Небесного, которого она, вероятно, уже сумела разжалобить своим хныканьем.

Он споткнулся о сухую ветку и тяжело упал, увлекая за собой детей. Почувствовал, что налетел на острый камень и сломал нижнюю челюсть. Поднявшись, он увидел, что челюсть отвисла и разломилась надвое. Да чего там, чтобы утолить свой голод, ему хватит и клыков. Он резко оторвал сломанную челюсть, а Бренда и Язон, ожидая, тихонько повизгивали, как охотничьи собаки перед сигналом к травле. Аллан рассматривал кусок кости и ссохшейся плоти с расшатанными зубами. Забавно смотреть на внутреннюю часть своего рта с такой позиции. Дантист был прав, ему чертовски необходимо снять зубной камень! Он засунул челюсть в карман рубашки и продолжил путь.

²⁷ Местопребывание душ праведников, ожидающих искупления (у католиков).

Ральф Аньелло склонился над картой, разложенной на коленях.

– Эти сукины дети наверняка свернули к горам, – пробормотал он, сделав глоток отвратительного кофе, полученного из автомата на бензозаправке. Насвистывая «My heart belongs to Daddy»²⁸, он водил пальцем по измятой карте и вдруг замер, словно его парализовало.

Атомный испытательный полигон... Вот куда они двинулись! Соединиться с себе подобным отродьем!

Он выплеснул остатки кофе в открытое окно своего черного «плимута», сложил карту и потер красные от усталости глаза. Ощущение, что на него смотрят, заставило его быстро поднять голову, и он увидел, что ему улыбается курчавый молодой парень, лет двадцати, не больше, держащий в руках табличку с названием города, и с рюкзаком за спиной.

Аньелло посмотрел на него с той же приветливостью, с какой взглянул бы на кучу собачьего дерьма, и включил зажигание.

– Не могли бы вы меня подвезти? – спросил парень, покачивая своей овечьей головой.

– Я тебе не педик! – бросил Аньелло, трогаясь с места на бешеной скорости.

Можно подумать, что он похож на тех, кто подвозит в своей тачке голосующих засранцев, помешавшихся на глу-

²⁸ «Мое сердце принадлежит папочке» (англ.).

постях New Age!²⁹ Он почесал подбородок, и отросшая щетина закрипела под его ногтями. Кругом одни засранцы. 250 миллионов засранцев. Стоит задуматься, зачем он кишки себе надрывает ради их защиты. «По доброте душевной, Ральф, просто по доброте душевной», – ответил он своему отражению в зеркале заднего вида. Потом он прибавил газу и полностью сосредоточился на дороге, мечтая о кукурузных пирожках и о сосисках с майонезом и кетчупом.

Подбоченясь, Герби созерцал свой «универсал». Вернее, то, что от него осталось. Красивый темно-синий металлический кузов. Заднее сиденье было вынуто и поставлено на четыре демонтированных колеса. Согнутые и скрученные бамперы служили осями, и все вместе представляло собой диванчик на колесах, чтобы можно было транспортировать Рут. «Гениально», – подумал он, застегивая вокруг талии пояс безопасности, за который следовало тянуть.

Снятые с сидений чехлы преобразились в самодельные мешки, в которые напихали все, что можно было еще использовать. Лопатка для откапывания из снега, ящик с инструментами, аварийная галоидная лампа, коврики из салона, дорожные карты, пластиковые стаканчики, фляжка для виски, пастилки от кашля – все, что вперемежку было навалено в багажнике, переложили на спину Джема и Лори, которые то дрожали от холода, то чихали.

²⁹ «Новый Век» (англ.) – музыкальный стиль медитативного характера.

– Ну просто гномы Молчун и Чихун³⁰, возвращающиеся с работы, – насмешливо заметил Герби. – Только колпачков не хватает.

– Зато ты в роли Ворчуна просто бесподобен! – заверила Сэм, в шутку отвесив ему подзатыльник.

– Немыслимо, сколько всего скопилось в вашей тачке! – сказал Марвин, подбирая антифриз и фляжки с маслом. – Хоть супермаркет открывай.

– Я предпочитаю предвидеть любые случайности, – возразил Уилкокс. – Но здесь я, кажется, немного переборщил... А что вы думаете сделать с набивкой сидений?

– Нам наверняка придется спать на снегу, и потребуются что-то, что держит тепло. Вы не согласны?

– Ну да, конечно... Но если надо тащить тачку на своей спине, то, может, лучше уж было оставаться внутри нее.

– Герби! Хватит бурчать! Ты что, думаешь, что мы развлекаемся? – отчитала его Сэм. Она взяла Рут за руки: – Пойдемте, Рут, лягте здесь, нам предстоит большая прогулка.

– Волки не боятся снега. Волки любят ледяной холод и небо с тенями... – пробормотала старая дама, пока ее укладывали на сиденье.

– Волки боятся огня, – заметил вскользь Марвин, откачивая содержимое бака в старую заржавленную канистру, – да в этих горах и волков-то нет. Ладно, все. Думаю, уже можно идти.

³⁰ Гномы из сказки «Белоснежка и семь гномов».

– Ну, трогай! – крикнул Герби, волоча за собой раскачивающееся сиденье.

Саманта, навьюченная как верблюд, шла рядом с ним, а за ними двигались Джем и Лори. Марвин, с мешком за спиной, замыкал процессию, сжимая правой рукой рукоятку оружия, а левой – импровизированный факел, который можно было поджечь в любую минуту.

Температура явно упала, вокруг них закружились снежные хлопья, которые становились все гуще. «Нам повезло, что Уилкокс возил с собой в багажнике весь этот хлам», – подумал Лори. Он радовался, что надел ветровку поверх своих шмоток. А Джем не жаловался, что теплые сапоги ему маловаты. Вторую пару отдали Саманте. Стойкой Саманте. Это как раз тот тип классной женщины, на которой Лори собирался жениться через несколько лет, когда окончит Гарвард. Конечно, если эти чудовища, эти исчадия ада дадут ему время.

Аньелло осторожно вошел в поворот. Довольная улыбка играла на его похудевшем лице. Следы резины на шоссе говорили о том, что здесь недавно прошел на большой скорости автомобиль. Широкие следы больших колес. Он нажал на газ, и «плимут» рванулся вперед, ворча не хуже, чем его хозяин. Карта, разложенная на соседнем сиденье, четко указывала дорогу. Они явно направлялись к своей базе. Они постараются срезать путь через горы, потому что рассчитывают, что их никто не заметит. Но он-то, Аньелло, совсем не

дурак, он будет идти по их следу, как хорошая охотничья собака по запаху. Он положил руку на рукоятку своего автоматического пистолета и любовно ее сжал. Это лучший друг мужчины, как сказал бы Dirty Harry³¹.

– Смотри, папочка, снег пошел... – сказал Язон, пытаюсь поймать хлопья своими синюшными гноящимися пальчиками. – Мы сделаем снежную бабу?

– Некогда.

– Пожалуйста, папочка!

– Мы ведь торопимся, маленький ты мой дурашка!

– Нужно догнать еду, ты это понимаешь? – сказала Бренда, встряхивая брата за воротник и разбрасывая во все стороны личинок мясных мух.

– Мне надоело идти, я устал и хочу полежать. И мне тяжело это нести! – добавил Язон, встряхивая мешочек, где лежала кисть его руки.

Он начал хныкать, большие капли темного гноя вытекали из его разлагающегося носа.

– Давай мне, – сказал Аллан, беря у него мешочек.

Он посмотрел на эту ручку, беленькую и розовую, плавающую в прозрачной жидкости, потом раскрыл герметический запор и взял двумя пальцами ампутированную кисть.

– Она тебе больше не понадобится, сынишка.

– Это моя ручка, она моя!

³¹ Инспектор Гарри, герой американского сериала, с Клинтом Иствудом в главной роли. (Прим. автора.)

– Мы найдем тебе другую, гораздо лучше.

– С клешнями, как у омара! – насмешливо добавила Бренда.

– Как у омара? И я смогу ею отрезать?

– Что отрезать?

– Головы у людей, как Королева в «Алисе»?

– Если захочешь, – согласился его отец.

– Ух! Просто супер!

Аллан улыбнулся Язону. Какой же он славный! Потом он вцепился острыми клыками в отрезанную ручку своего сына и оторвал кусок плоти. Совсем неплохо, докторишки отлично справились со своей работенкой! Еще кусочек на дорожку...

– Пап, я тоже хочу, я тоже! – завизжала Бренда.

– И я! – захныкал Язон. – Это нечестно! Это моя ручка! Я хочу укусить!

– Ну же, маленькие паршивцы! По очереди! Эй! Полегче, я сказал, полегче! – запротестовал Аллан, в то время как дети, рыча по-звериному, жадно рвали на части кисть. На них взирала удивленная рыжая белка, которая сочла за благо побыстрее убраться в свои владения.

Вот! Аньелло поставил машину возле остова «универсала». Широкая улыбка играла на его губах. Они у него в руках! Не обращая внимания на холод и кружащийся снег, он вышел из машины и включил сильный фонарик, чтобы получше рассмотреть место. Они просто до винтика разобрали

тачку, даже в Бронксе не сделали бы лучше. Их следы ясно выделялись на тонком слое снега. Но вся беда в том, что если снег будет продолжать идти, то он скроет все следы. Нельзя терять времени, необходимо тотчас броситься в погоню. К счастью, охотничьи принадлежности всегда лежат у него в багажнике.

Он вернулся к «плимуту» и быстро сменил свой костюм из полиэстера на шерстяной джемпер, жилет военного образца со множеством карманов, подбитую мехом куртку, высокие резиновые болотные сапоги и фуражку с наушниками. Теперь необходимое снаряжение: инфракрасный бинокль, патронташ, обойма, охотничий нож, финский нож, компас, карта, нарезной ствол, сладкие батончики, и не забыть еще полицейскую бляху на случай, если встретится егерь парка. Но при таком снегопаде мало вероятности, что они совершают обходы. Прогулочный сезон окончился, и посетителей теперь, наверное, мало. Он взял радиотелефон и вызвал свое подразделение, чтобы сообщить, что преследует подозреваемых; но сразу повесил трубку, когда дежурный стал настаивать, что он должен соединить его с начальником.

А теперь – самое главное. Он приподнял коврик, покрывавший дно багажника, быстро отвинтил квадратную пластину и вытащил своих лучших друзей: Мистера Неопределенный Автомат, близнецов Отто и Матик и любимых малышей – это были сестрички Гранаты. Они укрывались в ящичке, обитом свинцом. Его дорогие гранаточки! После армии

он ни разу ими не воспользовался. Но теперь, может быть, наконец-то представится случай употребить их в дело. Он заботливо разложил гранаты по специальным карманам жилета, испытывая восхитительное чувство, что теперь и сам он стал опасной личностью.

Аллан, с трепещущими ноздрями, замер под прикрытием елей. Мясо. Совсем близко. Запах мяса, смешанный с запахом резины и бензина. Он показал детям, чтобы они молчали, и все трое, улыбаясь, стали наблюдать из-за деревьев за Аньелло.

С неприятным чувством, что за ним наблюдают, Аньелло поднял голову. Кружащиеся вихрем хлопья снега ограничивали видимость. Он принялся и сдержал гримасу отвращения. В холодном воздухе расплывался запах падали. Может быть, труп лани? Или за ним наблюдает умирающая лань? Он схватил ружье и осмотрел окрестности через его прицел. Вон там, за деревьями. Какой-то силуэт. Нет, несколько силуэтов. Один большой и два маленьких. С порывом ветра вонь стала еще сильнее. Она шла от них. Охотники?

– А ну-ка, выходите! Вы, там, за деревьями, вы меня слышите? Полиция, приказываю выйти!

Веселое щебетание. Потом один из маленьких силуэтов отделился от деревьев и заковылял к нему.

– Страсвуй, мистер. Ты поиграешь со мной?

Аньелло заморгал глазами. Хорошо ли он расслышал?

Точно ли он видит посиневшего от холода мальчугана, без перчаток и без шапочки, шагающего к нему по снегу?

– Ты что здесь делаешь? Где твои родители?

– Мой папочка, он умер, а мамочка, ее на небо унесли ангелочки, – ответил ребенок, вежливо улыбаясь.

Боже мой, этот малыш накачан ЛСД! Наверняка жертва банды извращенцев. Он слышал разговоры о секте сторонников натурализма, живущей в пещерах...

– Подойди, малыш, я ничего тебе не сделаю, подойди... – произнес Аньелло самым ласковым тоном, опуская автомат.

– А тебе хотелось бы вставить мне в зад, а? – произнес мальчуган, растягивая посиневшие растрескавшиеся губы, и вдруг оттуда появилось какое-то черное насекомое, – *черный таракан?* – которое пролезло через его гнилые зубы и соскользнуло на шею.

В какой же грязи живет этот ребенок! И эти похабные слова! Куда идет Америка? Куда катится весь мир?! – Эй, старая сволочь! Тебе хотелось бы меня поиметь, как ту маленькую китаёзу там, в гараже... – продолжал малыш, делая непристойные движения бедрами.

Аньелло почувствовал, что, несмотря на ледяной холод, он покрывается потом. Смутное и темное воспоминание о каком-то силуэте, прижатом к стене гаража, о неясной ухмыляющейся фигуре, прижимающейся бедрами к его голубым форменным брюкам, пронзило его как пуля и заставило согнуться вдвое. Как сопляк мог узнать об этом? Или девчонка

все разболтала?! Порочная девка, которая торговала крэком и занималась проституцией, она почти вынудила Аньелло *сделать это* в обмен на свое освобождение... Пот заливал ему глаза. Отрицать. Надо все отрицать.

Он открыл и снова закрыл рот. Теперь ребенок был совсем рядом, он мог разглядеть его черты. Но в отличие от убитой учительницы Хилари, Аньелло, едва увидев его лицо, в ту же секунду понял, что это вовсе не ребенок.

Это был один из них, один из этих серых человечков, один из мутантов, прикидывающийся американским мальчуганом. Отвратительный пришелец с плоским черепом, какой-то гигантский таракан, покрытый силиконовой кожей, с кислотным выпотом на местах соединений... Он поднял ствол и выстрелил наугад. Пуля разворотила худенькую грудную клетку Язона, откуда брызнул фонтан из черных тараканов и гноя. Он был прав, это один из тех, это несомненно!

– Вонючий говнюк пришелец, – заорал он. – Сдохни, сволочь, сдохни!

Он выстрелил снова и начисто отсек так называемую ногу маленького чудовища. Язон упал и заплакал, держа ногу в руках.

– Этот гадкий педофил сделал тебе бобо, мой маленький?

Аньелло рывком обернулся. Он забыл о своих тылах. На него взирало некое подобие человека с недоделанным лицом, измазанным землею и кровью. Плохая подделка под человека, в пластиковой коже которого виднелись изрядные

разрывы, где копошились маленькие черные лапки. Аньелло хотел нажать на спусковой крючок, но острая боль помешала закончить движение. Он посмотрел вниз и увидел маленькую светловолосую девочку, вцепившуюся зубами в его указательный палец. Мраморная кожа, дырка в черепе, глаза рептилии – она так мало походила на человека, что в нем поднялась волна ярости от одной только мысли, что эти существа не утруждают себя хотя бы быть похожими на людей.

– Отпусти! – прорычал он.

Она улыбнулась ему с полным ртом, сжала зубы и потянула назад. И Аньелло с удивлением увидел, что указательный палец отделился от его руки с легким чмоканьем откупориваемой бутылки. Снег тотчас окрасился хлынувшей кровью. Его кровью. Гнусный пришелец, прикидывающийся девочкой, с видимым удовольствием жевал его палец. Он мгновенно переложил автомат в левую руку, а правой изувеченной рукой, невзирая на боль, выхватил гранату.

– О'кей, космическое говно, хотите повеселиться – сейчас получите!

– Давай! – ответила девчушка, проглатывая последний кусочек фаланги пальца. – Мы любим пошутить. Хочешь засунуть мне это, дедуля?

Она схватила ствол автомата, со смехом направила его себе в промежность и, корчась и пронзительно вскрикивая, засунула его в свое гниющее тело пришельца, в то время как Аньелло выпускал пулю за пулей. И вдруг все смолкло: ма-

газин опустел, промежность девочки превратилась зияющую дыру, через которую виднелись ветви деревьев. Он сглотнул. Неужели их нельзя уничтожить?

– Мне не нравится, когда нападают на мою дочь, – произнес мужчина, качая головой, выплевывая шипящих жирных черных тараканов.

Аньелло крепче сжал гранату. Бог не допустит, чтобы нельзя было уничтожить вонючих пришельцев. Бог создал Америку, чтобы она правила миром, а его, Аньелло, – чтобы помочь Богу не ошибиться. Поэтому он сможет разнести в клочья этих гигантских тараканов. Отправить их в доматериальное небытие.

Положив средний палец на щеку, он поднял руку, дернул и приготовился метнуть гранату, как будто был на учениях.

Аллан смотрел, как суетится маленький смешной человечек, и спрашивал себя, не совершает ли он ошибки. Может быть, этого типа поставили у них на пути, чтобы подольше задержать. Аньелло поднял руку, и граната отскочила от его ладони, а затем упала на машину. Какую-то долю секунды все смотрели, как граната крутится и падает под мотор, потом раздалось оглушительное «бу-у-у-м», и машина вспыхнула. Аллан и дети поспешно отступили, и Аньелло, инстинктивно поняв, что они боятся огня, устремился по другую сторону пылающей машины. Бренда от ярости не могла устоять на месте. Аллан наблюдал за добычей с чувством, что они теряют драгоценное время. В его голове зву-

чал голос, он распространялся по разъединенным нервным клеткам, как крик в лабиринте пустых галерей: «Догоняй их. Сожри их. Подчиняйся. Немедленно». Он взял детей за руки.

– Плюнем на него.

– Но мы ведь его еще не съели! А мы хотим кушать!

– Съедем попозже. Пошли! Немедленно!

– Да-а, а Бренда-то съела палец! Это нечестно!

– Хватит! Пошевеливайтесь!

Под растерянным взглядом Аньелло все трое неожиданно метнулись прочь, выдав тем самым свою звериную природу.

Красноватый отблеск, вспыхнувший внизу слева, неожиданно озарил мрачное угрожающее небо. Марвин резко остановился:

– Что-то горит, похоже...

– Охотники развели костер? – предположил Джем.

Марвин покачал головой и начал рассуждать:

– Охота здесь запрещена. Может быть, туристы. Но не думаю. Мы там недавно проходили. Это *они* нас преследуют.

Герби пожал плечами:

– Но огонь-то развели уж точно не *они*.

Вновь наступила тишина. А вместе с ней резко возросла и боль в сильно кровоточащей руке Аньелло. Чтобы остановить кровотечение, он сунул руку в снег. Почувствовал, что начинается страшная мигрень, вызывающая позывы рвоты. После спазма появилось немного зеленоватой желчи. Его

таблетки от повышенной кислотности при гастрите... Тяжело поднявшись на дрожащих ногах, он вытащил коробочку с таблетками из одного из карманов охотничьего жилета, попутно погладив свои любимые гранаты. Он будет их преследовать, найдет их скопище и всех уничтожит. Он раздраженно закрывал коробочку, когда вдруг у него за спиной прозвучал голос:

– Эй, подождите меня, моя ягодка!

Дрожь отвращения судорогой свела ему внутренности. Этот липучий голос...

Он обернулся.

– Мы едва не разминулись, вот было бы глупо.

Извращенец! Извращенец в желто-канареечном лыжном костюме, на бирюзовых лыжах, плешивая голова прикрыта шерстяной шапочкой цвета розовой фуксии.

– Но как...

– У Бадди Ричи Коула полно шуточек, лейтенант! Меня нельзя отбросить, как ненужный использованный презерватив.

Аньелло перекрестился левой рукой, прижимая к груди правую. Бадди ласково погрозил ему пальцем.

– Когда вы подло покинули меня, я пошел и взял напрокат ULM³².

– Что?

– Это такая штучка, которая летает; у нее есть крылья и

³² Ultra leger motorise (фр.) – сверхлегкий самолет.

мотор, и она делает «дзз, дзз», как стрекоза; очень приятная в управлении.

– Мне плевать.

– Вы правы, это очень помогает.

– Заткнись!

– Ну и характер! Так вот, я следил за вами оттуда, сверху, как Боженька за своей заблудшей овечкой... А потом пошел снег, ну тогда я приземлился на склоне холма, надел лыжи, которые мне хватило ума купить, и вот я здесь. Но похоже, они и вас не упустили?

С гримасой отвращения Бадди указал на его изувеченную руку.

– Какая-то тварь, принявшая образ девчушки. Она оторвала мне палец.

– Это наша очаровательная малютка Бренда! А вы еще не познакомились со сто вторым далматином... Дайте-ка посмотреть...

– Не прикасайтесь ко мне!

– Плохо дело... Мне кажется, может наступить заражение. Необходимы срочные меры.

– Какие?

– Следуя учебнику по выживанию для сухопутных войск, лучшим антисептическим средством все еще остается моча.

– Военный учебник по выживанию? – выдавил из себя Аньелло, отступая на шаг назад. – Вы хотите заставить меня поверить, что были призваны под знамена?

– Я даже сделал из них себе платье. Я шучу, – поспешил он прибавить, видя, что Аньелло нахмурился. – Эвакуация из Сайгона с военно-воздушными силами, – еще раз уточнил он.

– Но это еще не основание, чтобы я позволил вам мочиться мне на руку!

– Мне хотелось помешать вам, лейтенант, писать на самого себя.

Вконец измученная, Саманта замедлила шаг. Короткая военная подготовка, которую она прошла в начале своей карьеры, была давно забыта. Она больше привыкла к стрелковым стендам, к архивным залам, к перенаселенным городам, чем к пересеченной местности на природе. Ветер свистел в ветвях. Они едва передвигались. Всем осточертело месить сухой снег, который с каждым часом становился все толще. Она непрестанно оглядывалась через плечо. Ей неоднократно казалось, что слышится вой волков, но это было невероятно, в этих горах волков не было. Только несколько медведей. «Не бросайте пищу», – рекомендовали расставленные повсюду щиты. «Но ведь пища – это мы!» – внутренне усмехнулась она. Гамбургеры для Версуса и его дружков. Подаются тепленькими и кровавыми. А может быть, мир Мрака – это всего лишь другое время-пространство, населенное каннибалами. Другая эволюция, отличная от эволюции человечества. Почему бы и нет? Да ведь и она сама охотно сожрала бы живьем этого дурака Аньелло, который вынудил их уйти

в подполье. Да еще без прикрытия со стороны бюро.

К ней подошел Марвин. У него был утомленный вид, и он машинально потирал желудок.

– Язва? – спросила Саманта, скользнув взглядом по темной кромке деревьев.

– Пока еще нет, но скоро будет. Где мы?

Она развернула карту и разложила ее на серой скале. Ей трудно было сосредоточиться. Ощущение, что тебя окружают, выслеживают, преследуют по пятам. Подошли Джем и Лори, а потом и Герби, который тащил Рут. С утомленными, подавленными лицами. Закоченевшие. Отросшие усы и борода Герби покрыты белыми хлопьями. У Рут восковое лицо, она дышала с трудом. Пальцем в перчатке Саманта провела извилистую линию по пунктиру, намеченному на измятой карте.

– Здесь... Мы, должно быть, уже здесь. Недалеко от горы Чарльстон. Нам нужно добраться до лыжной станции. Там мы растворимся среди людей.

– Если нам позволят туда добраться, – проворчал Герби, притопывая ногами. – Они нас преследуют, я это чувствую. А мы несемся, как испуганные лани.

– Что конструктивного ты предлагаешь, дорогой?

– Дождаться их. И устроить западню.

– Что-нибудь вроде большой ямы, утыканной острыми кольями? – предположил Джем, расплываясь в улыбке.

– Хотя бы. Или зажечь полосу огня.

– Огонь не долго будет гореть при этом сволочном... чертовом снеге, который никогда не перестанет падать, – проворчал Марвин.

– Так и надо воспользоваться снегом. Как в дзюдо: использовать силу противника.

Все посмотрели на Лори, глаза которого сияли.

– Мы выкопаем большую яму в снегу и залезем туда! Они нас не учуют. И заблудятся. Нет следов, вообще ничего нет.

– Кто тебе сказал, что они не найдут нас при помощи какого-нибудь внутреннего сонара?

– Они ведут себя как звери. Они бегут, принохиваются, едят... Это мертвые звери, но звери. И нам ничто не мешает окружить себя кольями на тот случай, если... кольями, покрытыми тканью с бензином...

– Деревенская герилья³³, – поддержал Марвин.

Саманта погладила подбородок. Возможно, Лори прав.

Но есть ли у них время устроить убежище-западню?

Герби указал на снежный холмик у подножия огромной лиственницы.

– Здесь. Ну, начинаем.

«Очевидно, решение уже принято», – сказала себе Саманта, следуя общему порыву. Они начали копать, Герби лопатой для снега, остальные – руками или обломками дерева. Джем заострял ножом ветки. Рут смотрела на них с улыбкой, такой же близкой и такой же отрешенной, как улыбка Джо-

³³ Партизанская война (гит.).

конды.

Они копали молча, едва переводя дух. Их дыхание вырывалось маленькими облачками пара.

Лори казалось, что они актеры какого-то вестерна. Последние приготовления перед нападением индейцев.

Только снег был по-настоящему холодным. И нападающие на самом деле собирались снять с них скальп. Одними зубами. Он взглянул на Джема, работавшего со скоростью землеройной машины.

Джем обернулся и поднял большой палец, выражая чувство уверенности, которого на самом деле не испытывал. Странная вещь этот снег. Он не часто его видел. Ему казалось, что он пробирается через стаю бабочек, нежных, но совершенно холодных. «Последний полет однодневок», – подумал он.

– И верно, мне пора бы бросить курить, – проворчал Герби, вытирая лоб.

– Еще не поздно, – вставила Сэм, похлопав его по плечу.

– Я слишком стар, чтобы изменять вредным привычкам, это может меня убить! – возразил Герби, зарывшись по пояс в снег. – Ладно, я думаю, хватит. Ну а теперь колья.

Они воткнули с десятков заостренных обрубков и набросали на них смоченную бензином набивку из сиденья. Потом выложили края ямы ветками и уложили Рут внутри, за кольями. Лори и Саманта скорчились рядом с ней. Джем попытался дойти до груды скалистых обломков, пятась, вернул-

ся к яме и тоже туда забрался, пока Марвин и Герби кидали большие охапки снега, чтобы заполнить выкопанное.

– Вы слышали?!

Герби застыл неподвижно

– Что?

– Волки. Они приближаются.

– Волки?

– Волки или кто угодно, кто может громко выть на бегу.

Они бегут к нам. Они приближаются, Марвин! Нужно пошевеливаться!

Удвоив усилия, ничего не видя от пота, заливавшего глаза, с горящими ладонями, они закончили уплотнять снег, и Марвин пролез в импровизированную иглу³⁴, пока Герби заметал их следы веткой. Потом он тоже пролез между кольями и положил поверх них ветку. Внутри царила полная тишина. Снег заглушал звуки, и свист ветра почти не был слышен. Они находились в коконе из ледяной ваты.

Аньелло неловко расстегнул ширинку. Руку ужасно дергало, а рана чернела и вздувалась прямо на глазах. Эти выродки, должно быть, его заразили, армейский учебник наверняка прав, надо было применить антидот. Отличная американская моча способна уничтожить любую внеземную ДНК.

– Не может быть и речи, чтобы я взял с собой гражданское лицо, – проворчал он, поворачиваясь к Бадди, который что-то насвистывал.

³⁴ Снежная хижина у северных народов.

– Это не вы берете меня с собой, а я вас.

– Это как еще?

– Вы хотите их догнать, ведь так? А как вы собираетесь это сделать? При помощи ваших семимильных сапог? Вот что мы сделаем, ягодка моя, – самоуверенно продолжал Бадди. – Вы встанете позади меня – без задних мыслей, конечно, – поставите свою хорошенькую обувочку на лыжи, своей прекрасной мускулистой левой ручкой обнимете меня за талию, и мы двинемся...

– Никогда...

– Отлично, тогда – чао, добренького денечка вашей куляшечке, и желаю удачи!

– Минуточку! Я реквизирую эти лыжи! – закричал Аньелло, размахивая своей бляхой.

– Обязательно, а заодно и мое достоинство, это ведь антистрессовое оружие... – огрызнулся Бадди, дую на свои рукавицы с видом отчаяния.

Этот прислужник устоявшегося империализма заставляет его терять уйму времени. Пусть остается здесь и сдохнет от холода...

Из чувства противоречия Аньелло готов был оторвать и второй палец. Он никогда не стоял на лыжах. Он загнан в угол. Почти враждебно взглянув на Бадди своими маленькими серыми глазками, он осторожно встал позади него.

– Тронулись! – закричал Бадди, сильно отталкиваясь палками.

Они заскользили, все быстрее и быстрее, взрывая свежий снег. Аньелло вцепился здоровой рукой в анорак Бадди, умело управлявшегося с лыжами.

– А мне, папочка, можно взять маленького негра?

– О'кей, дорогая.

– А мне рыжую миссис?

– Нет, рыжая миссис – это для папочки, – ответил Аллан, приходя в возбуждение. – Если хочешь, возьми другого парнишку.

Язон надулся, продолжая бежать на покалеченных конечностях. Они выскочили на лужайку, и Аллан остановился. Следы обрывались перед серыми обломками скал.

– Они влезли на скалу? – спросила Бренда, стряхивая хлопья снега, от которых задубело ее красивое розовое платье.

– Не знаю. Папочка думает. Отвяньте.

Ну вот. Вечно одно и то же. Вечно надо молчать. Вечно папочка занудствует, как тогда, когда они поехали в воскресенье по автостраде на прогулку, да еще пришлось слушать по радио старую дребедень из тех времен, когда у папочки-еще-были-волосы-и-он-участвовал-в-фестивалях-Вудстока³⁵.

Аллан чувствовал, что его мускулы нервно вздрагивают. «Черные тараканы, – подумал он, – должно быть, это черные тараканы ползают по нервам, как по струнам пианино». Мо-

³⁵ Первый фестиваль рок-музыки состоялся 15 – 17 августа 1969 г. на ферме недалеко от г. Бетел, США.

жет быть, ему холодно? Вероятно, да, потому что идет снег, а на нем только больничная пижама да плащ. А дети? Ведь они могут получить бронхит? И тогда Синди задаст ему головомойку. Да нет, Синди умерла. А ведь он тоже умер. Значит, она тоже может появиться и будет вновь надоедать ему. Хотя, если ее кремировали... А верно, почему он считает, что умер? Он стоит. Размышляет. А мертвые не размышляют. О'кей, Аллан, но ведь внутри живых нет черных тараканов. Сильная боль пронзила виски, прервав его размышления, и он со стоном упал на колени, чувствуя, как две гигантские руки сжимают ему череп. Потом это ощущение исчезло. Он с трудом поднялся. Послание принято. Что бы ни случилось, ему не дозволено размышлять.

– Ну так что же мы будем делать? – кричала Бренда, бегая кругами.

– Пойдем дальше. Кто первый их найдет – тот выиграл!

Дети захихикали и бросились на приступ гигантского нагромождения скалистых обломков, перебираясь с камня на камень, как огромные прыгающие пауки. Аллан следил за ними с озабоченным видом. Что-то не так. Но ему так больно, когда он рассуждает. Он отметил мимоходом, что и сам передвигается прыжками, а его руки и ноги, как присоски, прилипают к почти вертикальным стенкам. Все так просто, когда ты мертв. Если бы только не было этого постоянного чувства голода... Это нечто большее, чем голод. Это как бездонная дыра в твоём животе, дыра, готовая пожрать тебя са-

мого, если ее не заполнить.

– Больше ничего не слышно, – тихо заметил Джем.

– Подождем еще немного, все может быть.

– Ш-ш-ш!

Далекие, едва слышные голоса.

– ... проклятье! ... черт, осторожней!

– ... пропустил поворот...

– ... следы... забрался?

– ... найдет на другой стороне... пошли!

Снег шевелится над их головами, и снова тишина.

– Они ушли, – выдохнул Лори.

– Сейчас проверю.

Герби, прикрываясь листьями, осторожно высунул голову из ямы. Никого. Через пять минут они вылезли на поверхность и вновь отправились в путь, спускаясь в другую долину.

Герман Гонориус внезапно проснулся, услышав звон колокольчика. Он забылся всего на несколько минут. На пороге, против света, стояли клиенты. Мужчина с двумя детишками. Ну, ясно, ему нужны лыжные костюмы для малышей. «Людей приезжает все больше, сезон обещает быть удачным», – подумал Гонориус, разыскивая очки. Как всегда, их нет на месте! Боже мой, куда же он мог их положить? Его сын говорит, что он уже плохо соображает, что слишком стар, чтобы держать магазин. Но вся его жизнь прошла в этом магазине при въезде на станцию. Одна только мысль, что он больше сюда не придет и не устроится между старой печуркой и автоматической кассой, вызывала у него чувство, что он проваливается в черную ледяную дыру.

– Что вам угодно? – спросил Гонориус, который без очков различал лишь расплывчатые смутные тени.

– Дети хотят есть, – сказал мужчина.

– К сожалению, я не держу ресторана. Я продаю одежду, дорогой мой мистер. А закусочная рядом, в двадцати метрах отсюда. Они прекрасно готовят бифштексы.

– Бифштексы? Ну как, дети?

– Да-да! Большие бифштексы!

Мужчина облокотился на прилавок. Гонориус попытался присмотреться, но разглядел только туманные контуры худо-

го лица. Он почувствовал, как что-то коснулось его руки. Да, по деревянному прилавку что-то бегало, какие-то многочисленные черные штучки... мухи? Очень крупные мухи? Он провел рукой и скинул эти черные штучки. Гонориус с огорчением глубоко вздохнул. Мухи! Что подумают клиенты? А теперь еще эта вонь! Должно быть, проклятый унитаз вновь засорился, а его сын скажет, что это его вина, что это все из-за газетной бумаги, но Гонориус считал глупостью покупать туалетную бумагу, если газеты все равно надо выкидывать. Он вновь обратился к клиентам:

– Может быть, вам нужны шерстяные шапочки?

– Нет, спасибо. Мы хотим есть.

– Я уже сказал, что вам нужно идти в «Альдо». Это на углу.

– У нас очень строгая диета, – объяснил мужчина своим странным прерывистым голосом.

– А-а. Вы вегетарианцы?

– Не совсем, – ухмыльнулся мужчина. – Вернее, я сказал бы, что мы настоящие мясоеды. И мы никогда не едим никакой мертвечины.

Никогда никакой мертвечины? Этот тип живьем лопает быков? Должно быть, Гонориус плохо понял. Он чувствовал себя усталым. Его потревожили во время отдыха. Он сделал неопределенный прощальный жест. Мужчина схватил его за руку.

– Рад был повидать вас, – сказал Гонориус, помахивая ру-

кой.

– Радость будет для нас, – ответил мужчина, резко дернув его за запястье, и вдруг – Гонориус даже не понял, как это произошло, – рука отделилась от плеча.

Да, в руках посетителя была его собственная рука, из которой обильно текла кровь. Мужчина бросил руку детям, которые издавали странные звуки. Гонориус поднес левую руку к правому плечу и коснулся влажной раны. Должно быть, он спит. Но вот пришла боль, вгрызаясь в его плоть, как раскаленная кочерга. Гонориус согнулся вдвое, подступила рвота, и его вывернуло наизнанку.

– Неплохо, – сказал мужчина.

Он схватил Гонориуса за уши и стал поворачивать его голову справа налево. Справа Гонориус увидел анораки, только что доставленные в магазин. Слева – новые комбинезоны, еще не вынутые из коробок. Анораки, комбинезоны... Мужчина удвоил усилия и резким движением повернул голову Гонориуса на сто восемьдесят градусов. Шея хрустнула, словно корочка льда под ногами, и в последний миг Гонориус успел подумать о своем сыне, который будет очень недоволен.

Легко, словно речь шла о крышечке пивной бутылки, Аллан оторвал голову старика и положил ее на автоматическую кассу. Потом он наклонился к кровоточащей шее и начал питаться.

Раздался звон колокольчика, и семейство Мак-Мюлленов,

с клыков которых еще стекала кровь, неподвижно замерло. Кто это явился прервать их трапезу? В дверном проеме появились два силуэта.

– Есть кто-нибудь? – раздался не очень приветливый голос.

Аллан сделал детям знак тихонько пройти в заднюю комнату. Не нужно, чтобы их видели. Необходимо соблюдать тайну, иначе *они* взбудоражат фараонов, армию, может, и самого президента, ага, как в фильме «День Независимости», они на это вполне способны... Молчаливыми тенями все трое скользнули вдоль стены и бесшумно вышли через маленькую дверь на задний дворик. По дороге Аллан прихватил коробку с одеждой. Хоть нормально одеться. Чтобы не отличаться от других. Миссия превыше всего.

– Эй! Эй! Есть кто-нибудь?

Аньелло сделал шаг внутрь магазина, похлопал руками в перчатках и тут же закусил губу: он совсем забыл о своей ране. Спустился на одну ступеньку вниз. Ему показалось, что в глубине кто-то шевелится. Чтобы привыкнуть к полутьме, он прищурился. И увидел лицо возле прилавка. Что, этому пентюху трудно ответить? Фу, мерзость, как погано воняет, этот мужлан, должно быть, не мылся со времен последней войны.

Он подошел поближе, наткнулся на большой мешок, посмотрел вниз и увидел, что только что всунул ногу *внутри* человеческого живота. Примерно на уровне печени. Две

культяшки ног валялись рядом, обутые в грубые горные сапоги. Кто-то спустил на них шерстяные носки, чтобы удобней было грызть волосатые лодыжки. Аньелло очень медленно поднял одну ногу и положил ее по другую сторону тела.

– Чего вы там ковыряетесь? – крикнул Бадди с порога, все еще не снимая лыж.

Аньелло не ответил. Он сделал еще шаг к прилавку и встретил удивленный взгляд Гонориуса. Он схватил голову за волосы, за тонкие седые волосы, и очень медленно вернулся к дверям.

– Ну, нашли что-нибудь?

– Угу. Вот это.

Аньелло поднял голову и покачал ею перед Бадди, который растерянно вращал глазами.

– Да что это за штука?!

– А по вашему мнению?

– М-м... можно подумать, что это голова старика... Я хочу сказать, *настоящая* голова старика.

– Это настоящая голова старика! – присвистнул Аньелло. – Ее у него оторвали: р-а-а-з-з!

– Вы издеваетесь?

– А разве похоже? Ваши дружки здесь уже побывали, маса миссис Коул, и вашему миленькому малышу Джереми Хокинзу захотелось ням-ням. Пойдите посмотрите на тело...

– Боже милостивый, это не Джереми! Это те, мужик с де-

тишками, семейка Мак-Мюлленов!

– Все это одна шайка! Уж поверьте мне, когда я их найду, клянусь, они пожалеют, что...

– Умерли?

– Они не мертвые. Не существует живых мертвецов.

– Самое удивительное, лейтенант, что вы сами существоете...

– Ха-ха-ха! – захохотал Аньелло и метнул голову Гонорисуса внутрь магазина. Она скатилась по деревянным ступенькам и замерла рядом с ногами.

– Они здесь, в деревне, – продолжал он. – Тело еще теплое, мы должны их перехватить. Ладно, спасибо за прогулку, но теперь каждый сам по себе. Привет.

Крупно шагая, Аньелло пошел прочь. Бадди приналег на лыжи, чтобы догнать его. *Настоящая голова*. Казалось бы, он должен был прийти в ужас, но на деле испытывал скорее удивление. Это было так удивительно, что даже не верилось. И если бы голова заговорила, он не был бы поражен сильнее.

Следуя друг за другом, они спустились по главной улице. Странное ощущение – вновь оказаться в нормальном месте. Нормальные магазинчики. Нормальные, абсолютно живые детишки. Всюду двигались нормальные люди, закутанные в парки ярких цветов, они смеялись и окликали друг друга. Совершенно нормальные молодые сноубордисты, фотографируясь, принимали красивые позы. Нормальный громкоговоритель передавал старые фольклорные мелодии. Нормаль-

ная деревня, оформленная в стиле первых поселенцев, с фигурами индейцев в праздничных одеждах, с искусственными медведями, с частоколом из необработанных бревен. Нормальный торговец нормальных хот-догов был наряжен нормальным Дэви Крокеттом³⁶. И аномальный Бадди Коул полностью вписался в этот пейзаж. Погрузившись в свои мысли, он едва не прошел мимо Аньелло, который устремился в торговый комплекс. Бадди снял лыжи, поставил их в предназначенные для этого ячейки и вошел следом за ним.

Внутри было тепло. В заведении полно народу. Аньелло размахивал своей пораненной рукой под носом молодой продавщицы в белом халате, которая вдруг побледнела и позвала седоватого мужчину с пластиковым бейджем. Бадди заказал себе кофе и смаковал его маленькими глотками. Обжигающая жидкость оказывала благотворное влияние. Седоватый мужчина с озабоченным видом увлек Аньелло в заднюю комнату. Бадди заказал еще чашку кофе и вспомнил о Сэнди. Она, должно быть, просто бесится. Послать ей открытку, что ли? Уже нет времени, Аньелло идет к дверям, и его рука забинтована должным образом. Настоящая охотничья ищейка, этот фараон. Бадди одним глотком допил кофе и пошел за ним следом.

– Ну, нет! Коул! Долго вы будете колом торчать за моей

³⁶ Бывший конгрессмен, знаменитый охотник и легендарный стрелок лесов Фронтира, романтический герой многочисленных историй, защитник форта Аламо, убитый нападавшими мексиканцами. меховая шапка со свисающим хвостом енота названа в его честь.

спиной?

– Ах, лейтенант, не говорите такого, вы заставляете меня краснеть.

– Я не намерен шутить, это понятно? Я не намерен, обочиваясь, каждый раз видеть вашу гнусную рожу, это понятно? Я не испытываю и тени симпатии к сексуальным извращенцам вроде вас, это понятно?

– Какое совпадение: я обожаю шутить, обожаю смотреть, как вы дуется, и испытываю огромную симпатию к сексуальным подавленным вроде вас...

– Я серьезно, Коул. – Аньелло отпихнул его плечом и ушел.

Бадди следил за ним, размышляя, что же теперь делать. Ему казалось, что наилучшим способом найти Джема и остальных было неотрывно следовать за этой свирепой ищейкой. Каким бы ретроградом он ни был, дело свое он знает туго. Он решил следить за ним потихоньку, не показываясь. Ведь нет ничего менее броского, чем жеманный Эррол Флинн, упакованный, как сосиска, в комбинезон канареечно-желтого цвета.

– Деревня! – закричал Джем, указывая на огромное панно, где улыбающийся медведь в шапке Санта-Клауса сообщал: «Добро пожаловать в Парадиз-Маунтин!»

Лори мрачно разглядывал медведя, решая про себя не соскочит ли тот с панно и не разорвет ли их своими когтями. Он машинально укрылся за плотной спиной шерифа.

– Наконец-то, мне все это уже осточертело, – проворчал тот, потирая спину.

Старая Рут почти ничего не весила, но он ведь тащил ее несколько часов, и это его подкосило.

– Нам надо купить теплую одежду...

От холода Марвин стучал зубами, его нос стал серым, губы запали. Герби помог Рут подняться. Опирала на него, все так же молча, она сделала несколько шагов

– Не скажешь, что вы нам очень помогаете, – вздохнул он.

– Помоги себе сам и небо... – звонко запела Рут.

– Ну, нет, пожалейте!

– Замолчи, пусть продолжает. Что вы хотели сказать, Рут? – спросила Саманта, согревая своими руками замерзшие кисти рук старой дамы.

– Не притворяйтесь душой, вы и так отлично знаете. Нам не надо было сюда приходить. Мы несем смерть всем этим несчастным... – прибавила Рут, указывая на деревню, расположенную внизу. – Мы сеем смерть повсюду, где появляемся. Мы прокляты.

– Нет, мы ведем войну, – поправил ее Герби. – Войну против пособников Мрака. Хорошие-то как раз мы, улавливаете, Рут?

– Хватит, ты ее пугаешь.

Продолжая спорить, они подошли к лыжной станции. Марвин указал на магазинчик под вывеской с буквами «Г. Г. и сын», на освещенной витрине которого красовался весь

набор экипировки лыжника. Он наклонился, чтобы войти, мимоходом подумав, что этот старый магазинчик не был предусмотрен для баскетболистов, и вдруг замер. Здесь во- няло кровью. В комнате жужжали жирные мухи. Ему в спи- ну уткнулась Саманта.

– Ты что?

– Чувствуешь?

И тут она почувствовала, что ее выворачивает наизнан- ку. Да, конечно, она чувствовала. Она так часто ощущала этот запах. В жалких мебелирашках, в очень тихих мотелях, в плохо освещенных полуподвалах. Марвин осторожно про- двигался вперед. На полу распростерлось растерзанное тело.

– Скажи Джему и Лори, чтобы оставались с Рут на улице.

– Чем вы там занимаетесь? – спросил продрогший Уил- кокс.

– Рассматриваем труп старика, – объяснил Марвин.

– Покажите... Черт подери, они его не упустили! Вы счита- ете, что это Мак-Мюллены?

– Конечно, если только это не местная игра – отрывать у стариков головы, чтобы играть в шары, – резко огрызнулся Марвин.

Уилкокс встал на колени возле тела, потрогал его еще теп- лую кожу, дотронулся до свернувшейся крови.

– Я думаю, они были здесь не более двух часов тому назад. Они принялись его пожирать, но что-то произошло, и они убрались через тот ход... посмотрите на следы...

Лужи растаявшего снега вели в заднюю комнату, дверь которой была распахнута на пустынный двор. Уилкокс вернулся к телу.

– Не двигайтесь, смотрите... Вот следы, это не ваши, они слишком маленькие, и не мои: у меня не такой рисунок на подошвах. И они еще влажные. Кто-то сюда входил. Я сказал бы, кто-то, кто носит охотничьи сапоги сорок третьего размера. Вот он-то их и испугнул.

– А почему они на него не набросились?

– Возможно, он был не один. Возможно, снаружи был народ. Они, наверное, не стремятся, чтобы их вычислили, – предположил Уилкокс.

– Значит, они могут рассуждать, – вставила Саманта. – Значит, они преследуют какую-то определенную цель.

– Ага, и эта цель – мы. Им поручено нас ликвидировать. Наверное, мы помешали какому-то божеству из другого мира... Да чего там, это самое обычное дело. Не стоит здесь оставаться, вдруг кто-нибудь вновь сюда заявится... – заключил, выпрямляясь, Уилкокс. – Возьмем все, что необходимо, чтобы пережить пургу в горах, и смоемся.

– Но мы же не можем, Герби, ограбить магазин! – запротестовала Саманта.

– Сэм, душа моя, ты что, всерьез думаешь, что милейший мистер Г. будет еще чем-то здесь заниматься? Ладно, передай-ка мне эту меховую парку.

– Он прав, – согласился Марвин Хейс.

Все это противоречило нормам морали, но сейчас успех дела был важнее.

Сэм, избегая смотреть на тело, лежащее на полу, оделась в черный костюм на мольтоновой подкладке. Марвин разыскал на свой рост только один костюм флюоресцирующего фиолетового цвета и стал похож на ассистента мистера Спока. Они позвали Джема и Лори, чтобы ребята выбрали себе одежду, но предупредили, чтобы они не смотрели на то, что лежит на полу. Мальчики набросились на костюмы сноубордистов. Джем запал на брюки, которые были ему велики на три размера, полярную шапочку и на необъятный желто-красный джемпер, а Лори выбрал костюм из ткани гортекс цвета электрик.

– Скромненько, – одобрил Герби и потербил усы.

Они заставили Рут надеть плотный анорак цвета бордо. «Это кровавый цвет», – запротестовала старая дама, но ее никто не стал слушать.

– А этикетки! Сорвите же этикетки! – крикнул Лори, когда они собирались выйти на улицу.

Разглядывая прохожих, они спускались по Мэйн-стрит. После многочасовой ходьбы в белом безмолвии гор шум, яркая толпа, звук подъемников казались неуместными и почти враждебными. Трудно было поверить, что на этой веселой лыжной станции они преследовали шайку живых мертвецов. Из хрипящего громкоговорителя на полную мощь разносилось звучание диксиленда. Вдруг Лори ухватил Джема за ру-

ку:

– Послушай, мужик, а ты умеешь кататься?

– Конечно. Дед никогда не скупился на мои шикарные каникулы на самых классных лыжных курортах... Для торговца металлоломом он был не так уж прост.

– Ну и дурак же ты, Джем. Ты ведь мог ездить по линии центра социальной помощи.

– Угу, мы однажды так ездили за грибами. А ты?

– Что – я?

– А ты как?

– Однажды мы ездили в горы с родителями. Все необходимое отец брал напрокат. Мать...

Голос Лори задрожал, и он умолк. Он вспомнил свою мать, которая не хотела выходить из машины. Опять упилаась до смерти, подумал он тогда. И ошибался только наполовину. Его воспитал говорящий и двигающийся труп. Чтобы закончить фразу, ему пришлось сделать над собой усилие:

– Мама не захотела кататься, и мы пошли с папой. Он был такой огромный, и все на него пялились, да и негров там было немного, мне даже казалось, что на этом проклятом белом снегу только мы и были видны. Ну а потом я без конца падал, и мы вернулись, – мрачно закончил Лори.

– О чем вы там, парни? – с улыбкой спросила Саманта.

– Так, ни о чем, – ответил Лори.

И это было правдой. Те времена, когда у них были семьи, давно прошли, завершились, канули в Великое Ничто.

Они решили перекусить и завернули в «Альдо».

– Готов обменять Лори на гамбургер! – закричал Джем, вдыхая запах лука, кетчупа и жареного мяса.

– А Мак-Мюллены с радостью отдали бы гамбургер, только чтобы сожрать тебя! – огрызнулся Лори.

– Ну что ты, Лори! – направляясь к свободному столику, одернула его Саманта. Она с неудовольствием ощутила себя руководительницей детского лагеря отдыха.

И подумать только, что она приехала провести несколько денечков в любви и покое с Герби... Нельзя сказать, что все эти дни они были очень близки. Она нежно пожалала Герби руку, а он бросил на нее косо́й взгляд старого бизона, который ненавидит внешние проявления чувств.

Бадди умирал с голоду. Неужели Аньелло никогда не подкрепляется? Он шел за ним через всю деревню, а теперь вот, надувшись и засунув руки в карманы, лейтенант возвращался обратно. И, о чудо! Наконец-то он остановился перед вывеской «Альдо» и толкнул дверь!

У Аньелло болел живот. Он проглотил две таблетки, запил их стаканом минеральной воды и заказал порцию пиццы «банан с майонезом». Сидя перед стойкой, спиной к залу, он мог видеть всех входящих и выходящих в зеркале, висевшем над барной стойкой. Этот подонок Коул тоже здесь, нет никакой возможности от него отделаться, приклеился как банный лист! Аньелло пренебрежительно фыркнул и принялся за обжигашую пиццу.

Бадди уселся за маленький столик в темном углу. Не заглядывая в меню, он заказал двойную порцию жареного картофеля, блины с кленовым сиропом и говяжью отбивную на косточке. И порцию джина с вермутом, и бутылочку своего любимого пива «Bud». Со вчерашнего дня он ничего не пил, а потому ощущал некоторую слабость. Вытянул вперед руку: она дрожала. С джином дело пойдет лучше. С двумя-тремя порциями джина.

Продолжая насыщаться, он рассеянно взглянул на двух татуированных бугаев, сидевших напротив него. У более толстого и бородатого была бейсболка с тремя «К»³⁷, другой носил майку цветов американского флага.

Аньелло положил еще немного майонеза на свою пиццу, одновременно отметив, что оба здоровяка насмехаются над манерами Коула. Можно подумать, что этот остолоп не может есть как все остальные, нет, ему надо корчить из себя шута...

– Педик-педик-педик...

Услышав их припев, Бадди поднял голову. А-а, это толстяк в звездной майке. Ему даже показалось, что этот боров подмигнул. Но, вероятно, это ему показалось, успокоил он себя и вернулся к своим блинам.

– Педик-педик-педик...

Опять это бормотание! Ну, ясно, этот тип обращается к нему.

³⁷ Ку-клукс-клан.

– Вы хотите меня о чем-то спросить? – любезно осведомился Бадди.

Оба толстомясых захихикали, как смущенные девственницы.

– Ты о чем-то его спросил, Билл? – жеманно промурлыкал бородач.

– Ах нет, я так боюсь подцепить СПИД! – ответил Билл тоненьким голоском.

«Все это напоминает эпизод из порнофильма „Деревенская фантазия"», – подумал Бадди, добросовестно отправляя в рот очередную порцию блинов.

– Знаешь что, Билл? Мне кажется, что ты приглянулся мисс...

Они зашлись хохотом, брызгая слюной и хлопая себя по ляжкам.

Бадди отпил немного джина и улыбнулся.

– Что случилось, девчонки? У голубков что-то не ладится? Бородатой толстухе захотелось чего-то новенького?

Бородач вскочил, опрокинув стул.

– Ты чего плетешь, потаскуха?

– Ой! Какая прелестная бейсболочка, а что значат эти буквы? Konnard Kompletement Kon?³⁸

– Педик-шлюха, ты заплатишься за свои слова...

³⁸ Во всех трех словах начальная буква «С» заменена на букву «К», что не меняет фонетического звучания первой буквы слов: Connard Completement Con (фр.) – совершенно круглый дурак.

Тот, кого звали Билл, хрустнул пальцами и тоже вскочил.
– На колени! И проси прощения!

Бадди вздернул брови, его вилка застыла в воздухе.

– На коленях? Ну, это уже будет стоить сто долларов, до-
рогуша.

Билл испустил приглушенное рычание, сжал кулаки и прыгнул вперед, но тотчас отступил, потому что вилка Бадди была опасно направлена на его правый глаз.

– А-а-а-х-х-х! Он меня а-р-р-х-х-р...

– Чертов мешок дерьма! Я убью тебя! – изрыгнул бородач, бросаясь на Бадди с ножом в руке. – Я ножом раскрою твой чертов пидорский зад, я отрежу тебе...

– Что там происходит?

Марвин встал. В глубине зала поднялся страшный шум. Громила вопил, его лицо было окровавлено, из щеки торчала вилка; огромный бородач пытался поймать мужика в желтом, который бегал между столиками, все опрокидывая на своем пути...

– Мы пойдем посмотреть! – сказал Джем и вскочил со своего места.

Они с Лори удрали. Саманта, чтобы успокоить Рут, положила ладонь на ее худое запястье.

– Это просто потасовка, ничего страшного.

– Этим займется Кетер.

– Что вы сказали?

– Кетер займется этим. Он здесь, я только что его видела.

– Кетер? Тот мужчина из казино?

– Кетер это Кетер.

Сэм не успела задать следующий вопрос, потому что крики усилились, посетители требовали возврата денег, дети плакали, раздавались звуки затрещин.

– Вызовите полицию!

– Дети, быстро под стол!

– Господи, уберите ногу из моей тарелки спагетти!

– Этот человек ранен, разойдитесь, я помощник ветеринара, разойдитесь!

– Спокойно, без паники, ситуация под контролем!

– Засранец-подойди-сюда-я-раскровавлю-тебе-твой-сво-лочной-зад-малахольного-педика!

– Ух ты! Смотрите, как она возбудилась, эта толстая метелка!

Уилкоккс тоже поднялся.

Этот голос...

Он сложил руки рупором и прокричал, перекрывая шум:

– Коул, Бадди Коул!

– Кто в нем нуждается? – откликнулся верзила в ярко-желтом, который перепрыгивал в тот момент через стол.

– Черт! Бадди, что вы там вытворяете?

– Тренируюсь к рождественскому бегу с препятствиями...

Аньелло, положив руку на рукоятку пистолета, напряженно всматривался в зеркало. Вот поднялся шериф-индеец, да они все тут собрались, вон там, в уголке, за растениями! Оба

парнишки, нудилы фэбээровцы и бабуся, взятая в заложники. О, черт подери, они ее силой удерживают! Надо просто следовать за ними, и они приведут его к своему логову... Ну, наконец-то он станет капитаном!

Бадди прошелся по чьим-то пальцам, опрокинул какого-то старика, два табурета, сервировочный стол, груды тарелок и оказался перед Уилкоксом. За ним следовали два разъяренных официанта и бородатый верзила с безумными глазами. В правой руке он держал нож, а в левой – бутылку с отбитым горлышком. Уилкокс поднял руку:

– Всем успокоиться!

– Обожаю вас, Герби, когда вы вот так выступаете, – ввернул задыхающийся Бадди, спрятавшись за его спиной.

Оба официанта заколебались, уступив место бородатому громиле, который пер вперед как бык.

– Посторонись, – выдохнул, он в сторону Уилкокса.

– Я сказал «успокоиться». Что случилось?

– А то, что я убью этого сраного дерьмового ублюдка и тебя в придачу, если ты не уберешься отсюда со своей задницей! – прорычал бородач; в уголках его губ виднелась белая пена.

Марвин положил руку ему на плечо.

– Думаю, что вы немного взволнованы, мистер.

– Проклятый нигер, не смей ко мне прикасаться! Не смей ко мне прикасаться! Или хочешь, чтобы я и тебя ухайдохал? – изрыгнул бородач; полоснув ножом, он вспорол новую

парку Марвина.

Толпа ахнула, официанты отступили на шаг. Марвин грустно рассматривал разрез. Он едва заметно развернулся, так незначительно, что казалось, он совсем не двигается, но в следующую секунду его левая подошва ударила нападающего под подбородок, отправив его на сервировочную тележку. А Уилкокс, словно он только и ждал этого сигнала, сжал свои тяжеловесные кулаки и со всей силой обрушил их на солнечное сплетение бородача. Тот издал шипящий звук, точь-в-точь похожий на звук лопнувшего надувного матраца, побагровел, и глаза его начали вылезать из орбит.

Аньелло внимательно наблюдал за сценой. Видно, он их недооценил. Динамичные, тренированные и решительные ребята. От этого охота становится еще интереснее. Конечно, следовало бы вмешаться, арестовать Джема и передать его в компетентные органы. Но теперь ставка намного выше, чем Джереми Хокинз. Здесь пахнет космическим заговором, заговором, который преследует цель установить на Земле господство космических созданий. Судьба планеты в его руках. Он покажет всему миру, на что он способен.

Во всеобщей суматохе, среди криков, ругани и ударов, которыми обменивались теперь все посетители ресторана, Уилкокс, Марвин и остальные легко скрылись, уводя с собой Коула. Аньелло соскользнул с табурета, разбил свою бутылку пива о череп какого-то типа, который спросил у него, где выход, и, крадучись вдоль стен, последовал за ними. На-

встречу, раздирая воздух воем сирен, двигались «скорая помощь» и черно-белая полицейская машина.

Аллан открыл глаза. Было темно и холодно. Он удобно лежал, голова покоилась на маленькой подушечке. Какое-то мгновение ему казалось, что он лежит на своей постели и наконец-то очнулся после этих ужасных кошмаров. Подняв руку, он наткнулся на препятствие у себя над головой. Дерево. Деревянная доска, гладкая и лакированная. И вдруг он все вспомнил. Зал крематория для прощания с усопшими, табличка «Закрывается до понедельника», маленькое приоткрытое окошечко, их безмолвное блуждание по похоронным залам, роскошные дубовые гробы с блестящими ручками, приподнятые крышки которых выставляли напоказ мягкую стеганую обивку. Язон и Бренда неподвижно застыли перед моделью «First class». «Как будто кровать Спящей Красавицы», – прошептал Язон. Бренда долго нюхала сухие цветы, а потом шагнула через борт постельки Принцессы, с наслаждением растянулась на красном бархате и скрестила на груди руки.

– Так красиво, папочка?

– Просто замечательно, милая. Ну-ка, Язон, ложись и ты, надо немного отдохнуть.

Язон выбрал черный блестящий гроб, отделанный белым атласом. Какая жалость, что папа не взял с собой фотоаппарат. Ведь он всегда брал его с собой на каникулы!

В приливе нежности Аллан залюбовался детьми. Они вы-

глядели такими красивыми среди этой пышной роскоши, такими красивыми, но такими бледными. Просто синюшными. Он поцеловал каждого в щечку, потом осторожно закрыл тяжелые, налитые свинцом крышки и растянулся и сам в непритязательном гробу из бука с простой лиловой обивкой модели «Far West»³⁹.

Он вздохнул. Сколько же времени они проспали? Аллан поднялся. В помещении царили тишина и покой. Через приоткрытое окошечко до него долетали слабые отголоски последнего шлягера группы «Оазис». Он поднял крышки гробов, где лежали дети, и посмотрел на их плотно закрытые глаза, на их маленькие тельца, которые не оживляло дыхание. Выделения из культишек Язона запачкали белый атлас. Несколько крупных черных тараканов неспешно переползали с губ Бренды на красный бархат.

Задумавшись, Аллан схватил одного из них своими исхудавшими пальцами и стал сосать, как ледышку. Маленькие лапки приятно щекотали внутреннюю стенку щек. Он дал ласковый шлепок Язону, слегка потянул Бренду за пересохшие локоны.

– Ну-ка, вставайте, лежебоки!

– Мне приснился страшный сон, – сказала Бренда, потягиваясь своими скелетоподобными ручками. – Мне снилось, что надо идти в школу, что в столовой нам подали шпинат и что я упала, и мне было больно!

³⁹ «Дальний Запад» (англ.).

– А мне приснилось, что вернулась мама и что теперь мне нельзя уже бегать на четвереньках и чтобы лицо вытягивалось в мордочку... – прибавил Язон и встал. – У-у-у-х! Я в лодке, на озере Лох-Несс поднялась буря, ух-ух-ух!

– Ой, замолчи, Язон, ты нам уже все уши прожужжал. Что мы будем сегодня делать, папочка? Мне хочется кушать.

– Сейчас что-нибудь придумаем. А пока наденьте-ка новую одежду, которую мы нашли в магазине того милого старенького ужина.

– Это некрасиво, это меня полнит!

– Бренда, без обсуждений!

Надувшись, Бренда надела поверх своего разодранного платья толстую красную парку, а голые ноги с обломанными ногтями всунула в черные сапоги. Аллан прищурился: да, так она похожа на обычную девочку. Он помог Язону застегнуть пухлую темно-синюю куртку, нахлобучил на голову бейсболку, чтобы прикрыть дыру на виске, и надел на него бархатные джинсы, подогнув под коленом одну брючину, чтобы не было видно кровавокрасной культяшки.

– Ну вот, теперь вы прекрасны, как солнце!

– А ты, папочка?

– Сейчас посмотрим; пожалуй, я надену этот серый комбинезон и черную вязаную шапочку. Да, не забудьте перчатки.

– А я, папочка, надену только одну?

– Конечно, раз у тебя только одна ручка. И чему только

вас учат в школе! Ну, двинулись.

– Папочка, как ты думаешь, здесь есть и другие?

Бренда потянула его за рукав.

– Кто – другие?

– Другие, как мы...

Аллан почесал щеку, сорвав несколько лоскутков кожи.

– Возможно. Там увидим...

Они углубились в темные коридоры крематория и дошли до двери с надписью «Холодильная камера».

Все вместе с Уилкоксом, который тащил за собой Коула, дошли до подножия лыжного спуска и затерялись в веселой предвечерней суматохе.

– Ну ладно, а теперь объясните нам, что к чему, чтобы и мы могли посмеяться... – потребовал Герби от Коула, бесцеремонно прислонив его к стволу лиственницы.

Тот пересказал все свои мытарства, начиная с того момента, когда они с Аньелло устремились в погоню. Марвин нахмурился.

– Значит, лейтенант Аньелло тоже здесь?

– Он даже был в «Альдо» и наверняка вас видел. Уверен, что он и сейчас за нами наблюдает.

По другую сторону огромного ствола Аньелло, улыбаясь, пониже надвинул козырек своей бейсболки.

– Почему же он не вмешался? Ведь этот остолоп уверен, что Джереми serial killer.

«Ах нет, маса агент Хейс, он не серийный убийца, он при-

шелец-убийца и сам приведет меня в их логово. И тогда своими армейскими сапогами „made in America" я раздавлю все это в зародыше и заодно разобью морду и тебе, маса Хейс, который думает, что все знает, а тебе вообще было бы лучше оставаться со своими братьями и собирать хлопок, как в былые времена... » – стоя за деревом, метал молнии Аньелло.

– Мне кажется, что сейчас самое важное – это не анализировать душевное состояние лейтенанта Аньелло, а найти приют на ночь, – сказала Саманта, мечтавшая о теплой ванне.

– Приют? Ты хочешь сказать, что следует построить что-то вроде иглу? – съязвил Герби.

– Я хочу сказать, что следует найти гостиницу. Почему мы должны спорить на улице? Если Аньелло решил не вмешиваться, то нет необходимости вести себя как беглецы.

– Ну а как же Мак-Мюллены... – решился напомнить Лори.

– Теперь мы сами преследуем Мак-Мюлленов.

– Да ну? Уж не знаю почему, но что-то иногда кажется наоборот... – пробормотал Джем.

– Очень смешно, парень. Саманта, как всегда, права, пойдем искать симпатичную гостиницу, – завершил спор Марвин.

«Симпатичную в каком смысле?» – подумал Джем. Симпатичную в стиле тебе-там-во-сне-перережут-глотку или симпатичную тебя-там-сожрут-на-завтрак? Самое смешное,

что он не мог даже вспомнить значение слова «симпатичная».

Салли Келлерман открыла глаза. Странное ощущение. Кажется, что на желудок что-то давит. Она провела рукой по голому животу и зацепила ногтем какой-то кончик нитки. Слегка потянула, но нитка была вроде бы прикреплена к телу. Она села, недоумевая. Длинная рана, зашитая большими стежками черной ниткой, тянулась от лобка к грудинной кости. Салли зажала рот рукой, чтобы сдержать рвущийся крик. Что такое с ней сделали? Она поступила в больницу ради пустячной операции на костной перегородке носа, а ей располосовали весь живот!

С большой предосторожностью, ожидая появления боли, она спустилась с узкой койки. Но нет, больно не было. Поддерживая низ живота руками, она обошла помещение. Белые кафельные стены, внизу желобки из нержавеющей стали, два стола, похожие на операционные, блестящие хирургические инструменты, разложенные вдоль огромной мойки...

Салли охватила дрожь, но не потому, что в комнате было холодно. Джо всегда насмехался над ней, когда она передавала ему слухи о незаконных экспериментах, которые будто бы проводились тайком в больницах. Он говорил, что ей следовало бы побольше заниматься мотелем, вместо того чтобы целыми днями читать эти идиотские газетенки. «Кто, ну скажи мне, кто еще верит в существование человека с голо-

вой теленка или что обезьяньи эмбрионы вживляют в матку добропорядочных гражданок?» – гремел он. Джо был неисправимым скептиком. И вот теперь эти дьявольские врачи похитили ее, Салли Келлерман, и провели над ней какой-то жуткий эксперимент!

Легкий шум заставил ее повернуть голову. Там, в глубине зала стояли в белом свете неоновых ламп три человека. Они разглядывали ее. Один большой и двое совсем маленьких. Она приложила руку к сердцу, заранее уверенная, что оно бешено бьется, но ничего не почувствовала, словно сердца совсем не было. Один из карликов подошел к ней, и Салли увидела его отвратительное синюшное лицо, его мраморную кожу, его безжизненный взгляд, его культяшки, которые плохо скрывала нелепая лыжная одежда. Жертвы экспериментов! Как и она! Салли направилась было к ним, но что-то в пристальном и пустом взгляде карлика ее удержало. А вдруг они работают на этих врачей? Может быть, это их слуги, как в «Острове доктора Моро»?⁴⁰ Салли отошла к створчатым дверям.

– Не бойся, Салли, – сказал мужчина. Он сделал шаг ей навстречу и протянул руку.

Боже мой, что же они сделали с его лицом? Оно словно плохой коллаж! И этот тошнотворный запах! Нет, нет! Салли Келлерман толкнула дверь и побежала по длинным пустынным коридорам.

⁴⁰ Роман Г. Уэлса.

– Погоди, Салли! – закричал мужчина.

– Мы ее поймаем, папочка? – спросил Язон, который никогда прежде не видел голой женщины, да еще с такими большими грудями.

– Нет. Эта идиотка выскочит голой на улицу. А я не хочу, чтобы нас видели.

– Я хочу кушать, папочка, а здесь только мертвечина, – зашныкала Бренда, которой было наплевать на Салли Келлерман и ее прелести.

– Угу, я знаю. Ладно, идемте, что-нибудь раздобудем...

Почему все-таки Салли испугалась? Аллан притронулся к ней кончиками пальцев, провел губами по ее губам, впустив в рот Салли жирного таракана, и тогда она вдруг проснулась как от толчка, хватая, как утопленница, ртом воздух. Он отвел детей в сторону, потому что не хотел ее пугать... И вот она... смотрела на них как на чудовищ и вдруг убежала. Возможно, некоторые, переходя из одного состояния в другое, теряют рассудок... Надо бы проверить на других покойниках. Потребуется много испытуемых.

Салли замедлила бег. Казалось, в здании никого не было. По-прежнему голая, она оказалась в помещении, которое походило на бюро. Компьютер, папки с бумагами, телефон. Создание видимости для посетителей. Рану словно слегка щекотали. Она потерла живот, и у нее возникло ощущение, что под кожей что-то шевелится. Что это в нее засунули? Ее охватила паника при мысли о том, что, как в сериале «При-

шельцы», из ее тела может вылезти какое-нибудь отвратительное существо. Она прислонилась к холодной стене и увидела себя в зеркале, висевшем возле входной двери. Как она бледна! Ввалившиеся щеки, бескровные губы, а она ведь всегда так хорошо выглядела! И этот распухший зашитый нос. Значит, ее все-таки оперировали... Вдруг она заметила табличку, прикрепленную к большому пальцу левой ноги, и наклонилась за ней. На табличке были две строчки, написанные от руки: «Салли Келлерман – 38 лет – Анестезический шок. Уточн.». Что это могло означать?

И вновь это ощущение, что в животе что-то копошится. Впечатление такое, будто по внутренним органам бегают маленькие лапки. Она подошла к полкам, заполненным папками, расположенными в алфавитном порядке. Ж, 3... Салли взяла папку, обозначенную буквой «К». Она нашла свою историю болезни, которая была помечена: «Скончалась 12 октября 1998 г. – в 21 ч. 35 мин.». Ну, нет! Они хотят заставить поверить, что пациенты умерли, и тогда их переносят в полуподвальное помещение для своих генетических операций! Но тогда это значит, что Джо поверил, что она умерла! Надо вернуться домой, они должны предупредить полицию! Она подняла телефонную трубку и набрала свой номер. Как Джо будет счастлив! Гудки долго звучали в пустоте, наконец трубку взяли.

– Джо! – в отчаянии закричала Салли.

– Кто его спрашивает?

Голос на другом конце провода был женским, несколько грубоватым и, вполне возможно, нетрезвым.

– Я попала к Салли и Джо Келлерманам? – спросила удивленная Салли.

– Чиво вам надо от Джо? – повторил пьяный женский голос.

– Кто вы? И что вы делаете в моем доме?

Издали послышался голос Джо:

– Кто это?

– Я его жена! – закричала Салли. – Джо, это я!

– Хорошо, я ему передам!

Женщина нажала на рычаг. Салли глупо уставилась на трубку. Женщина ей не поверила. Дома у Джо женщина. Дома у Джо пьяная женщина. Пьяная женщина дома у Джо, а он считает жену мертвой. Черт побери! Неужели этот мерзавец... А ведь ее еще даже не похоронили! Салли закусила губу и увидела в зеркале, как закапала кровь, черная вязкая кровь. И, странно, она ничего не почувствовала. Эта кровь воняла: какой-то химический запах, смешанный с запахом помойки.

И в то же мгновение ключ в замке повернулся и дверь отворилась.

Салли отпрыгнула назад: вдруг это ее мучители? Она спряталась за створкой двери. В комнату вошла молодая женщина, одетая в короткое пальто с капюшоном.

У Джоанны был выходной день, но оставалось срочное до-

сье, которое нужно было закончить, а завтра она собиралась пораньше отправиться с Лео кататься на лыжах. Она сняла пальто, размотала шарф, повесила их на вешалку, принялась рыться в ящиках стола в поисках сигарет. Удовлетворенно вздохнув, она закурила сигарету, затянулась дымом, переложила пальто на спинку стула, повернулась к зеркалу и завизжала, увидев Салли, которая прижималась к стене.

Твердо решив заставить ее замолчать, Салли ринулась вперед.

У Джоанны глаза вылезли из орбит при взгляде на эту голую женщину в своем кабинете, голую женщину с зашитым животом и землистым цветом кожи. Салли Келлерман! Боже мой! Должно быть, бедняжка была жива и очнулась в проекторской!

Салли открыла рот, чтобы потребовать объяснений, но услышала, что произносит странным голосом: «Я хочу есть».

– Есть? – откликнулась Джоанна. – Конечно, я понимаю, подождите, здесь где-то было печенье...

Надо быстро предупредить врача, спасателей, еще кого-нибудь, сообщить, что, как в самом страшном кошмаре, одна из подопечных очнулась; да где же это чертово печенье для похудения, с отрубями, ах вот оно!

– Вот, держите, я позову на помощь, все будет хорошо, ни о чем не волнуйтесь.

Салли схватила и понюхала печенье. Оно пахло зерном. Пылью. Землей. Смертью. Оно пахло смертью. С интере-

сом разглядывая Джоанну, которая набирала номер телефона, она раскрошила печенью. От женщины хорошо пахло. Она состояла из свежей плоти и теплой крови. Мысль о сочных кишках, похрустывающих на зубах, заставила Салли сглотнуть слюну, хотя ей было неясно, чем это вызвано. Голод. Она хотела есть. Очень хотела. Слишком хотела, чтобы ждать дольше.

– Алло, Лео? Привет, это Джоанна, да... послушай, у меня здесь проблема... очень большая проблема... нет, я не вешаю трубку...

Она повернулась к Салли, чтобы объяснить, что всем займется Лео, но перед нею был только зловонный рот, огромный зубастый рот. Размалывая плоть, рот сомкнулся на ее лице, а Джоанна так и не поняла, что же случилось. Пока Салли жевала ее лицо, та несколько раз дернулась, но очень скоро затихла.

– Алло? Джоанна? Алло? – надрывался Лео на другом конце провода.

Салли оторвала свою окровавленную морду от остатков лица Джоанны и, прежде чем повесить трубку, прорычала: «Все в порядке... Я тебе перезвоню...» Выплюнув остаток брови, выковырнув кусок ноздри, застрявший между резцов, что-то тихонько мурлыкая, она завернулась в пальто Джоанны. Теперь она пойдет навестить Джо. А тех, кто встанет у нее на пути, она просто уничтожит. Как эту девку, подышающую на полу. Они решили, что Салли Келлерман легкая до-

быча, *они* жестоко ошиблись, и *они* за это заплатят!

Боб Диккинсон тяжело вздохнул, глядя на двух старых кляч, которых к нему привели. Лошади принадлежали Стенлею, но тот на прошлой неделе сыграл в ящик, а его дети не захотели возиться ни с фермой, ни со старыми лошадьми, которые уже не годились для пахоты. Боб взял ружье и спрятал его за спиной. Если требовалось заколоть свинью, зарезать теленка – все отправлялись к Диккинсонам. И так уже три поколения. Он подошел к мирно пофыркивающим животным.

– Чох-чих-чих, Август! Чох-чих, Люсия!

Услышав свои имена, лошади наострили уши, и более ласковая кобыла Люсия нежно ткнула в него мордой. Боб опять вздохнул. Он ненавидел такую работенку! Вдруг, заволновавшись, Август начал двигаться. Чтобы успокоить, Боб снова окликнул его по имени. Потом, не прекращая бормотать: «Пожалей, Господи, их души», он приложил ружье к плечу и быстро дважды выстрелил. Люсия услышала выстрел и почувствовала, как что-то с силой толкнуло ее в лоб между глаз. Удивившись, она повернула голову к Августу и увидела, что тот упал на колени в пыль. Она хотела сказать, чтобы он встал: они не так уж стары, просто они много работали, а теперь он должен подняться, чтобы продолжать радоваться солнцу и овсу, морозцу, свежей воде и веселым играм кроликов, он должен... Она завалилась на бок, и тонкая струйка крови потекла из ноздрей под стекленеющим взгля-

дом ее старого товарища. Боб Диккинсон сплюнул на землю и решил пойти в город и напиться. А трупами он займется позднее.

После ужина, который Герби усердно сопровождал выпивкой, его ноги слегка заплетались; они возвращались, и он поддерживал Сэм под ручку. В морозном воздухе дыхание вырывалось паром. Сэм чувствовала себя лучше. Еще до ужина она смазала V-образный ожог на щеке кремом, заживляющим ранки на коже. Даже мысль о том, чтобы носить отметину Версуса на своем теле, была ей отвратительна. Обжигавший душ снял с нее ощущение постоянной грязи и запаха пота, которые, казалось, просто прилипли к коже. Герби присоединился к ней в душе, и последовавший затем короткий перерыв на секс позволил ей впервые за эти дни расслабиться. Марвин шел впереди, поддерживая старую Рут, которая за весь вечер не проронила ни слова. Бадди Коул, поглядывая на звезды, напевал «Stellar Regions» Колтрейна. Джем и Лори тащились позади, играя в снегу, боксируя против невидимых противников. Они страшно объелись, потому что каждое блюдо заказывали по два раза. Ресторан, приютившийся у подножия горы, был оформлен в деревенском стиле: яркий огонь в камине, барбекю, печенная в золе картошка, на стенах охотничьи трофеи. Лори незаметно надел на голову шапку «Дэвид Крокетт» и очень похоже изображал насторожившегося сурка, вызывая взрывы всеобщего хохота. «Сейчас совсем как раньше, – подумал Джем, – ко-

гда мы глупо хохотали по любому поводу, когда дед жарил оладьи, а мы, неизвестно зачем, до изнеможения носились по пыльному пустырю».

Они дошли до того места, откуда была видна сверкавшая в ночи вывеска «Мотель Келлермана», и разошлись по комнатам, охваченные желанием поскорее оказаться в чистых и теплых постелях. Сэм довела Рут до ее номера, расположенного рядом с их с Герби комнатой.

– Отдыхайте, Рут, желаю вам красивых снов.

– Вы издеваетесь, моя дорогая? – ответила Рут, оживившись, как прежде. – Вы всерьез думаете, что у кого-то из нас будут красивые сны? Красивые кошмары, в лучшем случае!

– Рут! Что такое вы говорите!

– Скажите, девушка, у вас все в порядке? Я знаю, что это было бы, как говорил мой муж, благословением для близких, но, увы, нет, я еще не потеряла дара речи!

– Но, Рут... вы ведь были такой отстраненной... у вас был шок...

– Если вы думаете, что Кетеру понравится, как вы со мной обращаетесь...

– А где Кетер? Разве он здесь?

– Кетер повсюду! Всегда и в каждый момент!

– Ну вот, опять ее понесло! – выругалась Сэм сквозь зубы.

В коридоре, со стаканом в руке, появился Бадди.

– Я иду за выпивкой. Кто-нибудь чего-нибудь желает?

– Хорошую порцию пшеничной водки... – зевая на пороге

своей комнаты, откликнулся Герби.

– Коку с соломинками! – закричал Джем, снимая обувь.

Лори остановился возле Рут и Саманты.

– Что она говорит?

– Что Кетер существует всегда и везде.

– Нормально, раз это Бог.

– Спасибо за уточнение, Лори.

– Вы ревнивы? – поинтересовалась Рут, и в ее глазах загорелся хитрый огонек.

– Совершенно верно, я ревнива! Для меня тоже водку, двойную. И без льда. А вам что-нибудь нужно, Рут?

– Джин с вермутом.

– Нельзя ли потише! – заорали из-за одной из закрытых дверей. – Некоторые спать хотят!

– Соберемся у меня, – предложил Марвин шепотом.

Бадди на цыпочках направился к конторке управляющего, а все остальные вошли в номер Марвина, который безуспешно пытался дозвониться до жены.

Никого в конторке. Где же Келлерман? Бадди увидел дверь с табличкой «Вход воспрещен» и постучал.

– Угу?

Пьяный голос.

– Я хотел бы купить выпивку.

– Подождит-те...

Дверь отворилась, и появилась растрепанная молодая женщина Келлерман в расстегнутой рубашке тяжело поднял-

ся с дивана Вероятно, мужик не очень скучал... Бадди сделал заказ и пошел обратно с тяжело нагруженным подносом в руках. Когда он завернул в коридор, куда выходили комнаты, открылась входная дверь, и вошла женщина в коротком пальто с капюшоном. Волосы всклокочены, лицо покрыто красными пятнами. Она бросилась к двери с табличкой «Вход воспрещен» и забарабанила в нее кулаками. «Этот мотель – настоящий бордель», – улыбаясь, подумал Бадди.

В этой женщине было что-то странное. Но что? Ой-ой-ой, осторожнее, он едва не опрокинул поднос. Да еще эта старая идиотка, которая считает себя подружкой Бога... Нет, это просто шайка сумасшедших! Рядом с ними даже Сэнди покажется нормальной. *Голые ноги.* Келлерман немного поспешил на водку-то, придется прогуляться еще разок. *Голыми ногами по снегу?* Бадди замер перед номером Марвина и толкнул приоткрытую дверь плечом. Честное слово, можно подумать, что женщина под пальто была голой. Может быть, она выскочила из машины и бегом побежала на групповуху? Угу, вполне возможно.

Дверь с табличкой «Вход воспрещен» распахнулась, и незнакомая женщина с удивлением уставилась на Салли.

– Тибе чиво?

– Джо! – закричала Салли и оттолкнула женщину с размазанным макияжем.

– Эй, куда, нельзя! – заорала женщина.

– Что там... – начал было Джо, но тут же замер, разинув

рот и выпучив глаза. Потом он пробормотал:

– Салли? Это ты, Салли?!

– Нет, это Снегурочка. А это что еще за потаскуха?

– Хм... Ванья-то? Так, одна клиентка. Но я не понимаю, ведь ты...

– Умерла. Тебе так и сказали, да, что я умерла? Меня накачали наркотиками и заперли в полуподвале. Мне располосовали живот, надо вызвать полицию, Джо!

– Располосовали живот?

– Смотри!

Салли распахнула полы пальто, обнажив живот и длинный, плохо зашитый разрез. Джо побледнел.

– Боже мой, ты это видел, Джо? Да кто эта ненормальная? – пробормотала протрезвевшая Ванья.

– Это моя жена...

– Это его жена, идиотка! – уже не сдерживаясь, завопила Салли.

– Да ты ж сказал, что она... Что теперь мы можем встретиться здесь...

– Заткнись! – прошипел Джо, не отводя глаз от жуткого розового вздувшегося шрама.

И эти пятна на лице Салли, красные, словно кровь... Салли заорала:

– Джо, ты что, обманывал меня с этой потаскухой? Ты меня обманывал! Ты поверил, что я умерла, сукин ты сын, но как ты мог сделать со мной такое!

– Что с тобой сделать? Я ничего не делал! – запротестовал Джо. – Брысь отсюда, Ванья!

Ванья сделала шаг к двери, но Салли залепила ей затрепщину, отшвырнув ее к стене с такой силой, что череп треснул, как яичная скорлупа. У Джо перехватило дыхание, и он бессильно упал на диван. Взгляд Ваньи застыл, рот открылся.

– Боже, да ты убила ее! Ты убила ее, Салли!

– Одной идиоткой на земле меньше. Пошевеливайся, Джо, я ведь тебе сказала, что надо вызвать копов, сделать облаву на больницу...

– Но ты, Салли... только что убила человека!

Салли раздраженно вздохнула. Она подошла к телефону. Джо, скорчившись, сидел на диване, неотрывно глядя на труп Ваньи, на ее мозги, вылезшие пеной поверх головы. Он никогда не видел ничего более жуткого.

Бадди отпил глоточек. Хейс успокаивал свою жену по телефону. Индейский бизон задумался, глядя на идущий за окном снег; Саманта и Миралес, сидя на одной кровати, молча пили, а парнишки, лежа на полу, посасывали свою колу. Бадди залпом осушил стакан. Ему нужно еще. И немедленно. Он возьмет сразу бутылку, так будет проще. Да, добрую бутылочку водяры, чтобы освежить мозги.

Дверь жилища Келлерманов была приоткрыта. Бадди протянул уже руку, чтобы постучать, но вдруг замер на месте. В приоткрытую дверь он увидел правую стену комнаты. А

возле стены – расprostертую пьяную женщину. Ее широко открытые глаза смотрели в пустоту. И вся стена возле ее головы была вымазана какими-то красными и серыми плевками. Как будто это живопись, а возле – телячье легкое. Да, у папаши Келлермана совсем особый стиль шуток. Бадди был уже готов повернуть назад, чтобы предупредить остальных, но в этот момент он услышал голос женщины, находившейся в глубине комнаты.

– Да, это Салли Келлерман, совершенно верно... здравствуйте, шериф... Что? Нет, это не шутка! Я Салли Келлерман!.. Нет, я не умерла! Поэтому-то я вам и звоню!.. Знаю, что мои похороны назначены на завтра, я знаю все, что вам наговорили... Но это была хитрая уловка. Они накачали меня наркотиками, спрятали, они сделали со мною страшные вещи, я вся в шрамах... Вы должны это видеть! Умоляю, помогите мне! Я жду вас, я в нашем мотеле... О'кей, я отсюда не двинусь.

Оцепеневший Бадди услышал, что она повесила трубку. Затем послышалось:

- Шериф Фишер сейчас приедет.
- А Ванья? Что мы ему скажем про Ванью? – простонал беспомощный Джо.
- Она напилась и упала.
- Да это же смешно, Салли!
- Ладно, подвинься, я засуну твою Ванью в мусорный бак, там ей как раз и место, и нам будет спокойней.

– Но...

– Пожалуйста, замой стену, Джо, – тоном, не терпящим возражений, приказала ему Салли.

Бадди отступил в тень коридора. Волоча труп пьяной бабы, из дверей показалась та женщина в коротком пальто. Она подошла к большому контейнеру для отходов, стоявшему возле подъезда, и забросила туда тело; потом отерла снегом руки и вернулась в помещение.

Бадди бегом бросился в номер Марвина. *«Не умерла... похоронена...»* Это одна из них, эпидемия началась! Но в отличие от Мак-Мюлленов Салли Келлерман продолжает считать себя живой...

Он ворвался в комнату, слова бессвязно слетали с его губ.

Вздохнув, шериф Фишер застегнул ремень. Высокий и тощий, при любых обстоятельствах он сохранял мрачное и чопорное выражение лица, как у владельца похоронного бюро, каковым и являлся его отец. Он вызвал по радиации своего помощника, который совершал обычное патрулирование деревни.

– Ди Паскаль слушает! – прозвучал молодой жизнерадостный голос.

– Лео, подхватывай ноги в руки, нас ждут в мотеле Келлермана.

– По поводу?

– По поводу Салли, она вроде бы воскресла.

– Это розыгрыш? – неуверенно откликнулся Ди Паскаль.

– Не знаю, но обещаю, что если розыгрыш, то это им с рук не сойдет. От одной этой мысли у меня геморрой разыгрывается. Встречаемся там, через пять минут.

– Вас понял!

Лео нажал на газ, и «рендровер» рванулся вперед, несмотря на полосу обледенелого снега. Не иначе как розыгрыш. Салли Келлерман, восставшая из мертвых! А Джоанна так и не перезвонила... Он долго звонил в морг, но никто не ответил. Он крепче сжал руль, чувствуя в душе какое-то смутное беспокойство. Что же такое там случилось?

Положив руку на рукоятку своего автоматического пистолета, Марвин подошел к приоткрытой двери. Он коротко постучал.

– ... идите! – раздался расстроенный женский голос. Он вошел. Джо Келлерман, сжавшись в комочек и обхватив голову руками, сидел на диване. Бледная, как мертвец, женщина стояла у окна. На ее голое тело было накинуто синее короткое пальто. Марвин смог разглядеть длинный, небрежно зашитый шрам, который тянулся от паха до грудной кости. Посмертное вскрытие. Похоже, что это тело подверглось аутопсии. Он вздрогнул. Эта женщина была мертвой. Такой же мертвой, как бифштекс в мясной лавке. Но она смотрела на него, ее обескровленные губы растягивались в подобие улыбки.

– Что вам нужно? – произнесла она глухим голосом.

– Миссис Келлерман?

Она недоверчиво прищурилась:

– А вы кто?

Он вынул и протянул ей свой значок.

– Федеральный агент Марвин Хейс. Веду конфиденциальное расследование. Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

– Вы их выслеживаете? – вдруг оживившись, спросила женщина.

– Ну, я не имею права вам отвечать, но...

– Они меня незаконно заточили, они сказали Джо, что я умерла, они черт знает что со мной делали, вот, смотрите, смотрите!

Она широко распахнула полы пальто, обнажив редкие волоски на лобке, ввалившиеся ляжки, изуродованный живот. Смутившись, Марвин отвел глаза.

– Если вам угодно проследовать со мной... Остаться здесь небезопасно.

– Но сейчас приедет шериф Фишер, я ему уже позвонила, – возразила женщина.

– Кто вам поручится, что вы можете ему доверять? Те, кто совершает подобные... мерзости, неминуемо в контакте с видными деятелями города... – лицемерно предположил Марвин.

Женщина обязательно должна уйти с ними. Тогда у них появится подлинный экземпляр, они изучат его, постараются понять, как это происходит. А возможно, и используют

его для защиты от Мак-Мюлленов. А главное, надо помешать местному шерифу поднять тревогу. Вмешательство вооруженных сил в Джексонвилле привело к полному уничтожению всего населения. Нельзя, чтобы два года спустя все опять повторилось!

Женщина подошла к нему, и он с трудом сдержал гримасу отвращения, настолько смрадным было ее дыхание.

– А мой муж?

– Ваш муж должен остаться, миссис Келлерман, чтобы сбить их со следа. Время поджимает, я все объясню вам позднее.

– Не беспокойся обо мне, Салли, поезжай, – промямлил все еще не пришедший в себя Джо. – Привет мамаше, если с ней встретишься.

– Ты что, Джо, твоя мать померла пять лет тому назад!

– Как раз поэтому! – многозначительно ответил Джо. Салли начала возражать. Марвин положил руку на ее предплечье и почувствовал, как натянута ее холодная кожа. Он сглотнул: он впервые прикасался к одному из них.

– У нас нет времени, миссис Келлерман, – выдавил он из себя.

Женщина повернула голову и впиалась в него своими черными глазами. словно под взглядом змеи или паука-птицееда, Марвин постарался остаться неподвижным. Нельзя, чтобы она почувствовала его замешательство. Она медленно вздохнула, и тогда он увидел маленькие юркие лапки в

уголках ее губ. Казалось, женщина этого не замечала. Лапки втянулись внутрь, и Салли сделала шаг к двери.

– Ладно, идемте!

Они вышли в коридор и столкнулись с каким-то типом в форме помощника шерифа, который быстро бежал, держа в руках ружье.

– Миссис Келлерман! – икнув от удивления, воскликнул Лео и неосознанно передвинул палец на спусковой крючок.

Это немыслимо, ведь Салли Келлерман скончалась. И никак не может прогуливаться по коридорам мотеля в компании гиганта негра в лиловом лыжном костюме. Гигант уставился на Лео, потрясая своей бляхой:

– Агент Марвин Хейс, ФБР. Эта женщина находится под моей защитой.

– Чего? – пробормотал Лео, не в силах отвести от Салли взгляда.

Он уже переговорил с доктором Шерманом. Необъяснимая остановка сердца... непредвиденное осложнение после анестезии... И вот она здесь, смотрит на него, *она голая, и на ней пальто Джоанны!*

— А где Джоанна? – с бьющимся сердцем спросил он заплетающимся языком.

– Это кто? – поинтересовалась Салли, разглядывая свои иссиня-бледные руки.

– Джоанна. Секретарь в морге, вы ведь ее знаете, миссис Келлерман.

– А! Джоанна... – со странной улыбкой ответила Салли. – Так это она – Джоанна? Ничего о ней не знаю.

– Но на вас ее пальто! И оно запачкано кровью! – сухо откликнулся Лео.

Теперь и Марвин разглядел большие темные пятна, пропитавшие шерстяную ткань. Очевидно, покойная миссис Келлерман напала на несчастную Джоанну-кто-онатам. Нужно было срочно уходить.

– Послушайте, рейнджер, речь идет о деле, касающемся государственной безопасности, – уверенно заявил он. – Я увожу эту женщину.

– Ни в коем случае! Эта женщина сбежала из морга!

– Вот видите! Значит, это они меня там заперли! – ликовала Салли.

– И на ней пальто моей невесты!

– Она, наверное, размозжила ей голову, как Ванье, – вставил Джо, появившись на пороге и не обращая внимания на тараканов, которые черными гроздьями лезли по его лодыжкам.

– Заткнись, Джо! Ты дерьмо! – отреагировала Салли.

– Ванья? – удивленно повторил Лео. – Ванья умерла?

– Ну и хватит об этом! – отрезала Салли.

Она ухватила за дуло ружья Лео и резко подняла его вверх. Испугавшись, тот нажал на спусковой крючок и отстрелил ей ухо, но Салли, не обратив на это никакого внимания, склонилась к его горлу. Марвин хотел закричать: «Осто-

рожно!», но было уже поздно. Из разорванного горла брызнула струя крови, Лео уставился на него большими удивленными глазами. Он поднес руку к ране и попытался оттолкнуть Салли, которая жадно пила кровь прямо из артерии. Джо Келлерман окончательно сомлел, и глаза его закатились. Он рухнул на пол коридора, к счастью для себя, совсем отключившись. Марвин схватил Салли за плечи и сильно рванул назад. Он не должен сдаваться. Всадить ей в голову пулю бессмысленно, прежде всего, это ничего не даст, а кроме того, она нужна ему. Лео сотрясали конвульсии, скрюченными пальцами он цеплялся за воздух. Марвин рванул сильнее, и Салли отвалилась от помощника шерифа, издав звук оторвавшейся присоски.

– Еще поесть! – прорычала она низким утробным голосом. – Салли еще поесть!

– Позднее! Нужно бежать! Сейчас здесь будут ваши враги, миссис Келлерман, – потребовал Марвин, пытаясь сохранить самообладание.

Неужели он действительно разговаривает, как с приличной женщиной, с мертвым существом, с губ которого стекает кровь человека, только что ею разорванного? Салли моргнула, потом сделал к нему шаг.

– Лад-дно... Салли пойти...

– Сюда, быстро.

Для Лео уже ничего нельзя было сделать. Он был мертв. Джо лежал на линолеуме коридора, на каждом веке у него си-

дело по таракану, усики которых были направлены на Марвина. Подталкивая перед собой Салли и чувствуя озноб отворачивания, Марвин добрался до своей комнаты.

– Ох, нет! – увидев, что они входят, выдохнул Уилкоккс.

– Миссис Келлерман, разрешите вам представить моих помощников, – провозгласил Марвин в напряженной тишине. – Миссис Келлерман пойдет с нами. Ей грозит опасность. Наш долг ее защитить.

Бадди вздрогнул. Они собираются взять это жуткое существо с собой? Разинув рот, Джем и Лори бессознательно подошли друг к другу. Саманта любезно улыбнулась этому ходячему трупю:

– Добро пожаловать, миссис Келлерман. Теперь вы в надежных руках.

– Кажется, у вас был приступ легкого голода? – пробормотал Герби, заметив кровавые следы на подбородке Салли.

– Салли... поесть... – зарычала Салли.

– Позднее! А сейчас быстро сбегаете, шериф вот-вот явится! – приказал Марвин.

Они выскользнули через запасной выход мотеля как раз в тот момент, когда «универсал» шерифа затормозил перед главным входом. «Что же расскажет ему Джо Келлерман? – подумал Марвин. – Что усопшая жена убила его любовницу и представителя закона? И какова будет реакция местного шерифа?» Саманта тронула его за плечо.

– А если она на нас набросится? – прошептала она, неза-

метно указав на Салли.

– Во всяком случае, не сейчас. Она верит, что стала жертвой заговора. Я потом объясню. Нам нужна машина, чтобы уехать из деревни.

– И куда мы двинемся?

– Лори может быть прав. Возможно, существует прямая связь с ядерным полигоном. Надо поехать посмотреть. Во всяком случае, я думаю, что Салли постарается соединиться с себе подобными.

– Ты хочешь ее использовать как маячок системы «Аргус»?

– Вот именно.

– Но те, кто ею управляет, могут натравить ее на нас?

– Сэм! У нас нет времени на бесполезные домыслы.

– Бесполезные? Черт подери, Марв!

Он знаком приказал ей замолчать. Скрючившись, слившись с собственной тенью, они почти бесшумно продвигались к главной дороге. Шериф еще не выходил из мотеля. Джем сделал знак Лори, скрестив пальцы в сторону Салли:

– Черт возьми, старик, у меня начинает болеть живот, когда я иду рядом с этой... штуковиной...

– Она ничем не хуже, чем моя мать... Припоминаешь?

Джем молча кивнул. Мать Лори, ее пустой взгляд, ее неуверенная походка, ее подбородок, вымазанный губной помадой. Мать Лори взбирается по лестнице, чтобы убить их... Пытается поймать собственного сына, чтобы сожрать

его... Он крепко зажмурился, чтобы прогнать ее образ, и наткнулся на Бадди Коула.

– Я не прочь потом отправиться на Багамы... – шепнул Бадди.

– Ага, кажись, там открыли заповедник для гомиков, – хохотнул Герби.

– И подумать только, что мы никак не могли представить себе, во что со временем превратился неандерталец... – вздохнул Бадди.

– Ш-ш-ш! – откликнулся Марвин. Черный восьмиместный мини-вэн с включенными подфарниками был припаркован на краю дороги. Его мотор работал на малых оборотах. – Как раз то, что нужно! – воскликнул Марвин.

Саманта хмыкнула:

– Так хорошо, что просто не верится!

– Значит, удача еще существует.

– И Боженька тоже... – усмехнулась она.

К ним подошел Герби, ведя упирающуюся Салли.

– Это что за автобус?

– Марвин считает, что это Рок протягивает нам руку.

– Это катафалк, – вдруг очень внятно изрекла Салли. –

Катафалк, который доставит нас к Господину.

– А кто это! господин? – спросил Герби.

– Господин – это Версус. Ой, как мне холодно...

– Экипаж Сатаны, – проскрипела Рут, покачивая головой справа налево, – экипаж, который Сатана подал своей шлю-

хе...

Вдруг, очнувшись, Салли взвилась:

– Эй! Эта старая жаба обзывает меня шлюхой?

– Да нет, Салли, что вы. Ее нужно извинить, она ведь тоже их жертва. Ей повредили мозги... – ловко вывернулась Саманта.

Салли с подозрением рассматривала Рут Миралес. От старой женщины не пахло живой плотью. Но и не мертвечиной. Пахло чем-то другим.

Прищурившись, Лори рассматривал мини-вэн. Машина выглядела зловеще... ага, как в некоторых фильмах... У нее были большие желтые глаза разъяренного тигра.

Дверь мотеля отворилась, и все разом застыли. Опечаленный шериф подталкивал перед собой Джо Келлермана, уткнув ему в спину дуло ружья. Руки Джо были скованы за спиной наручниками, по его покрасневшему лицу текли слезы.

– Это не я, говорю же вам, что это не я... – всхлипывал он.

– Заткнись, ублюдок! Тебе повезло, что я добрый христианин, потому что иначе я засунул бы ружье тебе в задницу и спустил бы курок! Убить Лео только за то, что он тоже трахал Ваню!

– Да я ничего не знал, говорю же вам, что я ничего об этом не знал!

– Надо же выдумать, что его жена воскресла из мертвых, и все для того, чтобы укокошить их обоих! Позор, Джо Кел-

лерман! Позор на твою голову!

Он, не церемонясь, подтолкнул Джо к «универсалу» и лающим голосом начал выдавать короткие приказы по бортовой рации.

– Пошли! – бросил Марвин и бегом устремился к микроавтобусу.

Джо повернул голову, заметил бегущих и заорал:

– Вон там! Вон они там, вместе с Салли!

– Заткнись, Джо, или я тебя прикончу! – проревел в ответ шериф Фишер.

– Они садятся в черный мини-автобус! Это исчадия ада, и они утаскивают с собой Салли!

Шериф Фишер вздохнул и, продолжая разговаривать с больницей штата, ударил Джо кулаком по лицу. Пронзительный визг Джо помешал шерифу услышать звук тихо отъезжающего черного автомобиля с погашенными фарами.

Марвин взглянул в зеркало заднего вида. Прямо за ним сидели одеревеневшая Салли Келлерман и Герби Уилкокс, которому было явно не по себе. За ними – Саманта и Рут, разглядывавшая пейзаж за окном. Дальше в напряженных позах сидели Лори и Джем, а в самой глубине – Бадди Коул, ковырявший в носу. И что теперь? Куда ехать? Что предпринять? И откуда как нельзя более кстати появился этот мини-автобус? Марвин созерцал руль с чувством, что вот сейчас машина поедет самостоятельно, как Божья Коровка Уолта Диснея... Он осторожно перешел на вторую скорость, по-

том на третью. Ничего. Мини-вэн спокойно бежал по заснеженной дороге.

Через пять минут они были уже за городом. Скрючившись в просторном багажнике под пластиковым чехлом, лейтенант Аньелло радовался своей хитрости. Эти идиоты приведут его прямо в свое логово. Он в десятый раз удостоверился, что карманы полны пуль и жилет набит гранатами, а потом, насколько возможно, расслабился, то есть его напряжение стало чуть меньше, чем в высоковольтном проводе.

Язон был счастлив. Он сидел на большой гнедой кобыле, и ледяной ветер хлестал его раздувшееся тело. Бренда обхватила его за талию и беспрестанно погоняла: «Галопом, галопом!» Кобыла неслась сквозь ночь, словно за ней гнался сам Господь Бог. Рядом с ними скакал на вороном коне Аллан. Его дряблые губы кривила довольная улыбка. Как им повезло с этой фермой! Детей привлек запах крови, и они увидели обеих только что застреленных и еще агонизировавших лошадей. Аллан сразу сообразил, какое преимущество давала им эта находка. Он не разрешил детям растерзать лошадей, и они были вынуждены наброситься на сторожевого мастифа.

– Мы используем их, чтобы поймать добычу! – объяснил Аллан.

– Как в фильме про Ланселота? – возбужденно спросил Язон.

– Вот именно!

– И я могу сам править лошадыю?

– Ну конечно! А Бренда будет юной принцессой, которую ты везешь.

– Вот еще, принцесса на старой кляче, которая сдох... – с досадой вздохнула Бренда.

Честное слово, папа во всем потакает Язону.

– Бренда! Не упрямясь. Потом править будешь ты. Ну,

двинулись.

В ответ Бренда ухмыльнулась, а Аллан попытался поднять лошадей. Почему эти тупицы лежат на боку, словно мертвые? Черт, ведь поднялся же Гавк, чтобы бежать с ним рядом!

– Их нужно кусануть! – пронзительно закричал Язон, бросаясь на кобылу. – Надо их хорошенько кусануть!

Это оказалось правильным решением. Через пять минут животные тихонько захрапели и поднялись, пусть не очень уверенно, но все же теперь они стояли и смотрели на новых хозяев глазами, мутными, как воды грязного пруда.

– По коням! – скомандовал Аллан, сопровождая свои слова княжеским жестом.

Детям не пришлось повторять дважды. Оседлать вот таких больших лошадей? И ими править? Скакать в ночи по снегу, чтобы догнать столько прекрасного свежего мяса? Да это просто великолепно! Долой дни, проведенные перед телевизором! Придя в восторг, словно святая Тереза перед кончиной, они вскочили на лошадей. Аллан не мог опомниться. Он никогда не видел их такими очаровательными. Вот чего не хватало детям: простой здоровой жизни на свежем воздухе.

Они подъехали к развилке. Замерзшая земля искрилась под светом звезд. Аллан, запрокинув лицо к луне, долго принюхивался.

– Налево, – скомандовал он. Их добыча была впереди, где-то совсем недалеко. Черный мини-вэн мог двигаться толь-

ко по дороге, он не мог срезать дорогу по полям. Ну чего испугалась эта идиотка Салли Келлерман! Он чувствовал ее призыв в ночи, какую-то мощную вибрацию, отдававшуюся в его собственном теле. Словно его сердце все еще билось. Надо объяснить, что ей нечего их бояться, что они товарищи. Да, товарищи, это хорошо звучит. На службе у Господинна. И Господину потребовались эти смертные, набившиеся в черный мини-вэн. Они так сильно ему требовались, что под разбитым черепом Аллана неожиданно взорвалась боль. Он стиснул зубы, ожидая, что это пройдет. Но зачем они ему требовались? Для чего могли послужить эти семь туш? Боль вернулась, еще более нестерпимая, и он понял, что нельзя задавать вопросов.

Он пришпорил лошадь, и разгоряченный Язон сделал то же самое. Кобыла Люсия рванулась вперед, распластавшись в воздухе в метре от земли. От удивления она заржала. Ну до чего же это здорово! Она повернула голову к своему старому спутнику Августу и увидела, что он парит рядом с ней, а его большие желтые зубы обнажены в молчаливой улыбке.

– Помолодел, старина! – бросила Люсия, потряхивая гривой.

– Хочешь наперегонки, старушка? – усмехнулся Август, подмигивая одним глазом.

Он никогда не чувствовал себя таким молодым! А Люсия, вся в пене, казалась просто прекрасной в лунном свете! Новый хозяин выглядел немного суровым, но детишки, кажет-

ся, очень симпатичные. Они миновали ферму «Билл О'Билл», и Август на минуту задумался, куда это они так бешено несутся. Впрочем, их это не касается. Люсия снова заржала, и они ускорили бег.

Аньелло попытался бесшумно изменить положение тела. Он с облегчением перекатился на спину, его суставы совсем застыли. Через стекло задней дверцы полная луна казалась огромной. Ему не нравилась эта тачка.

От нее пахло врагом. Своими худыми пальцами он любовно сжал гранату. Засунуть бы ее в глотку одного из этих мерзавцев. Черт возьми, теперь ему надо помочиться. Хотя и думать об этом нечего. У Защитника Белой Америки во время битвы не бывает подобных вульгарных потребностей. У него яйца как пушечные ядра, он стреляет под потоками-серной-кислоты-изрыгаемой-адскими-созданиями и потом никогда не оглядывается назад. Успокоившись, Аньелло улыбнулся; мочевой пузырь его больше не тревожил.

Из-под опущенных век Лори наблюдал за Салли Келлерман. Она была похожа на его мать. Или, вернее, вот на такую была похожа его мать. Вот чем она была. Он вновь увидел, как они с Джемом в исступлении бегут по лестнице, а она... Тяжелые шаги кровожадного существа у них за спиной... Он задрожал. Джем почувствовал его тревогу, сильно ущипнул ему руку пониже плеча и глуповато улыбнулся. Лори весь посерел. Ну что за дурацкая мысль таскать за собой эту... эту... штуковину. Джем закрыл глаза. Возникло омер-

зительное лицо Пола, их школьного товарища, вернувшегося из мира мертвых; возле самого его рта землистые губы Пола; ненависть, застывшая в глазах Пола. Мертвые ненавидят живых. Вот урок, который он вынес из Джексонвилля. Мертвые хотели вернуться в реальную жизнь и захватить Землю.

Герби Уилкоккс ощущал себя бесчувственным, как деревяшка. Его замораживала близость Салли. Он повторял себе, что это глупо, что они держат ситуацию под контролем, что он не станет бояться какой-то толстой фермерши только потому, что она слегка протухла, но на самом деле он смертельно дрейфил. Мысленно он вернулся на два года назад. Он снова объезжал улицы Джексонвилля, улицы своего кошмара, который постоянно преследовал его по ночам. Он постарался думать о Стивене, своем помощнике. В конечном счете, Стивен был лучшим его сотрудником, и в то же время он оказался одним из тех. Живой мертвец. Но Салли выглядела хуже, чем Стивен. Точно, хуже.

Саманта Вестертон чувствовала себя усталой, грязной и некрасивой. Ей хотелось принять душ, заново подкраситься, сменить белье. Ей хотелось уснуть возле Герби, прижавшись к его мощной груди борца. И у нее не было никакого желания играть роль «почетного генерала» в плохой пародии на «X-Files». Она постаралась убедить себя, что если из тех ужасных событий двухлетней давности родилось серьезное чувство, внушенное ей Герби, то и из этих событий может возникнуть что-то положительное.

У Марвина Хейса болела голова. Пульсирующая боль под левой бровью. Он думал о своей жене. О нежной улыбке своей жены. О тревожной улыбке своей жены всякий раз, когда он уезжал. Только что, когда им удалось перекинуться несколькими словами, он ей солгал. Он, самый верный и самый искренний человек, теперь постоянно лгал своей жене. Он подумал о своих мальчиках, представил, как они развалились перед телевизором и объедаются пиццей и мороженым с блинами. Ему не следовало бы принимать участие в этом нелепом крестовом походе. В конце-то концов, чем лично его затрагивал тот факт, что истеричные и прожорливые живые мертвецы решили напасть на США? Он – лейтенант Хейс из Федерального бюро расследований, а не какой-нибудь киношный лейтенант Рипли из Межпланетного бюро по борьбе с монстрами.

Рут Миралес размышляла, почему Кетер не вмешается, чтобы вернуть ей удобную, мягкую и теплую постель. Такой любезный и предупредительный, и вдруг исчез... Вновь оставил ее беззащитной перед силами Мрака... Как в тот раз, когда аббат показал ей свою... штучку с длинными острыми зубами, которые все росли и росли, пока он говорил... Все это ей уже не по возрасту. Сухой мартини, поездки по Флориде, посещения Диснейленда – вот как должна жить вдова на пенсии. И никаких длительных марш-бросков по снегу со стаей волков на буксире.

Ричи Бадди Коул еле ворочал языком. Нужно выпить. Он

зевнул. И куда это они несутся в туманной ночи? Как жаль, что с ним нет его трубы. Он испытывал желание сыграть что-нибудь из старого новоорлеанского репертуара. Например, траурный марш. Неужели только три дня тому назад он посадил в свою машину Джема? Ведь это был безобидный поступок. Но кто-то допустил, чтобы произошла вся череда последующих событий. И вот вопрос: если бы он не подвез Джема, разыскал ли бы тот своих друзей? Или они вернулись бы по домам и он, Бадди, спокойно сидя в обществе Сэнди, опрокидывал бы сейчас стаканчик коктейля джин-фиц? Или же спал бы вечным сном в красивом новеньком гробу? Потому что, – не будем скрывать, Ричи Бадди Коул, – все последнее время ты искренне желал обмотать проклятый парик вокруг своей старой куриной шеи и стянуть его так, чтобы задохнуться.

Лео открыл глаза. Болело горло. Он с трудом сглотнул и стал разглядывать помещение. Комната ярко освещена, ее стены выложены кафелем. Резкий запах дезинфекции. Спальной к нему стоит мужчина в белом халате. Доктор. Больница. Возникло воспоминание о Салли Келлерман, которая набросилась на него. Ее безумный взгляд, рот, полный зубов... Он снова пощупал горло: там что-то вроде дыры? Зияющей дыры? Он засунул в рану пальцы, нащупал какую-то веревку. У него в горле веревка? Лео слегка ущипнул эту веревку, и она глухо щелкнула. Забавно, можно подумать, что это струна фортепиано. Он ущипнул ее еще раз.

«... Причина смерти: рассечение сонной артерии... » – диктовал доктор Джонс в маленький диктофон.

Он отложил его, и Лео, удерживаясь от смеха, поспешно вытянул руки вдоль тела. Что-то бормоча, врач подошел к столу для вскрытия. Обезумевший шериф Фишер позвонил и сообщил, что его помощника зарезали, а женщине проломили череп. Джонс распорядился, чтобы тело привезли в больницу штата, где он дежурил сегодня ночью. Фишер, веселый малый, считал, что виновником является Джо Келлерман, владелец мотеля. У того была связь с женщиной по имени Ванья Какаято-там, которая лежала теперь на соседнем столе, ожидая своей очереди на вскрытие. Когда Джо узнал, что эта самая Ванья встречается и с ним, и с Лео Ди Паскалем, он, вероятно, не выдержал. Такая невезуха! На прошлой неделе во время неопасной операции без видимых причин скончалась его жена, а теперь вот его самого обвиняют в убийстве! Смерть Салли Келлерман – это очень подозрительное дельце. Требовалось сделать вскрытие. Это взял на себя старый пьянчужка Гумберт Шерман. В результате так никто и не понял, что же произошло на самом деле. Джонс снова склонился над жуткой раной. Какая скотобойня. Неужто Келлерман сделал это зубами... Вот уж, правда, человек человеку волк.

С видом откровенного неодобрения Джонс взял маленькую электрическую пилу и попытался вскрыть верхнюю часть черепа. У Лео была пластиковая карта донора орга-

нов, а больницы необходимы материалы для студентов. Пила с визгом вошла в черепную коробку. Дрянной материал, купленный по дешевке. Он нажал посильнее, аккуратно отрезая верхушку черепа. Бедняга Лео... Умереть как ягненок, с перерезанным горлом!

– Эй, док, а вам бы понравилось, если бы я то же самое сделал с вами? – спросил этот самый бедняга Лео.

Доктор Джонс остановился. Кто это говорит? Он шагнул к двери, держа в руках пилу, с которой капало. Никого. Он вернулся на место, но... Лео исчез.

– Ку-ку, я здесь! – раздался голос у него за спиной, и костлявый палец похлопал по плечу.

Доктор Джонс поспешно повернулся. Ему казалось, что рот у него заполнился мелом.

Лео, улыбаясь, смотрел на него, засунув два пальца в зияющую дыру в своем горле. Отпиленная часть черепа свисала ему на плечо.

– Я переработал, – пробормотал доктор Джонс, протирая глаза. – Мне необходимо отдохнуть.

– Нет проблемы, док. Что-что, а отдых вам будет обеспечен... – хохотнул Лео, склоняясь над ним.

Доктор Джонс захлопал глазами. Ясно, что никто не может встать с прозекторского стола со вскрытым черепом. Ясно, что Лео не может стоять и вгрызаться ему в горло. Ясно, что он не чувствует, как зубы Лео разрывают его плоть, а рука шарит по его груди. Ясно, что пальцы Лео, его твердые

и острые когти, не вырывают его сердце. Потому что нельзя разорвать пальцами чью-то грудь. Потому что никто никогда не упивается кровью врачей. Нет, просто необходимо полежать и отдохнуть...

Он понял, что его ноги скребут пол, а тело сотрясают конвульсии. Ему не было страшно, он просто ничего не понимал. Боль в груди стала столь невыносимой, что он почувствовал, как волосы у него на голове встали дыбом. А потом он уже ничего не чувствовал. У него возникло идиотское впечатление, что Лео размахивает перед ним большим куском кровавого мяса. У него возникло идиотское впечатление, что он умирает. И он умер, так и не поняв этого.

Лео пнул труп ногой, с аппетитом поедая его сердце. Оно было упругим и трепещущим. Свеженькое. На сто процентов биологически здоровая пища. Совсем не то, что эти проклятые бифштексы из супермаркета, такие дряблые и безвкусные. Он просто пировал.

– А мне дашь кусочек? – жалобно захныкал чей-то голос у него за спиной.

Жадно сжимая свое добро, он обернулся. Ваня с фальшивой улыбкой неотрывно глядела на этот прекрасный кусок мяса. Ваня! «Ведь это из-за тебя я умер, – подумал Лео. – Надо же тебе было пойти трахаться с Джо Келлерманом!» И он поднял руку с мясом, чтобы она не смогла дотянуться.

– Хочу есть, Лео. Позалуста.

– Так слопай его хрен, это же твоя специальность!

– Злюка. Дай Ванье.

Вероятно, смерть не просветила ее мозгов. Эта дура превратилась в законченную идиотку. И как только он мог с нею трахаться. Хорошо еще, что Джоанна никогда об этом не узнает. Джоанна! Где же Джоанна? Лео вдруг захотелось укрыться в ее объятиях. Он бросил сердце, которое покатилося по кафельному полу. Ванья, истекая слюной, набросилась на мясо. Лео машинально пнул ее ногой, но она, не выпуская своей добычи, спряталась под прозекторским столом.

Джоанна. Разыскать Джоанну. Наверное, она тоже умерла. Потому что иначе Лео не мог поручиться, что удержится и не сожрет ее. Он испытывал такой голод. Лео снял с покойного доктора Джонса одежду и халат и надел на себя. Потом он водрузил на место свой черепной свод и, чтобы хорошенько его закрепить, обмотал голову найденным белым лейкопластырем. Ванья разделалась с сердцем и теперь облизывала пальцы, с вожделением поглядывая на обнаженное тело Джонса. Лео пожал плечами: пусть выпутывается сама. Если она путает потусторонний мир с бесплатными обедами для безработных, то это ее дело. Он вышел, увидев напоследок, как поскуливающая Ванья оседлала выпотрошенного доктора Джонса.

Шериф Фишер, которого подчиненные называли просто Фиш, зевнул так, что едва не вывернул челюсть. Если бы хоть на несколько минут он смог сомкнуть веки! Келлермана за-

перли в самой удаленной камере отделения, но и оттуда было слышно, как он, словно ребенок, плачет навзрыд. Гарри, второй помощник Фишера, обещал явиться как можно быстрее, но он был в поездке, а при этих заснеженных дорогах... Фишер боролся с желанием пойти и прикончить эту сволочь Келлермана. Раз и навсегда заставить его замолчать. Он не мог уважать мужчину, способного оплакивать самого себя. Шериф услышал, что входная дверь отворилась. Гарри, наконец-то! Он сплавит ему этого младенца и завалится поспать на часок-другой. Жена, наверное, уже приготовила теплый отвар и...

Его разглядывал со странной улыбкой какой-то тип с забинтованной головой и в белом халате, выпачканном большими красноватыми пятнами. Шериф Фишер встал, положив руку на рукоятку своего кольца. Этот человек явно кого-то напоминал.

– Ключи... от морга, – с трудом, словно его губы были из пластика, выговорил посетитель.

Шериф Фишер заморгал. *Почему Лео потребовались ключи от морга?* Лео! Да нет, ну что он за дурак! *Лео!* Лео умер. У него вырвано горло. *Как у этого типа с грязной повязкой вокруг шеи, стоящего перед ним.* «Успокойся, Фиш, – внушал себе шериф, – ты просто вздор несешь».

– Фишер... ключи... быстро... не вынуждай меня... делать больно.

– Послушайте, старина, вы выбрали неудачное время для

своих шуточек. Мой помощник сегодня ночью был убит, и...

– Убит, но не умер... помоги мне. Найти Джоанну...

Лео все труднее становилось говорить. Слова прилипали к нёбу, мысли становились расплывчатыми и неясными. Он подумал, что становится совсем как Ванья, каким-то зомби из фильма ужасов. Он собрал все силы, чтобы сохранить в себе то, что еще оставалось в нем от человека.

Старый Фишер, весь бледный, с проблеском ужасной догадки в расширенных голубых глазах, смотрел на него. Лео протянул руку и увидел, что его пальцы покрыты толстой красной коростой: засохшей кровью доктора Джонса. Фиш проследил за его взглядом, пролепетал что-то вроде «Боже мой», отступил назад, попал ногой в корзину для бумаг и упал на спину. Он ударился головой о правый угол ружейной пирамиды, издал стон и, потеряв сознание, рухнул замертво.

Лео наклонился, открыл первый ящик письменного стола и своими окоченевшими пальцами схватил ключи от морга. Какая-то злобная сила подталкивала его убить Фиша, немедленно оторвать ему голову, пока тот не может защищаться. Но сам он этого не хотел. Все, что в нем еще оставалось от Лео, отказывалось нападать на старого Фиша. Он почувствовал, что его рука тянется к горлу шерифа, увидел свои ногти, заострившиеся как когти, почувствовал, что его огромные зубы трутся о губы, а разинутый рот полон пенистой слюны. Нет. Нет. Он не животное. Не до конца – животное. Он – Лео. Он разыщет Джоанну. Джоанна. Спутница жизни. По-

друга. Шериф Фишер. Друг. Нельзя убивать друга. Нет.

Ценой невероятных усилий он отступил назад. Но что-то в его голове было этим недовольно. Нечто темное, тяжелое, жестокое. У него было такое ощущение, словно маленькие острые лапки давили на кровеносные сосуды. Словно маленькие жвалы вгрызались в губчатую ткань его мозга.

Зажмурившись, он бросился вон из бюро, доковылял до джипа, украденного в больнице, — *неужели он убил охранника?* — с трудом включил зажигание и двинулся прочь.

Лори проснулся как от толчка. Его рот пересох. Он уснул, и ему снился сон. Очень плохой сон, в котором за ним гналась стая овчарок-вампиров, натравливаемых кроликами в красных бархатных ливреях. Он знал, что они догонят и сожрут его живьем, на потеху своим зрителям. Он бежал так быстро, что сердце скакало в груди, как мячик при игре в сквош. Он выпрямился на сиденье, стараясь отдышаться. Джем спал с открытым ртом, запрокинув назад бритую голову, покрытую торчащим светлым пушком. «Джем — это человек», — вздохнув, подумал Лори. А сам он — просто садовый гномик и никогда уже не вырастет.

Некоторое время он разглядывал проносящийся мимо пейзаж. Бескрайняя каменная пустыня, искрящаяся под лунным светом. Марвин Хейс уверенно гнал машину. Сможет ли когда-нибудь и он принимать трудные решения, содержать семью, проявлять мужество и рассудительность? Марвин — это первый негр, занимающий высокий пост, кото-

рого видел Лори. Его собственный отец, улыбочивый толстяк в немнущемся тергалевом костюме, был торговым представителем и неплохо зарабатывал на жизнь, но он ни в чем не походил на агента ФБР, у которого ботинки за четыреста долларов, кашемировые пиджаки и фигура баскетболиста.

Теперь он стал разглядывать плоские пустынные пространства вдоль дороги. Млечный Путь прочертил над автобусом арку, украшенную алмазами. Что и говорить, этот мини-вэн чудом оказался перед выходом из мотеля, да еще с включенным мотором и полным баком. Невероятное совпадение. Очевидно, этот мини-вэн заменил собой черный фиакр былых времен с кучером-призраком, запряженный лошадьми с горящим взглядом. И он привезет их напрямик к Версусу, повелителю потустороннего мира. Зачем? Зачем же еще, если не для того, чтобы Версус собственноручно убил их. Конечно, если у него есть руки, потому что надо помнить, что никто не знает, на что похож повелитель потустороннего мира. На спрута с выпученными глазами? На эту слюнявую штуку, на *пришельца*? На облако ядовитого газа? «Чего там, скоро сами увидим», – подумал Лори, устраиваясь в уголке сиденья. Если честно сказать, мысль оказаться лицом к лицу с Версусом его немного возбуждала.

– Джо-а-а-нна! – раскрыв объятия, закричал Лео, и верхняя часть его черепа стала подпрыгивать, как плохо положенная крышка кастрюли.

– Лео! – откликнулась Джоанна, бросаясь ему на грудь и

стараясь держать прямо свою наполовину изгрызанную голову. Ее правый глаз свисал на израненное лицо.

Они обнялись под недовольным взглядом Ваньи, которая вычищала губкой внутреннюю часть своего черепа. Она по-прежнему пеклась о чистоте.

– Ну что? Мы так и останемся здесь на весь вечер? – спросила она, отгрызая розоватые клочки, приставшие к губке.

– Конечно нет! – ответил Лео с широкой улыбкой, доказавшейся, казалось, до затылка. – Мы устроим грандиозную вечеринку, девушки! – добавил он, указывая на спящую деревню. – Сегодня ночью отведаем вволю бифштексов по-татарски!

Лежа на спине, Ральф Аньелло смотрел на Млечный Путь. И подумать только, что на каждой такой проклятой звездочке – а их миллиарды миллиардов – могут проживать толпища монстров, рвущихся к землянам. Ну почему Богу было бы не создать только Землю, Солнце – и все? Ну ладно, в крайнем случае, еще Луну, раз женщины считают, что это красиво. Но все эти звездочки, эти огненные шарики, развешенные по небу, ну для чего они?

Он задумчиво почесал в паху. Они что, всю ночь будут гнать? У него затекли ноги. Он стал тихонько извиваться, чтобы вытащить из кармана таблетку, и, удовлетворенно хмыкнув, проглотил ее. Этот дурак врач по психам из внутренней службы утверждает, что таблетки, которые он принимает, повышают его нервозность. Но Аньелло-то знает, что

они ему просто необходимы. Только на таблетках он и может держаться и оставаться бдительным. Ага, бдительным, ему очень нравилось это слово. В нем было что-то от вперёдсмотрящего на вершине мачты, наблюдающего за горизонтом. Будь он вперёдсмотрящим, «Титаник» не пошел бы ко дну. Рехнуться можно, как этот Млечный Путь похож на проложенную по небу дорогу. Широкая белая дорога. Ага. Ты почти готов увидеть, как грохочут по ней эти чертовы колесницы, как в фильме «Бен Гур». Впрочем, по ней действительно скакали всадники.

Всадники. Аньелло весь напрягся. Вытаращил глаза. Ущипнул себя, чтобы убедиться, что не спит. Да нет же, он не спит, а всадники скачут по Млечному Пути. Две лошади, освещенные луной, скачут во весь опор, нависая над машиной. Их копыта стучат вроде бы по твердой дороге. Неужели этот чертов Млечный Путь на самом деле – настоящая дорога? Неужели эти проклятые лгуны из правительства выдумали историю про-звездочки-огоньки-и-всякое-такое, только чтобы скрыть существование межкосмической автострады, разрешающей вторжение вражеских армий? Неужели президент является двойным агентом?! «Нет, нет! – простонал Аньелло, глядя на всадников, летящих по воздуху. – Нет, нет! Честное слово, никому теперь нельзя доверять!»

Бадди Коул в поисках более удобного положения перевернулся на своем сиденье на другой бок и вдруг так стремительно сел, что ударился головой о крышу автобуса. Он

протер глаза и принялся проклинать джин, поглощенный им в течение всей жизни, из-за которого теперь вот появились галлюцинации. Он медленно лег и опять вскочил как ужаленный. Неужели это на самом деле? Он похлопал по плечу маленького Лори, который сидел перед ним. Тот обернулся, и Бадди молча указал большим пальцем на стекло. Лори взглянул на окрестности и увидел только множество камней – горы камней, океаны камней. Бадди нетерпеливо покачал головой и снова ткнул пальцем в окно, в окно в крыше автобуса. «Ну что там еще?» – подумал Лори, выворачивая шею над спящим Джемом, чтобы взглянуть на небо.

– Ой, черт! – непроизвольно сжимая запястье Джема, выдохнул Лори.

Джем открыл глаза и вскочил.

– Чего там?

– К нам посетители... – пробормотал Лори, не отрывая глаз от неба.

– Какие еще посетители? – спросил, зевая, Джем.

– Типа воздушный налет.

– Вертолеты под музыку «Валькирий»?

– Хуже.

– Гигантские летучие мыши, вооруженные ракетами с самонаводящимися головками?

– Горячо, старик.

Теперь Джем до конца проснулся и внимательно смотрел на него.

– Если ты меня разыгрываешь, Лори...

– О, примат из Новой Мексики, нагни свою благородную выю, взгляни в небо и скажи, что ты там видишь.

Вздыхнув, Джем наклонился, поднял глаза к небу и вдруг схватил Лори за плечи и принялся трясти его как грушу:

– Старик, в небе две лошади!

К ним обернулся Герби, не переставая краем глаза следить за своей соседкой. Казалось, Салли спала, прикрыв глаза веками, но спят ли мертвые?

– Что случилось, ребятки?

– Неопознанные всадники на Млечном Пути, – отрезал Лори. – Похоже, они гонятся за нами, шериф.

– Он не шутит, – подтвердил Бадди Коул, чувствуя, что у него начинается жуткая мигрень.

Уилкоккс вздохнул. Подумать только, что всего два года тому назад самой большой его заботой было иметь в холодильнике всегда холодное пиво... Он слегка наклонился к окну, готовый отчитать Лори. Не то у него настроение, чтобы выслушивать шуточки подростков. *Черт, да это же правда!* У него перехватило дыхание. Он выпрямился и положил руку на рукоятку оружия.

Салли не шевелилась. Ни вдоха, ничего. Значит, она притворялась спящей. Или была в отключке, как лабораторный кролик, лишенный мозгов. Долю секунды он размышлял, как здорово быть лишенным мозгов и взирать на мир с безмятежностью морковки. Ну да, а когда к морковке прибли-

жается кролик? Стоп, Герби! Он похлопал по плечу сидящую перед ним Сэм.

– Саманта...

– Да, дорогой?

– Нас преследуют.

Сэм бросила взгляд в боковое зеркало заднего вида и покачала головой:

– Ничего не вижу.

– Ваша душа ослепла! – яростно выкрикнула Рут.

– Рут, будьте любезны, помолчите, – одернул ее Герби. –

Сэм, нас преследуют типы верхом на лошадях.

– Но на дороге никого нет, Герб.

– На дороге – нет, – согласился Герби с кривой ухмылкой. – А над дорогой – есть...

– Боже мой, Герб, у тебя приступ Альцгеймера?⁴¹ Они на лошадях или на самолете?

– Сэм, они *летят* по воздуху! Посмотри же, черт возьми!

Она посмотрела. словно легкий удар в живот. Герби был прав. Сэм бегло оглядела пассажиров микроавтобуса. Тонкая улыбка играла на губах Рут. Салли прикидывалась – ха-ха-ха! – мертвой. Джем и Лори прижались к окнам, а Бадди намеренно сидел с закрытыми глазами. Сэм похлопала по плечу Марвина, который, уйдя в свои мысли, следил за асфальтовой лентой дороги.

– Марв, у нас проблемы. Но, главное, не теряй голову.

⁴¹ Болезнь Альцгеймера, размягчение мозга.

Марвин взглянул на спидометр и увеличил скорость. Он вдавил педаль газа в пол, и мини-вэн помчался по пустынной дороге со скоростью сто восемьдесят километров в час. Бесплезно: небесные всадники не отставали ни на йоту, казалось, они даже слегка опережали.

– Сверху им все видно как на масштабной карте, – угрюмо объяснил Герби. – Они заранее знают все повороты дороги. Значит, нам от них не оторваться. И значит, бесполезно нестись сломя голову.

– Сломя голову... – повторила Салли с широкой улыбкой.

– Неужели у этой дряни есть чувство юмора? – подумал вслух Уилкокс, стараясь на нее не смотреть.

Марвин вошел в крутой поворот, и мини-вэн занесло.

– Агент Хейс, учтите, что мне не нравится ваша манера вести машину, – сурово заметила Рут.

– Он делает, что может, Рут, у нас неприятности, – объяснила Саманта, подавляя желание отхлестать старуху по щекам, чтобы вернуть ее к действительности.

– Во всяком случае, эта машина привезет нас к месту назначения, – сказала Рут, поджав губы.

– То есть? – спросил Герби голосом, в котором сквозило некоторое нетерпение, помноженное на известную долю усталости.

– Не притворяйтесь, что вы ничего не знаете, шериф. Вам отлично известно, что мы едем с визитом к Кетеру.

– Опять этот Кетер! Черт подери, это начинает меня злить...

– Герби! – прервала его Сэм, положив руку ему на запястье.

Она почувствовала, как под пальцами его кожа дрогнула. Но, несмотря на обуревавшие его гнев и волнение, он улыбнулся и прикрыл ее тонкую кисть своей огромной волосатой лапой. Салли с интересом разглядывала их широко раскрытыми глазами.

– В-люб-лен-ны-е, – произнесла она неожиданно.

Сэм, словно пойманная с поличным, поспешно выдернула руку.

– Э-то-т мер-за-вец Джо об-ма-нул ме-ня! – брызгая зеленоватой слезью, разразилась Салли. – Об-ма-нул! Убила бабу! У-би-вать всех баб. Верно?

Как женщина женщине, она улыбалась Сэм, а на кончике ее языка раскачивался огромный таракан. Сэм сглотнула и глухо пробормотала:

– Да, конечно.

– Под-ру-ги! – заключила Салли, залепив ей удар по плечу такой силы, что быка можно было свалить.

Таракан раскачивался у нее на губах, но это, казалось, несколько ей не мешало. Сэм на мгновение закрыла глаза и прошептала:

– Подруги.

– Сожалею, что прерываю это трогательное кино, но руль больше не слушается... – вдруг, внешне совершенно спокойно, предупредил их Марвин.

– Что?! – хором воскликнули шестеро пассажиров. Салли удовольствовалась плевком, а Аньелло сжал зубы.

– Мы продолжаем ехать, но теперь машину веду не я, – объяснил Марвин. У него на лице ходили желваки. – Посмотрите...

Перед крутым поворотом он высоко поднял руки с руля. Раздалось напряженное «а-ах», но машина спокойно вошла в вираж и продолжила путь.

– Мы наверняка переходим в иное измерение, – прокомментировал Лори.

– То есть ты хочешь сказать, что мы окажемся в другом мире? – спросил Герби, испытывая в душе сожаление, что сверходаренных детей не запускают на орбиту сразу после их рождения.

– Не знаю уж, куда мы едем, но мы едем! – пробормотал Марвин.

Перед ними, насколько хватало глаз, извивалась по пустыне заасфальтированная дорога.

– А в каком направлении мы движемся? – спросил Джем.

Саманта склонилась над картой, освещая ее фонариком-авторучкой. Марвин повернулся к ней:

– Ну?

– Ну, я не очень уверена... похоже... можно подумать...

– Агент Вестертон, не могли бы вы изъясняться яснее?

– Ну ладно, чтобы было яснее, скажу, что на этой проклятой карте эта проклятая дорога не указана.

Уилкоккс слегка помассировал виски.

– И это значит? – продолжал настаивать Марвин.

– Это значит, агент Хейс, что мы едем по несуществующей дороге.

– Или которая не указана на карте, – заметил Джем.

– Мы говорим о карте генерального штаба, – ответила Сэм равнодушно.

Аньелло почувствовал, что перед таким размахом заговора у него болезненно сводит даже пальцы ног. Ложные карты генерального штаба! Соккрытие дорог! Установка двухмоторного самолета на лошадей! Использование цветных служащих, не способных как следует вести машину! Он в сотый раз проверил, что его оружие заряжено. Рано или поздно, но эти сумасшедшие где-нибудь да останутся. И тогда-то заговорит старая добрая автоматическая винтовка.

В Парадиз-Маунтин один за другим гасли огни в домах, а сами дома под вопли и крики окрашивались в красное. Последним, вдавив палец в кнопку срочного вызова своего радиотелефона, погиб шериф Фишер. Его тело было сожрано живьем. В шестидесяти километрах от станции дежурный сержант, принявший вызов, долго надрывался, посылая сигналы в пустоту, прежде чем решился поставить в

известность начальство. «Это деревенское дурачье не способно даже содержать оборудование в порядке! – заявил капитан, протирая покрасневшие со сна глаза. – А к тому же еще и этот снежный буран! И почему бы ему не выйти на связь через спутник?» – «Какой спутник?» – спросил оторопевший сержант. Капитан этого не знал. По правде говоря, это было его первое назначение в горный район. И все потому, что он завел интрижку с женой своего начальника...

Ночью, в два часа тринадцать минут патрульная машина с заспанными солдатами двинулась по извилистой дороге, ведущей на маленькую лыжную станцию. Они проклинали метеопрогноз, замолчавшее радио, глухих шерифов и вообще все, что можно проклинать.

В деревне уже царил покой. В мертвой тишине падал снег. Этой светлой октябрьской ночью в два часа тринадцать минут все пассажиры мини-вэна вдруг осознали одно и то же: дорога уже никуда не вела, горизонт исчез.

Перед ними простиралась белая ледяная равнина. Никаких гор в поле видимости. Насколько хватало глаз – бесконечная белая равнина, ограниченная круговой линией, круто обрывалась в черное ничто. Беззвездное ничто. Без единого проблеска. Что-то вроде бездны, которая воскрешала верования древних о плоском мире.

Аллан заметил это удивительное явление. Значит, мини-вэн должен будет оказаться *на другой стороне*. А Господин будет этим очень недоволен. Нельзя тянуть дальше. Он

пришпорил Августа и устремился прямо на свою добычу. За ним последовали дети, во все горло выкрикивая «у-ух».

– Они приближаются! – бросил Бадди, не отрываясь от окна. – Я сказал бы, что они пикируют прямо на нас.

Спрятавшийся в багажнике Аньелло снял автомат с предохранителя. Он был готов.

– Вижу всадников! – закричал Джем, вывернув шею, чтобы лучше видеть. – Это они, Мак-Мюллены!

– Их ярость не имеет объяснения... – заметил Марвин, не отрывая взгляда от руля, который жил своей жизнью.

– За ними наверняка стоит Версус. Они просто марионетки, – нервно откликнулась Сэм.

– Они нападают, – закричал Бадди, хрустнув от волнения пальцами.

Казалось, что с каждой минутой микроавтобус увеличивается. Август и Люсия, как метеоры, рассекали воздух, возбужденные скачкой, они раздували ноздри, их крупные желтые зубы оскалились. Аллан пригнулся к шее старого коня. Он чувствовал, как воздух врывается в его прогнившее тело, надувает его разлагающиеся щеки. Язон горько жалел, что у него нет трубы. Когда кавалерия атакует, то всегда трубят в трубу. Бренде не терпелось поиграть с хорошеньким маленьким Лори. Она придумала кучу веселых проделок. Она будет откусывать от него по кусочку, как от шоколадки.

Черная тень затмила луну, и два огромных силуэта обозначились на освещенной фарами дороге.

Сэм закрыла глаза, уцепившись через сиденье за руку Герби. Им показалось, что тень уплотнилась и еще почернела, а очертания лошадей четко обозначились на фоне белых скал обочины.

– Всем лечь на пол! – громко закричал Герби, толкая Салли вниз.

Она повернулась к нему так стремительно, что он подумал, что сейчас его руки будут искромсаны, и закричал:

– Опасность! Нужно лечь! Лечь!

– Ладно, не болтай, я не ложусь так просто! – огрызнулась Салли, вдруг задумавшись, где это она и что за люди ее окружают.

А затем она вспомнила, что они ее освободили и увозят, чтобы спасти, что их преследуют психи из больницы, которые хотят вернуть ее обратно, чтобы производить над ней свои мерзкие опыты. Она благодарно взглянула на индейца-шерифа и соскользнула вниз со своего сиденья ровно за секунду до того, как сильный удар пошатнул мини-автобус.

– О-о-о-й! – взвыл Бадди, пытаясь превратиться в карлика.

– О-о-о-й! – взвыли Лори и Джем, причем Джем старался в это время засунуть свои длинные ноги под сиденье, а Лори – дышать, несмотря на локоть Джема, который давил ему на горло.

– А-а-а-а-л-л-и-л-у-й-я! – завела Рут, не двинувшись ни на йоту.

– Н-а-а-а-а пол! – надрывался Герби, который перепрыгнул через сиденье, чтобы прикрыть Сэм своим сильным телом.

– О-о-о-х! С меня хватит! – прорычал Марвин, скрючившись под приборной доской. *j*

– В-в-в-н-и-и-м-а-н-и-е! Затраханная космическая сволочь! – прошептал Аньелло, лежа на спине и нацеливая винтовку в небо.

Тонна мертвечины с легкостью танка взгромодилась на крышу микроавтобуса. Крыша прогнулась на добрых двадцать сантиметров. Нетерпеливые ритмичные удары копыт. Теперь крыша согнулась вдвое, стекла окон вдребезги разлетелись. Рут соизволила лечь на пол за секунду до того момента, когда сотни острых осколков изрешетили спинку ее сиденья.

– А-а-а-х-х-х! – в унисон произнесли все пассажиры, как вдохновенный хор под управлением Леонарда Бернштейна.

Счастливый Август повернул голову к Люсии. Они забрались на ящик на колесах! И ничего не делая, все же движутся вперед! Он радостно засмеялся, и Люсия засмеялась тоже, представив себе рожу хозяина, если бы он мог их видеть. Он ведь каждое воскресенье мыл свой ящик на колесах, и ему бы не понравилось, что два огромных першерона⁴² танцуют на нем полечку.

– Пап, почему они не останавливаются? – спросила Брен-

⁴² Порода лошадей-тяжеловозов.

да, которой уже малость надоело, что встречный ветер теребит ее волосы.

– Не волнуйся, они останятся! – ответил Аллан. Действительно, не может быть и речи о том, чтобы нестись и дальше на полной скорости в задницу планеты. Он нагнулся и прошептал пару слов на ухо Августу, который довольно заржал.

Безумный стук копыт. Дьявольские твари и их апокалиптические всадники не знали удержу.

– Старик, да это просто «Парк юрского периода»! – проворкотал Лори.

«Нам крышка», – подумал Джем. Последние громовые удары. Микроавтобус раскачивался, словно его охватило непреодолимое желание станцевать джигу. И вдруг крыша лопнула. Две огромные волосатые ноги, оканчивающиеся громадными грязными черными копытами, проломил железом и провалились в заднюю часть салона. Они застыли в десяти сантиметрах от плеча Аньелло. Он был заблокирован под гигантским пришельцем, он видел его волосатый живот и... он сглотнул... огромную висящую базуку, нацеленную прямо на него! О-о! Защити, Иисус, детей своих! И он с воплем нажал на курок.

Август ощутил внизу живота легкое щекотание. Словно что-то слабо царапало его внутренности. Он начал извиваться, потом, рассердившись, расслабился.

В два часа тридцать три минуты ночи лейтенант Аньелло

из уголовной полиции города Альбукерка, зажатый между передними ногами першерона, издохшего за несколько часов до этого, был обильно полит мочой вышеназванного першерона.

Потоп красновато-коричневой мочи, обжигающей как кислота. Едкая вонь. Вопли Аньелло, затопленного неиссякаемой струей.

– Вы слышали? – воскликнул Джем. – Словно бы выстрелы.

– И крики, – добавил, выпрямляясь, Лори.

– В багажнике?

Бадди приподнял голову и взглянул, приоткрыв только один глаз.

– Боже мой! Бедняжка лейтенантик!

– Что? – проревел Герби, бросаясь назад.

В багажнике лежал на спине Аньелло, направив винтовку на брюхо летающей лошади, которая мочилась на него. Казалось, что пули, разрывая бесчувственную плоть, не оказывают на животное никакого воздействия. Крови почти не было, только брызги гноя и сукровицы.

– Не нужно было этого делать, – содрогнувшись, заметил Герби.

– Что делать?

– Стрелять ей в потроха...

И в тот же момент огромная черноватая масса выпала из разодранного живота Августа и обрушилась на Аньелло. Под

пятью килограммами разложившихся кишок тот стал задыхаться.

– Нельзя же оставлять его вот так подохнуть! – вцепившись в Уилкокса, закричал Бадди.

– Да, нельзя. – Герби рванулся и выбил решетку, отделяющую багажник от салона. Над ними продолжалась дьявольская сарабанда, и копыта Люсии, также пробив крышу, но никого, к счастью, не задев, старались пробить пол.

Уилкокс вслепую протянул руку, ощутил что-то мягкое и липкое и потянул. Появился дрожащий Аньелло, с которого стекали протухшие ошметки. Он задыхался, а от тех мест, на которые попали испражнения Августа, поднимался пар.

– Дайте же мне что-нибудь, черт вас подери! – проревел Герби. Он оторвал рукав комбинезона Бадди, отчего тот пришел в негодование.

Герби вытер лицо Аньелло, обнаружив большие участки содранной кожи и настоящие кратеры дымящейся плоти.

– Дьявол! Его словно облили кислотой! Быстро, оберните ему лицо тряпкой!

Копыта Люсии продырявили пол между передними и задними колесами, и ее огромное брюхо целиком заполнило салон. Мини-автобус, пригвожденный к дороге, трясся на одном месте.

– Все вперед! – закричал Марвин, перекрывая общую суматоху.

Остальные ползком присоединились к нему. Люсия нача-

ла брыкаться, чтобы окончательно разломать миниавтобус, а Август воспользовался ситуацией, чтобы хорошенько обнюхать ее круп.

– Но мотор продолжает работать, – прошептал Марвин.
Общее непонимание.

– Если Мак-Мюллены хотели нас остановить, то это может означать, что автобус не должен был доставить нас к Версусу? – продолжал он. – Возможно, этот самодвижущийся автобус способен оградить нас от этих... от этих...

– Чу-дищ! – воскликнула Салли среди общего молчания. – От э-тих про-кля-тых мон-стров!

Ее снова терзал голод и волновали странные видения. *Разодранное* горло молодой женщины перед ее глазами. *Вкусное* удивленное лицо помощника шерифа. Но что же они ей впрыснули? И вдруг она тоже превратится в монстра?

– Я считаю, что стоит попытаться ехать дальше и посмотреть, что из этого получится, – продолжал Марвин.

– А как ехать-то? – спросил Герби. – Приставить ролики к этим проклятым першеронам?

– Достаточно, чтобы микроавтобус развалился. Тогда передняя часть продолжит путь, а они останутся заблокированными в этой куче искореженного железа.

– Прогулка на двух колесах в никуда... – почесывая нос, прокомментировал Бадди Коул.

Пока он оказывал помощь Анжелло, его тоже обрызгало мочой, и это вызывало страшный зуд.

– У кого-нибудь есть другое предложение? – поинтересовалась Саманта.

Ответа не последовало. Предложений не было. Только страх, смятение, тревога, терзание за состояние Аньелло, который тяжело дышал под рубашкой, обвязанной вокруг его головы. Рут Миралес поднесла руку к своему безукоризненному шиньону и вытащила из него длинную шпильку. Затем, ничего не говоря, она воткнула ее в скакательный сустав Люсии.

Укусили внизу, подумала Люсия. Укусил вроде бы слепень, проклятая тварь, извечный страх, извечное раздражение. Она резко взбрыкнула, едва не сбросив детишек. Рут устремилась к другому скакательному суставу и уколола еще сильнее. Необъятный зад Люсии взлетел вверх, сильно ударив в ноздри Августа, который тоже заржал.

– Стоять! – завопил Аллан, который понял, что ситуация ускользает из-под контроля. – Ну-ка, ребяташки, отправляйтесь за ними.

Язон и Бренда, на лицах которых было написано вождение, соскользнули на разломанную крышу.

– Через окна! Залезем через окна! – закричала Бренда.

Марвин следил за расширяющейся трещиной между вторым и третьим рядами сидений. Микроавтобус, как разваливающийся айсберг, трещал со всех сторон. Лори посмотрел вверх и увидел одутловатое и бледное лицо, которое, обливаясь, смотрело на него. Он захотел крикнуть, но горло

пересохло. Лори отодвинулся и вжался в Джема. Бренда как можно глубже запустила руку: не дотянуться. Черт! Она извивалась, чтобы пролезть через окно, которое сильно сплюсилось. Бренда отодвинулась, чтобы пропустить Язона, потому что он был поменьше. Салли проследила за взглядом Лори и издала глухое рычание, от которого все застыли.

– Не бойся, мы твои друзья! – завизжал Язон. – Ты ведь тоже мертвая...

– Лгу-ны! Назад! Дьявольские при-служ-ни-ки! Назад! Чер-то-во отродье! – вопила Салли, не замечая, что по мере того, как она возбуждалась, ее зубы становились все длиннее.

До них долетел искаженный голос Аллана:

– Да что у вас там происходит?

Ответ Бренды Аллану помешал услышать зловеющий скрежет, с которым разломился надвое мини-автобус.

Его задняя часть, заблокированная мощными ногами лошадей, осталась на месте. Передняя же часть, вдруг освободившись, помчалась со скоростью ракеты, а пассажиры вверх тормашками сместились к радиатору.

– Цепляйтесь! – закричал Марвин, стараясь удержаться над дырой, зиявшей на месте ветрового стекла. – Возьмитесь цепочкой за руки, наклонитесь вперед!

Акробатические позы, возгласы, ушибы. Мини-вэн мчался на двух передних колесах, опустив к земле решетку радиатора, как нос охотничьей собаки.

– Это что еще за фокусы? – пробормотал Аллан, который созерцал все происходящее с таким чувством, словно приходил в себя после долгой попойки.

Болезненный электрический разряд в мозгу помешал ему раздумывать над такими вопросами и дальше. Он опустил глаза и увидел, что Бренда и Язон на четвереньках, брызгая слюной, несутся вслед за обломком минивэна. Он соскользнул на землю и попытался побыстрее высвободить лошадей из этой кучи железа.

– Это папочка! – закричала Бренда, высунув язык и замедляя свой бег.

Аллан догнал их в несколько секунд, потому что лошади неслись так быстро, что едва касались земли. Он на лету подхватил Бренду и посадил ее на Люсию, потом так же легко подхватил Язона и посадил его на круп лошади.

– Да я уже почти поймал их! – запротестовал Язон. Перед ними половинка мини-вэна неслась напрямик к краю земли.

Внутри машины воцарилась тишина. Полная тишина. Никто не издал ни звука, пока остатки микроавтобуса со скоростью двести километров в час неслись к краю планеты. Никто не издал ни звука, когда обозначился конец дороги. Еще сто метров, еще десять метров, два метра, еще мгновение, чтобы подумать: «Все...» – и вот минивэн в полной тишине опрокинулся в пустоту.

– Да где же мы, черт подери?

– В темноте невозможно сориентироваться.

– Никто не поранился?

– Поесть...

– Подвинься, Лори!

– Может, это черная дыра?

– Кетер! Я здесь!

– И чего я так боялся белой горячки...

Аллан натянул поводья, и Август остановился как вкопанный. Рядом с ним застыла и Люсия. Их копыта зарылись в сероватой пелене перистых облаков.

– Что случилось, пап? – спросила Бренда.

– Они пропали.

– Да нет, они вон туда нырнули! – закричал разгоряченный Язон, указывая на густую прослойку, похожую на вату.

– Вот именно. Они нырнули в ничто. Здесь земля оканчивается.

Бренда фыркнула:

– Что за глупости, пап. Земля ведь круглая!

– Да неужели? – проворчал Аллан, чувствуя нарастающее раздражение. – Неужели она круглая? А тогда, черт бы вас всех побрал, что это, если не край земли?!

На него воззрились пораженные дети. Папочка не должен при них ругаться! Мамочка это строго запрещала. Мамочка? Язон стал тереть покрасневшие глаза своим маленьким грязным кулачком. Мамочки больше нет, он уже не помнит ее лица. Только воспоминание о теплых нежных объятиях. Аллан продолжал метать молнии, а гнев оживлял его словарь:

– Я согласен идти за этим сраным микроавтобусом на своих двоих хоть до самого ада, но объясните мне, как туда идти! У меня все это уже в печенках сидит!

– Папа!

– Заткнитесь! Больше ни слова! Земля, видите ли, круглая, будь все проклято! Вот какой чепухе учат вас в школе! Ладно, сейчас посмотрим.

Он дал коню шенкеля. Август задрожал. Там внизу царила полная чернота. Это было не небо. Это была вязкая, все поглощающая и склеивающая чернота. Та чернота, в которой он пребывал с того момента, как хозяин выстрелил ему в голову. Он фыркнул, ударив копытом по облаку.

– Лошади боятся, папочка! – закричала Бренда.

– Лошади всего лишь глупые животные, Бренда. Поэтому-то их и едят.

– Но животные тоже едят людей... – ковыряя в носу, вставил Язон.

– Глупых людей, болван! – уточнила Бренда, довольная возможностью показать, что она все поняла.

– Вот что мы сделаем, – объявил Аллан, чувствуя, что у него начинается мигрень. – Мы пойдем по краю земли и постараемся разглядеть, что там внизу.

– Но когда же мы будем есть? – простонала Бренда, вырвав пук белобрысых волос, на котором остался клочок кожи.

– Когда поймаем эту еду! – прорычал папочка, трогая рысью.

Темнота вдруг рассеялась, уступив место ярким разноцветным неоновым огням шикарного зала казино. Стены и полы скрыты под ковровыми покрытиями карминно-красного цвета, столы и панели стен из красного дерева, сиденья из зеленого бархата, огромная люстра граненого хрусталя, оглушительная музыка. Через стекла больших окон вливалась звездная ночь. Ночь без конца и края. В зале не было ни игроков, ни крупье, но колоды карт, разложенные на зеленом сукне столов, создавали впечатление, что идет игра. Небрежно облокотившись о стол для игры в баккара, негр в смокинге из белой шерсти курил гаванскую сигару, с легкой улыбкой разглядывая своих гостей, распластавшихся на толстом красном ковре.

Марвин встал и отряхнулся. Никаких следов минивэна. Да и существовал ли он когда-нибудь? А этот тип, который смотрел на них с видом превосходства... Никаких сомнений, что это пресловутый Кетер. Кожа эбенового цвета, глаза цвета океана и пламенеющие волосы.

И ко всему еще и монокль. Какое театральное одеяние! Кетер перевел на него свои огромные, почти прозрачные глаза и уронил пепел в один из игровых автоматов, который сразу зазвякал, а его валики закрутились с бешеной скоростью.

– Это как в дневнике мисс Аннабеллы, помнишь? – шеп-

нул Лори Джем. – Она оказалась тогда в казино рядом с человеком без лица, который крутил автоматы, и люди умирали или возвращались к жизни, в зависимости от того, что выпадало...

Осунувшийся Джем согласно кивнул, занятый воспоминаниями о последней встрече с Кетером в Лас-Вегасе, когда автомат стал изрыгать на колени Рут Миралес тысячи тараканов.

Саманта придвинулась к Герби, который держал ее за плечи. Он чувствовал, что между лопаток у него струится пот. Мини-вэн испарился, а они оказались возле того самого Кетера. В этой шикарной обстановке они выглядели в своих лыжных костюмах полными идиотами. Он бегло оглянулся, чтобы убедиться, что здесь были все. Рут, Лори, Джем, Марвин, Сэм, Салли Келлерман... Отсутствовал только Бадди Коул. Он поискал его глазами. Естественно, он уже в баре!

Бадди поднялся и огляделся. Ему не потребовалось и тридцати секунд, чтобы обнаружить возле рулетки массивный бар красного дерева. У него внутри все так пересохло, что он готов был выпить Тихий океан. Блестящие бутылки, наполненные жидкостью различных цветов, и сверкающие бокалы, казалось, только и ждали опытной руки. Он завладел графином, наполненным чем-то, что, должно быть, было чистым солодовым виски, немного повозился, открывая хрустальную пробку, и налил себе стакан до краев. Настоящее чудо, подумал он, прищелкнув языком.

– Вы только что сократили ее жизнь на пять лет... – заметил Кетер.

Бадди замер, не донеся стакана до губ. Это что, с ним говорят?

– Да, я говорю вам, Ричард Бадди Элайза Коул.

– Но... я не сокращал ничью жизнь... – заплетающимся языком проговорил Бадди.

– Жидкость в графине. Это сущность одной очень достойной дамы. Она борец за права человека, за всеобщую амнистию, член общества Гринпис, ну и все такое.

Бадди с недоверчивым видом поставил стакан.

– Вы хотите сказать, что во всех этих бутылках – люди?

– Если угодно, то, что вы называете их душами. Их жизненная сила. Вы думаете, как я поддерживаю себя в такой отличной форме? – игриво заметил Кетер, пританцовывая чечетку.

– Вы это пьете? – с отвращением пробормотал Бадди.

– Вы вампир! – воскликнул Лори.

– И сразу громкие слова! Я пью очень умеренно, только когда это действительно необходимо. Ведь даже на этикетке указано: «Неумеренное потребление человечества опасно для здоровья». И я потребляю только лучшее, – продолжал он с гордостью.

Марвин, положив руку на рукоятку оружия, подошел к нему:

– Вы не... человек, верно?

Каркающий звук голоса удивил его самого, и он почувствовал, что смешон.

Кетер пожал плечами и выдохнул великолепное кольцо дыма.

– Человек, не человек, какая разница? Я есмь.

– Но кто или что вы есть? – настаивал Марвин.

– Я есмь тот, кто есть.

– Бог мой! – воскликнула Саманта.

– Если угодно, но это немного... обременительно. Я хочу сказать, что у нас просто маленькое собрание без всяких претензий...

– Нечего над нами издеваться! – пролаял Уилкокс – Нам сполна уже всего этого хватило. Половина земного шара тонет в крови. Если вы хоть чуток отвечаете за это, то нечего увиливать.

Кетер метнул на него взгляд своих небесно-голубых глаз:

– У меня создается впечатление, что все вы устали и взволнованы. Мы сможем продолжить нашу дискуссию попозже...

– Так вы настаиваете, что вы есть Бог? – спросил Джем, скрестив пальцы за спиной.

– Я ни на чем не настаиваю, – с насмешливой полуулыбкой отклонил это замечание Кетер.

– А если вы Версус? – нахмурившись, наседал Лори.

– А что вам известно про Версуса? – все с той же иронической улыбкой спросил его Кетер.

Лори рассказал ему все: о Джексонвилле, о живых мертвецах, о событиях последних дней. Кетер слушал его, не перебивая.

– Извините, но я полагаю, что вы и так в курсе дела! – заявил Уилкоккс.

– Извините, но я занят не только тем, чтобы час за часом отслеживать злоключения вашей очаровательной компашки.

Аньелло с трудом разлепил глаза. Он ощупал лицо и снял тряпку, которая его закрывала. Боль в лице. Голоса. Люди спорили. Они, безусловно, во вражеском логове. Он медленно поднялся, осматриваясь через набрякшие веки. Казино?! Значит, здесь замешана мафия? А кто этот негр в смокинге? Большая шишка? Он бесшумно передвинул обойму. Пусто. Сменить, быстро.

– Ах, лейтенант, вы снова с нами, – провозгласил Кетер. – Хотите сигару?

Аньелло подозрительно разглядывал роскошную инкрустированную коробку, стоявшую на барной стойке. Сигара может быть начинена наркотиками, присланными Фиделем Кастро. Он жестом отказался.

– А я сказал этим дамам и господам, что вам наверняка потребуется покой.

– Вечный? – ухмыльнулся Герби, дергая себя за усы.

Кетер вздохнул и исчез.

Джем протер глаза: что случилось? Лори ошалело смотрел на стол, на который только что опирался Кетер. Пусто. Ника-

ких клубов дыма. Никаких искр. Нет даже горсточки пыли. Просто из-под ножки стола вытекло немного жидкости. Лори потрогал ее, потом попробовал: похоже, просто-напросто вода.

– Вы ему досадили, – сказала Рут. – Его надо щадить, он ведь не мальчик, надо же это понимать.

– Ага, как же, щадить этого старого мерзавца, – пробормотал Герби.

В раздражении он оглядел комнату. Салли Келлерман испарилась!

Салли шла вдоль стены, стараясь вжаться в толстый зеленый ковер, украшавший коридор. Приближались какие-то люди. Типы в черных смокингах и очках в серебряной оправе, которые шли по боковому коридору. У всех были одинаковые бритые лица с холодным выражением. Клоны! Они удалились, и Салли увидела черные крылья, которые росли через пиджаки и шелестели у них за спиной. Человеческие клоны, скрещенные с птицами! Она попала в самое пекло Ужаса.

Салли продолжала бесшумно продвигаться вперед. Из одной приоткрытой двери вырывался луч голубоватого света. Она тихонько приблизилась. На табличке значилось: «Бюро случайных исследований». Она толкнула дверь, поражаясь своему спокойствию: ее сердце совсем не билось.

Салли вошла в огромный зал со светящимся полом и потолком. Стены покрыты десятками различных диаграмм.

Почти все пространство занято сложной аппаратурой. В больших прозрачных контейнерах постоянно вибрировали движущиеся металлические шарики. Время от времени один из них вырывался из своего контейнера и начинал скакать по многократно пересекающимся желобкам из нержавеющей стали, что приводило иногда к столкновениям. И каждый раз, когда это случалось, молодой человек в белом халате делал отметку на тактильном экране. Салли заметила, что у него на лопатках росли два длинных белых крыла, похожих на лебединые, кончики которых касались пола из нержавеющей стали. Два шарика с силой столкнулись, подпрыгнули и покатались вместе в одном направлении.

– 2346567 и 3856239: встреча в Нью-Йорке, на 42-й улице. Реакция нейромедиаторов положительная. Биологическая совместимость: 88%, – объявил крылатый клон.

– И купите приданое для новорожденного! – провозгласил другой молодой человек в белом халате, вынырнув из-за какого-то трубчатого аппарата.

Он был очень высок, более двух метров; кожа его лица была словно выдублена. Он застыл, заметив Салли – полуголую, покрытую кровью, с синеватыми губами, между которыми виднелись длинные грязные зубы.

– Гавриил! – произнес он металлическим голосом. – Мне кажется, у нас проблемы...

Тот, кого назвали Гавриилом, обернулся, и Салли ясно разглядела его лицо. Оно было прозрачным. Маска из плек-

сигласа, прикрывающая узор переплетений кровеносных сосудов и электронных соединений.

– Проблемы биомеханического порядка... – объяснил Гавриил синтетическим голосом, улыбаясь прозрачной улыбкой в ответ на удивление и недоверие Салли. – Ну да, я ведь тоже продукт эволюции...

– Да плевать мне! – решительно прервала его Салли. – Я просто хочу вернуться домой, вот и все! И предупреждаю, или вы сейчас же отпустите меня, или я вам тут такое устрою!

– Ты это слышал, Михаил?

Гавриил обращался ко второму молодому человеку; голубая электрическая «вена» пульсировала за его «щекой».

– Как отсюда выйти? – закричала разозлившаяся и испуганная Салли.

Она почувствовала, что сейчас ею овладеет бешенство. *Здесь нечего есть. Нет пищи. Нет ничего живого. Выбраться. Охотиться. Еда.*

— Ну, я не думаю, что вам разрешат выйти отсюда... – сказал Гавриил, поглаживая себя по подбородку. – Вы, знаете ли, не в самой лучшей форме.

– Из-за вас! Я всех вас засажу в тюрьму! Сволочи!

Пораженный Гавриил обернулся к Михаилу:

– А мне казалось, что территория деда Хокинза была закрыта окончательно?

– Совершенно верно. Все сгорело, и Проход был закрыт.

Джексонвилль больше не является той территорией, где могут оживать мертвецы. Но появились осложнения. Она была оживлена по недосмотру, – объяснил Михаил, понизив голос.

Салли подошла поближе и положила свою раздувшуюся руку на титановый циркуль.

– Салли, дорогая, не играйте с этим, – сказал Гавриил. – Пойдемте, я отведу вас домой.

– Лгун! Вы что, принимаете меня за совсем уже круглую дуру?

– Ну что вы! Я никогда не лгу, я просто не могу этого сделать. Правда ведь, Михаил?

– Абсолютно верно. Вы, Салли, можете ему доверять.

– До-ве-рять! – завопила Салли, перепрыгнув через рабочий стол. – Доверять?!

Она толкнула принтер, выдававший распечатки, разломала сканер и двумя ногами приземлилась на грудь Гавриила. *Поесть, убить, расчленить, вырвать. Твердый плексиглас. Понемногу плавится. Не питательный. Мягкий. Омерзительный.* Ее длинные клыки задели электронные схемы Гавриила, и последовала череда разрядов с искрами.

– Подлый робот! – завывала Салли, упорно шаря под плексигласовой оболочкой.

Михаил бросился за ней следом. Из прозрачных кистей его рук вырвались две длинные светлые стрелы. Они поразили Салли в спину, пронзили насквозь, проникли в грудь

Гавриила и с треском горящего пластика вышли через электронные схемы с другой стороны.

– О! Хляби небесные! – выдохнул Михаил, увидев рухнувшего наземь Гавриила, который был совершенно обезображен остервенелым нападением Салли. Из его ран сочилась черноватая жидкость.

А она обернулась теперь к Михаилу, обнажив клыки и зубы, в которых застряли обломки пластика.

– Ты, курица поганая в искусственной коже, сейчас я тебя разнесу! – прорычала Салли.

В помещении зазвучали настойчивые сигналы, а на всех циферблатах замигали контрольные лампочки.

– Оставайтесь на месте! – приказал Михаил, расправляя крылья. – Оставайтесь на месте, не вынуждайте меня причинить вам боль!

– Боль? Ты что, не видел мою морду?! Мне что, еще мало причинили боли?!

– Хватит, глупое создание! – прогремел Михаил, расправляя крылья, как незапятнанные знамена.

Салли показалось, что он вырос на несколько десятков сантиметров, что лицо его удлинилось и стало понемногу покрываться чешуей. Как у рептилии. Он издал глухое рычание, и вместо рта у него появились две длинные челюсти с острыми зубами. «Теперь он стал похож на настоящего крокодила, на гигантского крокодила с парой крыльев», – подумала Салли, хлопая глазами. Мерзкая тварь! Смерть была бы

для него избавлением.

Глаза этого лебедея-крокодила сверкали, как маленькие рубиновые кнопочки, а пенящаяся слюна стекала каплями со страшных острых зубов. «Да, вот это зубищи так зубищи!» – подумала Салли, представив свои собственные клыки.

– Покорись, баба! – пророкотало чудовище, готовясь метнуть в нее свои проклятые лазерные лучи.

Салли почувствовала, что эти лучи проникают в тело, раздирают внутренности, разрывают ее бесплодную матку и вместе с какими-то потрохами вырываются наружу между ляжками. Метры и метры коричневатого шланга. И здорово пахнет тухлятиной. «Это еще послужит», – подумала она, не предполагая, что благодарить надо старого доктора Шермана, который проводил вскрытие в пьяном виде, а потому и прекратил его на полпути, когда едва не всадил себе в руку скальпель. Все, что громоздилось на столе, он запихнул обратно в брюшную полость пациентки и зашил ее грубыми стежками.

Михаил исходил пеной, из его расширенных ноздрей вырывался багряный дым.

– Покорись, баба! – повторил он крикливым голосом обортня.

– Чего? Ты на себя-то смотрел? – взревела Салли, выходя из себя.

Как настоящая крестьянка, она мигом связала коричневые кишки, раскрутила над головой импровизированное

лассо и метнула его на вопящего лебедя-крокодила.

«Но дождь, дождь и передождь! Что вытворяет эта чокнутая?!» – подумал Михаил, чувствуя, как теплый и вонючий скользкий узел затягивается вокруг шеи, ломая его углеродную трахею и блокируя подачу воздуха.

– Ух ты! Проклятая скотина! – орала Салли, затягивая со всей силой крепко связанные внутренности.

Михаил покачнулся, его синтетические синапсы начали перегреваться, а челюсти защелкали в пустоте. Это ведь он низверг с небес Сатану, а теперь его сразит вот эта деревенщина из Невады?!

«Деревенщина из Невады» издала громкое «оп», и Михаил почувствовал, что падает. Потеряв голову от бешенства, он издал протяжный вопль, от которого задрожали стены и с грохотом обрушились на пульт управления, где пробегали сотни цифр.

А на Земле в мгновение ока погибли двести тысяч человек.

Михаил отбивался длинными чешуйчатыми лапами, разрывая когтями распечатки, опрокидывая пробирки.

И еще сто тысяч жертв были стерты с лица земли.

Салли ловко наворачивала на него лассо, с благодарностью вспоминая своего старого отца, который обучил ее этому ковбойскому искусству. Михаил почти уже не отбивался, он задыхался, и пена капала на его белый халат. По его чешуе стекали большие крокодиловы слезы.

Салли высмотрела что-то, что походило на большой холодильник, и привязала к нему конец своего лассо.

– Эй ты, железяка, сожалею, но ничем не могу помочь! – заявила она, размышляя, почему вдруг у нее возникло мимолетное желание его сожрать. Ведь не жрут же людей, даже если они жертвы уродующих опытов.

Беспомощный Михаил смотрел, как она удаляется своей тяжелой походкой. Проклятая сволочь! Навоз поганый! И вот на этой-то дегенеративной почве Большой Босс хотел выращивать цветы?

Салли вышла в коридор, где царило чрезвычайное оживление. Во всех направлениях сновали типы в смокингах; некоторые из них взлетали, а их фасеточные глаза поворачивались на сто восемьдесят градусов. *Фасеточные глаза?* Верно, это же вовсе не серебристые очки! У них *мушинные глаза!* Черные крылья и глаза насекомых. Вороны-мухи. Жаль, что нет здесь этого проходимца Джо. Они смогли бы что-нибудь ему состряпать, например форель-крысу. Один из воронов-мух задел ее, и она почувствовала на щеке что-то влажное. Два длинных щупа вырвались из его рта и отправились на разведку. Он обогнал ее, карабкаясь по потолку, и его крылья терлись о стены, как огромные тараканы. *Таракан. Внутри. Это щекотно.* Салли остановилась. Она была взволнована. Временами она чувствовала в себе глубокое противоречие. Остается надеяться, что они не вживили ей опухоль мозга! Или вакцину от гепатита В.

Мужчины в смокингах под свист и бульканье устремились в ту самую лабораторию, из которой только что вышла Салли. Они сдохнут со смеху, когда найдут лебеда-крокодила, связанного ее кишками! *Ее кишками?* Ее собственными? *Нет!* Салли приложила руку к низу живота и ощупала отверстую рану. *И даже не больно!* Она неуверенно просунула в рану палец и обнаружила там пустоту. Обычно считается, что внутри полно всякой всячины. Крайне встревожившись, она, чтобы получше рассмотреть, насколько могла наклонила голову, обеими руками раздвинула края раны и вынуждена была признать очевидное: ее живот представлял собой большое черное и пустое отверстие. Ан нет! Там есть какая-то штукovina, вон там, справа, что-то толстое и мягкое. Она схватила это нечто и сильно потянула. Сначала «оно» не поддавалось, а потом уступило. Это похоже на печень, решила Салли, разглядывая это «оно» под лампами дневного света. Потом обнюхала. Фу. Несвежее.

Кр-а-а-х-х...

Свист, бульканье – и один из воронов-мух устремился на нее, направив вперед все фасеточные глаза, нацелив щупы как шпаги.

– Хватай! – крикнула Салли, метнув ему в лицо свою печень.

Шварк! Прямо в рожу! Разогнавшийся мутант ослеп, треснулся головой о колонну и, обалдев, рухнул на пол.

– Ба-бах! – злорадно воскликнула Салли, тотчас же прыг-

нув обеими ногами ему на голову.

Раздался громкий хруст, и она почувствовала, что ее голые пятки провалились в мягкое вещество. *Живое.*

Резко наклонившись, она погрузила свою физиономию в обнажившийся мозг. *Он не из пластика! Ням-ням, этот мышинный мозг потрясающе вкусный. А глаза-то, черт подери! Просто чистое объедение!*

Новое бульканье-посвист. Подкрепившись едой, Салли быстро поднялась и убежала. Чудовища, казалось, обезумели. Надо полагать, что не каждый день кто-то развлекается тем, что обвязывает, как простую колбасу, лебеда-крокодила.

И все же забавно думать, что ее выпотрошили, как обычную рыбу. И она продолжает двигаться! Вот доказательство: она все еще жива. Так для чего же тогда все эти органы? На бегу она снова засунула руку в рану, а вытащила ее, покрытую черными тараканами. О господи!

– Кто-то звал меня? – произнес мужчина с темной кожей и голубыми глазами, возникнув перед ней на изгибе поворота коридора. – Да что здесь происходит?! – проворчал он, увидев, в каком состоянии находится Салли, которая яростно размахивала руками, а вороны-мухи в смокингах, булькая и посвистывая, гнались за ней.

– Они украли мои потроха! – кричала Салли. – Прошу, помогите!

– Ну нет, никаких просьб! – гневно ответил мужчина, при-

щелкнув пальцами.

Салли вдруг осознала, что позади нее возник шум. Шум, издаваемый быстро ползущим тяжелым телом. Ощущая ужас, она рискнула бросить взгляд назад. *О нет!* Мужики в смокигах уже не ползли, как огромные тараканы. *Они были тараканами!* Двухметровыми тараканами с мушиными глазами, с галстуками-бабочками и с жадными жвалами. И они ползли к ней, издавая сосущие звуки. Она обернулась и наткнулась на молодую женщину, окутанную длинными прозрачными покровами.

– *Slama!* Привет! Меня зовут Магдалина, – сказала женщина, встряхнув своими тяжелыми черными волосами. – А вас?

– Салли, – ответила Салли, отскочив от одного из огромных тараканов. – Не можете ли вы мне помочь?

– Петр! Павел! *Klo!* Хватит! Вы просто невыносимы! – закричала молодая женщина.

Два громадных таракана остановились. Один из них долго пытел, а молодая женщина внимательно, казалось, его слушала.

– Так пусть это будет ему уроком! Он так самодоволен... – сказала она наконец. – Так ведь, дорогой?

Черный мужчина в белом устало покачал головой. Потом он подошел к Салли.

– Вам пора вернуться и лечь, – приветливо сказал он.

– Лечь? Да я не хочу ложиться! Я хочу уйти! До вас это

не доходит, или что?!

– Вечно одно и то же, – вздохнул он, обращаясь к полуобнаженной молодой женщине. – Кретин этот Версус! Ну какой ему интерес оживлять вот... таких, как эта! – с отвращением заключил он, глядя на Салли.

– Его интерес в том, чтобы вывести тебя из равновесия, darling. Он всегда тебе завидовал.

Кетер обернулся к Магдалине, и Салли воспользовалась этим, чтобы вновь броситься бежать. Она никогда не неслась так быстро. Впечатление, что у нее лапы. *Но это не впечатление. У нее появились лапы. Длинные. Черные. Мохнатые. Толстые лапы. Восемь? А глаза, которые видят даже сзади... Класс! Сзади, спереди, оп-па!*

И эти лапы, которые так и чешут, кошмарно здорово! Пусть теперь эти Петры и Павлы догонят ее. Несясь сломя голову, она выскочила в большой бальный зал, стены которого были увешаны сверкающими зеркалами, и остановилась перед гигантским пауком-птицеедом со слюнявыми ядовитыми клыками. Салли отступила назад, и паук сделал то же самое. *Зеркало. Лапы. Паук. Салли.* «Это же я», – пробормотала Салли, трясая головой, и паук повторил ее движения. Потом отражение растаяло, и Салли увидела, что, голая, грязная и с выпотрошенным животом, она стоит в центре огромного зала, который пересекала красная ковровая дорожка.

Она вела к креслу, похожему на трон, вырезанному из материала, напомнившего Салли о той ртути, которую исполь-

зовали когда-то для зубных пломб. Кресло казалось одновременно и твердым, и текучим. Она прикоснулась к высокой спинке и почувствовала, что ее пальцы входят в серебристое вещество, но не могут проникнуть насквозь. Это было забавно. Она помяла пальцами подлокотник. Под пальцами стало что-то перекачиваться. «Классно», – решила Салли. Она взгромоздилась на сиденье, с удовольствием погрузив в него свой зад, покрытый мраморными пятнами. Наконец-то немного покоя. Но куда же подевался тот большой черный коп и вся его компания?

Марвин Хейс попробовал позвонить по мобильному телефону своей жене.

– Нет связи! – сказал он с раздражением.

– Можно было предположить, – откликнулась Саманта.

– Она, должно быть, с ума сходит от беспокойства! А в среду день рождения Томми.

– Сегодня среда, – заметил Герби.

Сидя на полу, Лори и Джем тихонько переговаривались.

– Ты думаешь, что тот тип и есть Боженька? – с недоверием спрашивал Джем.

– Ну, не знаю. Может быть, просто какой-то бог, – задумчиво отвечал Лори. – Я начинаю думать, что, может быть, политеисты и правы.

– Это еще кто такие?

– Язычники. Знаешь, люди настолько глупы, что не могут верить в Версуса и все такое...

– Ты хочешь сказать, что всяких богов много?

– Вот именно, макака! Если, по индейской легенде, Версус – это бог Ночи, то этот должен был бы быть богом Дня. Версус и Ректус...

– Ты имеешь в виду Ректум⁴³, – самодовольно пошутил

⁴³ Rectus (лат.) – прямой, правильный; rectum (лат.) – истинно доброе, истинная добродетель. Rectum (фр.) – прямая кишка.

Джем.

– Ты ноль без палочки! Представляешь себе: Ректум и Вагина сообщают о рождении их сына Джеремиуса.

– Над чем это вы, парни, потешаетесь? – поинтересовался хмурый Герби.

– Да так просто... Мы говорили, что, может быть, существуют и другие... – ответил Лори, с трудом удерживаясь от смеха.

– Другие?

– Другие вроде Кетера. Ну, как бы боги. Каждый отвечает за свою сферу, а все вместе ставят друг другу палки в колеса.

– А-а, как бюрократы! – вмешался Марвин. Он попытался улыбнуться. – Забавная теория! Мир, управляемый мелкими деспотами, непрерывно воюющими друг с другом.

– Ага, именно так! – продолжал, воодушевившись, Лори. – Как в Средневековье. Каждый является сюзереном⁴⁴ какого-то домена, а мы – их сервы⁴⁵. Вот только неизвестно, кому же мы принадлежим...

– Хватит богохульствовать! – неожиданно приказал Аньелло. – Есть только единый Бог! И он белый и с белой бородой, а не какая-то проклятая негритянская кожа от барабана с голубыми глазами.

– Простите, лейтенант, я, кажется, плохо вас расслышал? – произнес Марвин, приставив трубочкой к уху свою

⁴⁴ Феодал – верховный сеньор территории (домена).

⁴⁵ Полукрепостные крестьяне в средневековой Западной Европе.

темно-коричневую руку.

– Проклятая-негритянская-барабанная-шкура. Именно так, суперагент Хейс. И если, как болтает этот маленький шимпанзе, вы ищачите на какого-то там бога, то это на вашего бога Говнюка. Теперь вам все понятно?

– В жизни не поверил бы, что этот бедняжка лейтенантик способен на такие тонкости! – жеманно произнес Бадди, обвив рукою плечи Аньелло, которому показалось, что у него волосы встают дыбом от отвращения. – Бог Говнюк, вы слышали такое! Ах, как прекрасно образована наша дорогая полицейская цыпочка!

– Отпусти меня, черт бы тебя побрал! – потребовал Аньелло, пытаясь высвободиться, но Бадди держался стойко.

– А цыпочка знакома с боженькой Коулом? – продолжал он. – Потому что, если она будет продолжать в том же духе, он может напасть на ее хорошенький...

– Отпусти, или я тебя прикончу! – рявкнул Аньелло. Он резко оттолкнул Бадди и направил свое оружие ему в висок.

– А может, я все равно тебя прикончу! И прикончу вас всех! – завопил он, беря их на мушку. – Свора богохульников! Враги народа!

– Да он настоящий тигр, наш *agnelloV* — воскликнул Уилкокс, который в этот момент испытывал совершенное безразличие к смерти.

– Заткнись, индейский выродок! – прорычал Аньелло,

сузив зрачки.

– Сам заткнись, дерьмо итальянское!

– Чего?! Ты еще будешь просить прощения, дикарское отродье!

– Просить прощения? Да мне начхать на тебя, паприка в масле и святая Рита!

– Святая Рита!

Аньелло почти задохнулся. Добрая святая Рита, защитница отчаявшихся, возлюбленная его сердца в ту пору, когда он мальчиком пел в церковном хоре.

– Да я поимею ее в зад! – проревел Герби.

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш, что вы тут разошлись! – произнес тихий мелодичный голос.

Все, как один, повернули головы и увидели женщину лет сорока, с характерным средиземноморским типом лица, в длинном бело-голубом платье, с небесно-голубым покрывалом на золотисто-каштановых волосах. Ее приветливое лицо было обезображено вздувшейся открытой раной, пересекавшей весь лоб.

Саманта почувствовала, как у нее подскочило давление. Она прищурилась, но видение не исчезло.

– Хмм... простите, пожалуйста, – вежливо начал Лори, не отрывая взгляда от стигматов, – вы ведь... миссис Рита?

– Нет, я Папа Римский! – весело откликнулось видение. – А ты, м-м-м, постой, сейчас догадаюсь... Наоми Кемпбелл?!

Ошарашенный Лори отступил на шаг и наткнулся на Дже-

ма.

– Ну же, не делай такой гримасы, – добродушно продолжала миссис Рита. – Я ведь пошутила!

– Ха-ха-ха, – вяло рассмеялся Джем.

– *Affo*, ладно, извините меня, я должна вернуться туда.

– Куда? – поинтересовался Лори.

– На работу, мой милый! Как всегда, все двадцать четыре часа на посту! Я дежурю до две тысячи четвертого года нашей эры.

– А потом?

– Ну, потом переподготовка. Несколько веков я была этрусской богиней. И теперь что-нибудь да подберут. А знаете, лейтенант, они упали за матрац и зацепились за гвоздь! – обратилась она к Аньелло, застывшему с открытым ртом.

Он хотел пробормотать: «Спасибо», но Рита уже исчезла.

– Что это вы потеряли, душенька? Фото своей первой и единственной подружки? – подбоченясь, поинтересовался Бадди.

Аньелло не отвечал. Часы отца! Она знала, куда пропали часы его папочки! Он долго обшаривал эту проклятую комнату. Часы были единственной вещью, которую оставил ему старый каменщик, страдаемый раком.

– Подведем итоги, – спокойно сказал Марвин. – Нам неизвестно, где мы находимся. Нам неизвестно, что за существа здесь проживают. Нам неизвестно, можно ли отсюда уйти. Нам неизвестно, что нас ожидает. Короче, нам ничего неиз-

вестно. И Салли исчезла, – добавил он со вздохом.

– Скатертью дорога, – проворчал Герби, – у меня каждый раз мороз по коже от ее взгляда дохлой рыбы.

Аньелло не слушал, весь уйдя в свои воспоминания. Это были карманные позолоченные часы. «Большая редкость, – говорил его отец. – Ты только посмотри на эту тонкую работу!» На циферблате были изображены фигурки. Мужчина во фраке сидел на софе возле молодой женщины в кринолине. Каждый раз, как приближалась секундная стрелка, голова мужчины склонялась к голове его партнерши, словно он целовал ее. А у его папочки слезы выступали на глазах. Папочка был такой романтичный. Он так плакал в тот день, когда фараоны его забрали за то, что ему пришлось отдубасить мамочку, которая ходила в кино. «Прости меня, прости меня!» – кричал он. А потом эта шлюха их бросила, и папочка один воспитывал маленького Ральфа. Ох, как Аньелло торопился разделаться с этими подонками и вернуться к себе, чтобы отыскать потерянное сокровище. Он вынул из кармана гранату.

Осторожное движение вокруг него.

– Что вы хотите сделать с этой гранатой? – спросила Саманта тоном учительницы, севшей на *fluide glacial*⁴⁶.

– Разнести главное гнездо, – ответил он яростно. – У меня

⁴⁶ Способ розыгрыша. Раньше в пакетик наливали холодную жидкость и подкладывали на стул, теперь используют аэрозоль, создающий холодную лужицу на стуле.

целый склад, чтобы взорвать эту лавочку.

– Я не думаю, что этих созданий можно «разнести», – возразила она.

Аньелло пожал плечами. Хватит проволочек.

– Ну, там посмотрим.

– Вы хотите взорвать гранатой святую Риту? – насмешливо спросил Лори, укрывшись за Джемом.

– Ее – нет, а вот черномазого с голубыми глазами – да.

– Черт, мужик окончательно решил разнести Бога!

– Довольно! – холодно отрезал Аньелло. – По мне, так вы все можете здесь подыхать. А я исполню свой долг.

И раньше чем кто-нибудь нашелся ему возразить, он вышел. Бадди последовал за ним.

– Коул! Оставайтесь с нами! – крикнул Марвин, но Бадди только покачал головой и засеменял дальше в своих теплых сапогах.

– Да он влюблен, – скорбно определила Сэм.

– Никто не может *влюбиться* в такого Аньелло! – запротестовал Марвин. – Это все равно что влюбиться в скорпиона.

– Вот именно, у скорпионов большая...

– Герби! – сурово оборвала его Сэм.

И как раз в этот момент они заметили, что Рут Миралес тоже исчезла.

«Шериф Уилкоккс был очень нелюбезен с этим милым Кетером», – думала Рут, пробираясь в поисках своего друга че-

рез лабиринт покрытых коврами коридоров. Очень нелюбезен. Он думает, что Кетеру легко всем этим управлять? Герберту, ее покойному мужу, уже не под силу было разобраться в моторе их «доджа», ну а представим теперь, каково это – отвечать за целый мир! И вечно что-нибудь да ломается!

Пока все спорили с этим дураком полицейским, Рут подошла к бару. Кетеру необходимо взбодриться и отдохнуть. В его годы каждая минута считается за столетие! Она внимательно изучила этикетки флаконов и остановила свой выбор на жидкости янтарного цвета под названием «Стивен Кинг». Герберт прочел все его книги. «Истории, которые придумывает этот тип, могут оживить и мертвого!» – уверял он. Ну и прекрасно. Вот это-то и нужно для дорогого старенького Кетера. Немножко динамичного пунша! Но какой огромный дом. И без всяких указателей. Ну где, например, дамский туалет? И потом, все так быстро меняется. Пять минут тому назад казалось, что это казино, а теперь она шла по коридорам, отделанным золотой фольгой и украшенным мебелью из музеев Европы. Это ей что-то напоминало... ах да, дворец Сиси и Франца-Иосифа⁴⁷. «Неужели дорогой старенький Кетер женат на этой отвратительной Рите?» – вдруг подумала она, и сердце ее сжалось.

– Неужто кто-то посмел сесть на Большой Трон? – удивился Серафим.

⁴⁷ Вероятно, имеется в виду фильм 1955 года «Сиси – трудные годы императрицы».

В качестве уборщика третьей степени он следил за состоянием парадных залов. Он привел в действие все шесть крыльев и подлетел к чужаку, взгромоздившемуся на сиденье. Земная баба, голая, кавказского типа. От нее исходит зловонный запах давно скончавшегося мертвеца. На Большом Троне труп! Грязный, уже распадающийся! Он склонился, чтобы получше рассмотреть, и больше не видел уже ничего, кроме разинутой пасти.

Салли отбросила безжизненное тело того, кого она решила называть ангелом, потому что он был похож на ангела из детской книжки. Длинная белая туника, белокурые вьющиеся волосы, вид первого ученика класса, труба через плечо и белые расправленные крылья. Теперь уже не приходится говорить об облике первого ученика. «Так, значит, ангелы, представьте себе, тоже из плоти и из костей», – хохотнула Салли, обсасывая маленькую косточку. – Она перевернула безжизненное тело и стала с завистью рассматривать прекрасные белые крылья. Ну почему нет у нее таких же крыльев?! Она рванула их резким движением. Размах большой, не меньше двух метров! Ну-ка, ну-ка... Встав перед одним из огромных зеркал, она хорошенько примерилась и всадила суставную связку крыла в правую лопатку. Отлично, девочка, с первого раза! Прделаем то же и с левым. Немного поглубже, чтобы лучше держалось, вот так.

– Оп-ля! Оп-ля! – повторяла Салли, прыгая по тронному залу. – Оп-ля, я лечу!

Кетер, нахмурившись, следил за этой сценой на жидкокристаллическом экране. Бесстыдная усопшая завладела белыми крыльями и как козочка прыгает по тронному залу!

– Кажется, я теряю контроль над ситуацией, – заметил он тихо.

– Ты просто устал, вот и все. Иди сюда, отдохни! – сказала Магдалина, обнимая его гибкими руками.

Он отстранил ее и снял человеческий кожный покров. Эта штука слишком стягивает. Непрактично. Неудобно. Он повесил кожу на обломок метеорита и растянулся, испытывая удовольствие от возвращения в свое обычное полугазообразное состояние. Огромное кучевое облако, налитое водой, проплыло рядом, и Кетер нырнул в него. Возможно, паровая ванна его освежит.

– Папочка, ты видел эти большие облака? – сказал Язон, указывая на Мрак, растекавшийся ниже кромки Земли. Непроницаемый слой тяжелых густых облаков с необычайной быстротой несся в направлении против часовой стрелки.

– Мы туда спустимся? – с беспокойством осведомилась Бренда.

Аллан не ответил. Он ожидал знака, приказа, какого-нибудь указания от той сущности, которая контролировала его тело. Гигантские молнии неожиданными зигзагами прорезали густой слой лиловых облаков. Аллан почувствовал, как что-то щекочет его левую ноздрю. Вертлявый таракан. Аллан сбросил его на землю. Насекомое устремилось к краю

обрыва и бросилось в пустоту. Отлично, совершенно ясное послание.

– Пошли, детки! Держитесь!

«Ведь я уже произносил эти слова», – с тревогой подумал Аллан. Да, он уже произносил эти слова, когда, вдрызг пьяный, решил обогнать тяжелый грузовик на подъеме... Чтобы прогнать бесполезные мысли, он потряс головой, рассыпав целую тучу насекомых и личинок, и сильно вдавил пятки в бока Августа. Старый конь заржал, ударил землю копытом и разбежался перед прыжком. Летать ведь так легко!

Они с Люсией пронеслись через вихрящуюся влажную материю облаков, следуя за их потоками. Напрасно Аллан вглядывался в темноту. Невозможно понять, что там внизу, если только там вообще что-то есть.

Вдруг из сумрака возникла какая-то темная фигура в плаще с капюшоном, скрывавшим лицо. Казалось, что фигура плывет, и Аллан разглядел, что она стоит в плоскодонной лодке и гребет одним веслом. Лодка двигалась по течению переливчатого тумана, словно по спокойной реке.

– Стой! – громовым голосом воскликнул темный силуэт.

Лошади, привыкшие повиноваться властным приказам, застыли неподвижно.

Лодка медленно подплыла к ним, и Аллан заглянул под капюшон, под которым, казалось, ничего не было, кроме двух фосфоресцирующих точек на месте глаз.

– Кто вы и зачем прибыли в эти края? – спросил замо-

гильный голос.

– Мы посланцы Версуса. Мы служим нашему Господи-ну, – отвечал Аллан так уверенно, словно он всю жизнь играл в фильмах на античные сюжеты.

Капюшон приблизился, чтобы обнюхать их.

– Какого черта вы здесь околачиваетесь? – неожиданно завопил невидимка. – Вы должны быть на другом берегу! Кто разрешил вам уйти? – прорычал он, плашмя ударяя веслом по невидимой реке.

– Я уже сказал тебе, что мы посланцы повелителя Версуса! – повторил Аллан, выпрямляясь над шеей Августа. – Он призвал нас с Земли к себе.

– Вечно одно и то же, никогда ни о чем не предупреждают заранее! Метеориты вас подери! Мне до чертиков надоело все это! И куда это вы теперь движетесь?

– Мы ищем беглецов, взбунтовавшихся против нашего повелителя. Мы должны их обезвредить.

– Не пытайтесь разыгрывать передо мной средневековый фарс! Конечно, я старик, но пока еще не маразматик. Я тоже работаю на Версуса, ведь это я перевожу товар, это я – Перевозчик.

– Так и перевези нас. Время поджимает!

– Ну, не тебе заботиться о времени! Ладно, слушайте. Ви-дел я вашу дичь. Они укрылись во владениях Большого Бос-са. И он их добровольно не выдаст. Я уже слышал трубный глас. Архангел Михаил сзывает свое воинство.

– А он сильнее, чем Айвенго? – Взволнованно спросил Язон.

– Он довольно упрямый, – согласился Перевозчик. – Это он низверг архангела Люцифера...

После секундного колебания Аллан решился задать вопрос, который втайне давно мучил его:

– Но ведь Люцифер – это не Версус?

– Поосторожней, приятель! Люцифер был главой воинства Версуса. Дело в том, что он халтурщик и в результате шлепнулся задом на землю, в самом прямом смысле слова. И Версус не захотел больше его видеть. Бедняга старина Лю начал внизу свой собственный бизнес, надо же как-то выживать...

«Значит, ни я, ни малыши, мы не подчиняемся Сатане», – подумал Аллан. И никто не говорил, что Версус олицетворяет Силы Зла. Возможно, Аллан и в самом деле некий доблестный рыцарь, вернувшийся из загробного мира. Успокоившись, он вернулся к своим непосредственным проблемам:

– А воинство этого Михаила – это армия людей из плоти?

– Армия из жидкого металла, по внешнему виду как люди.

Когда пытаетесь разорвать их плоть, ваши зубы попадают в расплавленную сталь и вы гибнете.

– И что же нам делать?

– Наш Господин Версус убедил принцессу Нике⁴⁸ поднять

⁴⁸ То же, что Персефона. В греческой мифологии – ночь, персонифицированное явление природы. Ее братьями являются Эреб (Мрак) и Эфир (Небо), а сест-

свое воинство и прийти вам на помощь.

– А как она собирается бороться с воинством Михаила?

– Жар жизни не выносит холода смерти. Воинство принцессы Нике обрушит ледяные потоки на огненных созданий Михаила.

– Честно говоря, Перевозчик, я не понимаю, зачем мы сюда явились, – вздохнул Аллан.

Рискуя опрокинуть лодку, Перевозчик выпрямился и длинными высохшими пальцами вцепился в запястье Аллана.

– Вы новая раса! Раса, которая должна вытеснить ту, другую... Вы надежда Версуса! Исход этой войны решит судьбу дурацкого человечества. Для нас, рядовых безвестных труженников, настал час реванша! – закончил он, воздев руки к небесам. – Народ Ночи тоже нуждается в свете Дня! Вперед! И да поддержит вас ненависть Версуса!

Он подстегнул Августа, и тот устремился вперед. Першерон не очень-то разобрался в том, о чем говорил старик, но хорошо понял, что будет битва. Ни он, ни Люсия никогда не видели битвы. Их прадед Ансельм во время мятежей на Севере был в конной жандармерии, и они с любопытством представляли себе, каково это – топтать обезумевших людей среди волн слезоточивого газа.

– Значит, мы переходим на другую ферму, – задорно улыбнулась Люсия.

Август тоже так думал. Он испытывал восхитительное чувство, что снова стал бесстрашным жеребенком.

Бренда кипела: никто не обращал на нее внимания, а к тому же еще надо будет слушаться эту дуру Снежную Барби. Язон размышлял, замужем ли Никс и бывает ли так, что однорукие карлики женятся на принцессах

Михаил, освобожденный от вонючего лассо, вновь обрел свое величие. Его голова рептилии отливала изумрудным блеском. Оседлав строптивого птеродактиля, он захлопал на звездном ветру своими длинными крыльями. За его спиной сотни крылатых созданий в смокингах, скрыв свои мушиные глаза за стеклами серебристых очков, уселись на сверкающие мотоциклы «харлей дэвидсон».

Это зрелище предстало перед взором опешившего Аньелло. Покинув сборище тупиц, он бежал по бесконечным коридорам с бесчисленными лифтами, а потом выскочил на эспланаду из белого мрамора, нависавшую над грозowymi небесами. И там, расположившись в небесах, готовилось к битве воинство Михаила. «Похоже, что главный крокодил в этом разбирается», – подумал Аньелло, с первого взгляда признав в нем профи. Да и парни, кажется, совсем не равнодушны. Значит, скоро будет жарко. Но против кого или чего? Маленькая стычка между пришельцами? Пусть бы они до конца перебили друг друга!

– Всегда обожал костюмные фильмы!

Ну, нет! Опять этот извращенец! Аньелло вздохнул и ничего не ответил. Бадди размышлял, что же такое с ним произошло. Почему он упрямо таскается за этим фашиствующим безмозглым самцом? Как тому удастся быть соблазнительным при таких грубых скулах, маленьких глазках как голубые камешки, тонких губах, похожих на красный шрам? Одумайся, Ричи Бадди Коул, этот тип просто сволочь. И точка! Дурак и сволочь! И мелкий. И тщедушный. И рожа, обожженная лошадиной мочой. Вместо рук гранаты. Сразу видно, что это НПЭП: Не Прикасаться, Это Подонок.

Он повернулся другим боком, и его рука почти автоматически легла на плечо Аньелло. А там, возникая из Мрака, тяжелой поступью выступали все новые орды бледных истощенных созданий, и из их высохших глоток вырывалось пение «*Confutatis maledictis*»⁴⁹ из неоконченного «Реквиема» Моцарта, звучавшее как приглашение к концу света.

– Воинство мертвецов! – пробормотал Бадди, отступая назад.

Голая женщина с черными как смоль волосами, венцом окаймлявшими голову, двигалась, не делая ни единого движения. Ее кожа отсвечивала лунным светом, в ее глазах светились молнии, и Бадди был принужден отвести от нее взгляд.

Как произошло, что, отправившись в Альбукерк на небольшую прогулку на воздушном шаре, он оказался в цен-

⁴⁹ По-русски эта часть «Реквиема» носит название «Посрамив проклятых...».

тре стратосферы в разгар межбожественной войны – или какой-то другой веселой шутки? Не пролетает ли здесь челночный космический аппарат или какой-нибудь старый спутник? Ну, что-нибудь такое, за что можно уцепиться?

Аллан замедлил скачку. Там, впереди! Длинная колонна согбленных силуэтов, их руки висят, взгляды алчны, они окутаны отвратительной вонью, как невидимым коконом. Даже он, Аллан, их собрат, ощущает запах смерти, упорный, тяжкий, безнадежный запах смерти. Из каких лимбов извлекла их принцесса Нике, от какого сна пробудила?

– Папочка, мы вернулись домой! – запищал Язон, помахивая колонне ручкой.

Да, они вернулись домой. К вратам Ада.

Кетер был в тронном зале. Он пребывал в задумчивости. Сидя на Большом Троне, он размышлял, а молекулы его существа смешивались с молекулами кресла. Он сделал все, чтобы избежать войны, но дело зашло слишком далеко. Версус решил нарушить пакт, обратить вспять воды реки времени. Мертвецы, заполняющие Землю, пожирающие ее из-за своего ненасытного аппетита. Живые, в конечном счете, изгнанные и наказанные за самую дерзость своего существования. И это означало конец этого света. Полная победа разума над материей, а следовательно, и ее исчезновение. Он вздохнул. Жребий брошен, остается только ждать. Он поднялся и тяжелым шагом направился к своим покоям.

– Будет жарко! – вздрогнув, констатировал Джем.

Собравшись у большого окна, они наблюдали за армиями, расположившимися по обе стороны широкой равнины лилового тумана.

– Смотрите, вон там, маленькие черные точки, которые мчатся во весь опор, это наверняка Мак-Мюллены! – кричал Лори, прищурившись, чтобы лучше видеть.

– Все стервятники похожи друг на друга, – проворчал Герби. – Аньелло прав, надо бы все взорвать.

– Эти существа и эти края не подчиняются нашим физическим законам, – возразил Марвин.

– Но мы ведь знаем, что их можно уничтожить огнем.

– Да, и я даже предполагаю, что тому ящеру, взгромоздившемуся на летающего динозавра, тоже это известно и что он лучше нас разбирается в проблеме.

– Это архангел Михаил, предводитель божественного воинства! – объяснил Лори, очень гордый своими познаниями, полученными от тетки.

– Перестань нам надоедать, – заявил ему Герби. – Ты отлично видишь, что здесь ничто не похоже на христианские рассказы.

– Но я вижу архангела Михаила, – заупрямившись, продолжал настаивать Лори.

– Угу, и у твоего архангела омерзительная рожа!

– Совсем такая же, как у тебя по утрам, – пошутила Сэм, чтобы разрядить обстановку.

Джем вновь подумал, что Саманта Вестертон очень мила и привлекательна и что ему в будущем нужна именно такая жена. Если это будущее наступит. И вдруг он задумался, не находится ли его дед в воинстве мертвецов. Его родители сгорели, а потому вроде бы не должны участвовать. Ну а дед? Дед умер, сражаясь с мертвецами, но теперь он и сам был мертвецом. Мог ли он послушаться Повелителя мертвых? Мысль, что дед идет на приступ вместе с тысячами изможденных трупов, опьяневших от чужой крови, что, попав в новые обстоятельства, дед вынужден действовать против своих убеждений, – эта мысль была для него мучительна. А если он

окажется лицом к лицу с дедом, хватит ли у него мужества сжечь его?

– Нужно вооружиться, – сказал всегда практичный Марвин. – Сделаем из нашей одежды и из пороха от пуль факелы, которые можно будет зажечь.

– У меня такое впечатление, что мы снова вернулись на два года назад, – вздохнул Герби, снимая рубашку.

– Жизнь – это вечное возобновление, – вяло откликнулась Саманта.

Герби пожал плечами и решил, что ему надлежит вскрыть патроны и сыпать порох в маленькие горки. Тело его покрылось испариной. Сэм разрывала рубашки на неровные ленты. А Марвин с сожалением смотрел на свою. Шелковая рубашка за двести долларов! Джем и Лори устроились в уголке, потому что Лори стеснялся своих торчащих ребер и тощих рук, а Джем – густых завитков, произраставших у него под мышками.

– Ну-ка, ребятки, помогите, надо сыпать порох на ткань, а потом накручивать ее на стержень. Можно использовать ножки стульев, если только это действительно стулья, – сказала Сэм.

Джем схватил за ножку одно из сидений, окружавших стол для покера, и сильно дернул. Ножка с треском отвалилась. Потрясая ею как дубиной, он слегка стукнул по голове Лори, который пронзительно вскрикнул.

– Ага, похоже, что это действительно дерево, – сказал

Джем, расплываясь в улыбке.

– Ты чего, больной или как? Ты же мог раскрыть мне череп! – запричитал Лори, потирая голову.

– Ну ладно, не будем терять времени, – остановила их Сэм.

Услышав раскаты грома, Рут подошла к большому углублению в стене. Шла подготовка к Великому Дню. Затрубят трубы, мертвые восстанут, и на Великих Весах будут отделены зерна от плевел. А Герберт? Вернется ли он? При мысли об усопшем супруге ее сердце болезненно сжалось. Она не знала, что вместе с остальными зомби Герберт сгорел в огне Джексонавилля, и полагала, что он продолжает мирно покоиться в их семейном склепе. Но зато она точно знала, что, несмотря на свою любовь к нему, не испытывала желания вновь с ним увидеться. Потому что – и в этом следовало честно признаться – все ее помыслы были устремлены к Кетеру.

Салли застыла на корточках на самой вершине высокой мраморной башни. Как ожившая горгулья, она наклонилась вперед, чтобы наблюдать за полем битвы, и с удовольствием ощущала, что ветер врывается в ее выпотрошенное нутро и овеивает приятной прохладой разошедшиеся ребра.

Лебедь-крокодил собрал своих дружков-приятелей и готовился нанести поражение парням, собравшимся напротив. Очень малоприятным парням, собравшимся напротив. По внешнему виду это такие же, как и она, несчастные жерт-

вы. Изуродованные, израненные, изголодавшиеся, измученные... Бабенка, которая без лошади скакала рядом с ними, была устрашающе бледна. Она почти фосфоресцировала. Наверняка ее облучили плутонием. А ее козлиные ноги! Ох, какое несчастье! Салли колебалась, как ей вести себя дальше. Примкнуть к бунтовщикам или воспользоваться заварушкой, чтобы сбежать? Вернуться домой. Приготовить вкусный пирог с кровавым фаршем и апельсиновым цветом, поджарить *уши Джо* с золотистыми початками кукурузы. Но, с другой стороны, есть шанс сойтись врукопашную с этими крылатыми мерзавцами, нанести им поражение, которое навсегда отучит их проводить свои гнусные псевдомедицинские опыты...

Она повернула голову и заметила внизу на террасе две фигурки. Маленький замухрышка и жеманный типчик. Минуту она следила за ними, надеясь, что появится индеец шериф. Вот он – мужик так мужик. Крепкий. Высечен из камня, это точно. Она представила, как сворачивается клубочком в его сильных руках. И тем хуже для Джо, пусть знает, как трахаться с той потаскухой. И какой же надо быть дурой, чтобы убиться, наткнувшись на стену! При воспоминании о мозге, стекавшем по штукатурке стены, она бессознательно облизнула губы.

И вдруг, приняв решение, она грациозно вспорхнула и полетела в эфирной лазури.

Келлерманша, порхающая по воздуху, как какой-нибудь

людоедский слон Думбо...⁵⁰ «Ситуация не улучшается», – подумал Бадди, укрывшись под гранитным выступом. Если эта сумасшедшая толстуха считает себя птичкой, то она вполне может шлепнуть им на голову мешок гуано.

Услышав шум шагов на эспланаде, Бадди обернулся. Картина стала уже привычной – впереди агент Хейс, за ним агент Вестертон, потом озирающийся с воинственным видом шериф Уилкокс и парнишки, замыкающие шествие. Бадди ощутил прилив уверенности, словно рядом оказались добрые знакомые и родственники. Надежда, внушаемая фараонами! Просто представить себе невозможно.

– Нужно найти главное гнездо, – упрямо проворчал Аньелло, склонившись над парапетом.

– Главное гнездо? – глупо повторил Бадди.

– Как у муравьев, – раздраженно объяснил Аньелло. – Эти вот – просто воины, это только видимая часть муравейника. Необходимо найти гнездо и уничтожить его. То место, где эти твари воспроизводятся и хранят свои личинки.

– Личинки?

– Прочисти уши, Коул! Именно личинки. Знаешь, такие маленькие беленькие штучки, они растут и превращаются в бабочек или в крылатых крокодилов, – прорычал Аньелло, увлеченный своими объяснениями.

Бадди смотрел на него с удивлением. С каждой минутой, проведенной в этом странном месте, Аньелло становился все

⁵⁰ Персонаж фильма «Тарзан».

более язвительным и, не будем скрывать, более умным. И одно это уж не было ли чудом?

– Послушайте, лейтенант, речь идет не только о пришельцах, – вмешался Хейс, который слышал все это. – Речь идет о созданиях, имеющих власть над человеческой жизнью. Нам неизвестно, что может произойти на Земле, если мы разрушим их... гнездо, как вы говорите.

– Экологическая чепуха! И вообще, делайте, что хотите, и перестаньте ко мне липнуть.

– Мне и в голову не могло бы это прийти. Мы пришли посмотреть, что новенького.

– Ну, так приятного зрелища.

Прежде чем удалиться, Аньелло козырнул по-военному. С него хватит всех этих выродков. Он взорвет это местечко, а Бог сам разберется, где свои. Свои – это белые люди арийской внешности, опрятные, коротко стриженные, со светлыми глазами.

В покоях, где отдыхал Кетер, царил тишина. Он положил руку на черное зеркало, в котором отражалась его звездная сущность. Кетер был звездой-карликом, с телом, раскаленным до температуры непрерывного молекулярного преобразования. Газообразное состояние, полужидкое, переохлажденный кристалл – во все периоды жизни его подвижная структура постоянно перестраивалась. И он знал, что Версус подобен ему. Оба родились в результате столкновения Хаоса и Мрака. Нынешние человеческие существа и представить

себе не могли, до какой степени греческая космогония была близка к действительности. И сегодня, через миллиарды лет после Большого Взрыва, он жил все в том же герметичном мире, не зная, что его к этому побуждало. Он Бог в масштабах этой галактики, каждую секунду задающийся вопросом, почему он был порожден.

Кетер почувствовал, как увеличивается давление и невыносимая боль пронизывает его энергетические потоки. Его охватила тревога. Он еще раз видоизменился, но это не был обычный органичный цикл, это было нечто, что затрагивало самую глубокую его сущность. Невозможно противиться. Его пронизывали резкие потрясения, и во все стороны сыпались искры. Это случалось и раньше, но сейчас у него было ощущение, что частота потрясений увеличивалась. Он попытался этому противостоять. Тщетно.

То, что в нем было сущностью «Кетер», сжималось, раздавленное чудовищным прессом, парализованное возрастающей болью. Свет вызывал ужас. Он жаждал ночи, глухой, глубокой, а свет был гвоздем, вбитым в его душу. С громopodobным жалобным вздохом он застонал: «*Limmo?! Limmo?!*» — хотел позвать на помощь и обнаружил, что не помнит ни своего имени, ни места, где находится. Он попытался в ужасе ухватиться за стойки зеркала из жидкого золота, но оно опрокинулось и низвергло его в темный коридор, скрыв от глаз Магдалины, которая как раз входила в комнату.

– Darling? – неуверенно окликнула она, переводя взгляд

своих темных глаз от дымящегося зеркала к раскаленным искрам.

Она знала, что у него часто бывали такие кризисы. Он пропадал и возвращался, не сознавая того, что творил во время своих отлучек, и того, куда отлучался. Состояние распада сознания. «Это подобно тому, что ты оказался распятым!» – заметила она однажды в шутку, но его это не рассмешило. Совсем не рассмешило.

Она обследовала комнату: куб, вырезанный в материи, похожей на черный гранит, с полупрозрачным потолком и совершенно пустой, если не считать венецианского зеркала, занимавшего одну из стен. И никакой мебели. Кетер, как и она, не нуждался в отдыхе в человеческом смысле слова. Она пощупала еще теплые стены. Он был здесь перед самым ее приходом, она была в этом уверена. И она знала, что он не может стать по-настоящему бесплотным. Изменить свою внутреннюю структуру – пожалуйста. Обвести людей, исчезнуть у них на глазах, превратившись в воду, в огонь или в любую другую стихию. Но не бесследно полностью исчезнуть. Ибо четыре стены и прозрачная крыша этой комнаты обладали свойством препятствовать утечке любых молекул. Решив проникнуть в тайну, она начала миллиметр за миллиметром ощупывать стены. «*Rahitta, rahitta*, девочка», – подумала она. Без спешки, без спешки. Но едва только Магдалина начала свое расследование, как звуки труб, возвещавших начало битвы, заставили ее спешно покинуть комнату.

Трубы затрубили, тучи рассеялись, засверкали молнии, и оба воинства с оглушительным воем устремились вперед. В небе грохотали «харлеи», их зеленоватые морды сотрясались. Джем вдруг схватил Лори за руку:

– Лори, мотоциклы...

– Хочешь, чтобы тебе подарили такой же к Рождеству?

– Мотоциклы...

Лори пригляделся. Мотоциклы с длинными дрожущими усиками-антеннами издавали пронзительный свист, а *их длинные хромированные лапы* быстро двигались.

– Саранча! – воскликнул Джем. – Это облако гигантской саранчи. Вроде той, что мы собирали в Сьерре. Огромные фары – это их глаза, а рули – жвала.

Завороженный Лори согласно кивнул. Длинные жесткие лапки насекомых погружались в плотный туман. Оба воинства мчались друг на друга, скатываясь по склону воронки, созданной тучами.

Перелетая то туда, то сюда, Салли заметила вдруг мужчину и двух детей рядом с мертвенно-бледной женщиной, которая с воплями неслась в атаку. Вероятно, она ошиблась на их счет. Салли подлетела к ним и тяжело опустилась на круп Августа. Аллан резко обернулся. Тетка из морга! Наконец-то она сообразила, что они находятся по одну сторону.

– Где они? – спросил Аллан, подогреваемый воинственными кликами. Кроме того, его возбуждала мысль, что он близок к достижению цели своей миссии.

– Наверху, на террасе. Им надо помочь, потому что они спасли мне жизнь...

– Помочь? – присвистнул Аллан. – Им *помочь*? Ну да, конечно... мы им поможем, правда, ребятки?

Дети радостно заулыбались. Грязные и неухоженные, отметила про себя Салли.

– Вы предупредили средства массовой информации? – спросила она.

Аллан недоуменно на нее уставился.

– Надо до конца разоблачить это дело! Всемирный заговор, когда живых людей подвергают вивисекции ради тайных целей фармацевтических лабораторий! Новость века номер один! – объяснила она, в потоке своей порывистой речи выплевывая голубоватые личинки.

– Да-да, я думаю, что они уже этим занимаются, – невнятно пробормотал Аллан. – Ладно, мы пойдем помочь вашим друзьям. А вы оставайтесь с войсками, так вы будете в большей безопасности. Нике! Мы должны исполнить нашу обязанность! – крикнул он решительным тоном.

Женщина с мертвенно-бледным лицом обернулась, взмахнув волосами как огромным черным плащом. Ее глаза горели, словно угли.

– Ты нашел... друзей моего отца? – спросила она голосом, похожим на шипение гремучей змеи.

– Они там, я ими займусь. Да сопутствует тебе удача!

– Сегодня вечером наступит конец Дня, – ответила она с

загадочной улыбкой.

«Да, это уж точно», – с удивлением подумала Салли, торопясь за той, кого называли Нике.

«Да-да!» – следуя за папочкой, твердил про себя торжествующий Язон. Колдовство, феи, волшебные шпаги, злые драконы, Золушка, сказочный принц... Он и раньше знал все эти слова, и вот наконец он входит в книгу волшебных сказок, которую читала ему мамочка. И может быть, мамочка тоже здесь, где-то совсем рядом, может быть, она подойдет и обнимет его.

Салли огляделась и увидела, что теперь тучи взвихрились стеной, окружавшей равнину лилового тумана.

Окруженные красноватым сиянием, войска лебедя-крокодила неслись шумной лавиной. Никс выпрямилась, ее волосы развевались по воздуху, и Салли вдруг показалось, что черные пряди извиваются и шипят, как змеи. Голосом, словно исходившим из недр земли, Никс воодушевляла свои войска на битву. Ее ледяное дыхание застывало в воздухе сияющим инеем. Оно коснулось Салли, как холодная ласка, и покрыло ее кристаллами. «Головастая баба, эта Никс», – подумала Салли. А потом у нее уже не было времени думать, потому что началась битва.

Оба воинства столкнулись с оглушительным грохотом. Яростная схватка. Потoki раскаленной лавы струями вылетали с поверхностей облаков. Снежная буря замораживала лапы саранчи, которые разбивались, как стеклянные. Скре-

жет костей на зубах. Вонь горелой плоти.

«Нет, – подумал Лори, – все эти существа состоят не из настоящей плоти. Воняют их души. Протухшие, как и их тела. Тошнотворные души, чахнувшие в водовороте облаков с фиолетовыми отсветами».

– Черт подери, мужик, да это просто фильм «Апокалипсис сегодня»! Посмотри-ка! – твердил растерявшийся Джем.

Лори не отвечал, вцепившись руками в балюстраду. Неужели мертвецы победят? Может ли это быть в порядке вещей? Во всяком случае, их несметные волны обрушивались на армии архангела, как толпища красных муравьев, пожирающих все на своем пути. И вот уже трупы, жаждущие мести, начинают карабкаться по высоким стенам из розового порфира.

– Я думаю, что нам лучше смыться, – сказал Герби. – Здесь бесполезно расходовать наши припасы.

– О'кей, срочное отступление, – подтвердил Марвин, раздавив каблуком сухую кисть руки, зацепившуюся за балюстраду.

От руки оторвались пальцы, и внизу раздался глухой звук. Никто не заметил, что Мак-Мюллены покинули поле боя и направились к дворцу.

После утомительного пути патруль прибыл в Парадиз-Маунтин и остановился в паркинге Сентер-Плас. Продрогшие мужчины вышли в ледяную ночь. Казалось, что вокруг все мирно спят. В окнах ни одного огонька. Даже уличные фонари были погашены.

– Авария на электросетях! – заметил сержант Фюртерер, седой старый вояка, отгибая наушники своей фуражки. – Свет! – отдал он распоряжение капралу Мартину, дыхание которого вырывалось белым облачком.

Мартин, добродушный рыжий гигант с лицом, усеянным веснушками, включил свой фонарь, и вся группа направилась к полицейскому посту, вывеску которого раскачивал ветер.

Мартин сильно постучал в старую железную дверь, та тотчас распахнулась, а за ней оказалась комната, погруженная в темноту. Мощный фонарь Мартина высветил письменный стол, заваленный бумажками, и три фигуры, одна из которых была в униформе.

– Я сержант Фюртерер! – рявкнул сержант. – Что здесь происходит?

– Здравствуйте, я помощник Ди Паскаль, – ответил сидевший против него мужчина. Он был бледен и казался измученным. Его грязная фуражка была надвинута на самые

уши. – У нас здесь авария.

Фюртерер сделал шаг вперед. В конторе находились две женщины. Одна, с белым тюрбаном на голове, сосредоточенно чистила ружье. Другая, повернувшись к кофеварке, очевидно, пыталась привести ее в действие.

– А где шериф Фишер?

– Отправился патрулировать местность в районе Трех Ферм. Там недавно прозвучали выстрелы. Не можем связаться с ним по радио, он не отвечает.

Фюртереру приходилось напрягаться, чтобы понять, что говорит помощник. Эта деревенщина разговаривает, будто у него каша во рту. Фишер пропал. Ну ладно. Он глубоко вздохнул, поняв, что ночь будет долгой, холодной и трудной.

– Мы уже несколько часов пытаемся с вами связаться. Мы получили вызов Фишера в начале вечера. Это была просьба о помощи.

– Не знаю. Когда я прибыл на пост, он уже уехал, но оставил мне записку...

– А где остальные помощники?

– Это Гарри и я. Но Гарри прикован к постели.

И это не было ложью, потому что Ванья и Джоанна немного позабавились с Гарри, используя набор инструментов.

Фюртерер удивился про себя, как эти трое умудряются работать в темноте.

– Покажите эту записку.

– Не помню, куда я ее положил... В потемках ее непросто

отыскать... – неохотно объяснил Ди Паскаль.

Фюртерер начинал терять терпение.

– Где у вас материальная часть, положенная по уставу? Проекторы, оборудование для оказания помощи, сигнальные ракеты?

– Все это в помещении гауптвахты, а ключ у Фишера...

– Но это ведь полнейший идиотизм! – взорвался сержант Фюртерер. – Ладно, возьмите трех человек, Мартин, и пройдитесь по деревне. Помощник Ди Паскаль, вы можете сесть за руль нашего грузовика и отвезти моих людей в район Трех Ферм?

– Без проблем. Оставляю контору на вас, девочки!

Женщины ответили невнятным бормотанием. Чудо, что за обстановка!

– И кто же это? – спросил Фюртерер, указывая на неясные фигуры.

– Моя жена Джоанна и Ванья, наша секретарша.

– Очень рад...

Новое бормотание, которое могло сойти и за приветствие. Помощник уже вышел и нетвердой походкой направлялся к грузовику. Похоже, этот тип пьян. Конечно, этим все и объясняется! Все они нализились в стельку!

А бедняга старикан Фишер, может, погибает сейчас где-нибудь в сугробе. Он услышал, что грузовик тронулся и стал подниматься в гору.

– Нельзя ли попросить у вас немного горячего кофейку? –

сказал он, подойдя к Джоанне.

– Кофеварка не работает, – любезно ответила та, повернувшись к нему. Ее единственный глаз дергался на раскромсанной щеке.

Фюртерер прищурился. Тень фонаря искажала действительность. На какую-то секунду ему показалось, что перед ним страшно изуродованное лицо.

– Я тоже с удовольствием выпила бы что-нибудь теплое, – заметила, приближаясь, вторая женщина.

– Жаль, что кофеварка сломалась, – ответил Фюртерер, испытывая возрастающее беспокойство. *Что-то было не так. Совсем не так.*

— Кофеварка-то сломалась, а вот вы – нет, – сказала Джоанна, поднимая голову. Ее длинные зубы отсвечивали, как лезвия бритвы. *Длинные зубы?*

– А к тому же кофе вреден для здоровья! – поддержала ее Ваня, прижимаясь своим рылом к шее сержанта.

– Ага, от кофе не спишь! – хором прорычали обе женщины, захлебываясь от смеха.

Фюртерер уже выхватил пистолет и выстрелил в упор. Не для того он выжил во Вьетнаме, чтобы его захватили истеричные дамочки-киллеры. Голова Джоанны разлетелась, а ее сведенные пальцы исполосовали парку сержанта, разодрав ее с такой легкостью, словно она была из бумаги. Он почувствовал, что его кожа разрывается, и, не веря себе, увидел, что кровь хлещет на рубашку. Он хотел развернуться, чтобы рас-

колоть и голову «секретарши», но не успел. Та что-то вонзила ему в шею, что-то, что могло бы оказаться языком, если бы языки были из острой стали, а может, она вонзила дрель, да-да, перфоратор ударного действия, вроде того, что пода-рили ему родители в день, когда ему исполнилось тринад... цать... лет...

Хихикая как школьницы, молодые женщины прикончили угощение, а Лео тем временем вынимал из грузовика куски солдат и бросал их детям, которые сидели на корточках в снегу.

Мартин и трое патрульных поднимались по главной улице. Все было закрыто. Ни одного укромного местечка, где можно было бы покурить.

– Капрал!

– В чем дело?

Гутман с удивлением рассматривал свои сапоги.

– Кажется, я наступил в лужу крови.

Мартин подошел поближе. Действительно, большая лужа чего-то красного и блестящего вытекала из подъезда. Он осветил ее лучом фонаря. Кровь или красная краска вытекала из-под закрытой двери и еще не впиталась в снег. Все четверо немедленно встали в боевую позицию. На двери висел медный молоток, украшенный венком из остролиста. Мартин сильно постучал молотком, и удары замерли в могильной тишине. На пороге появился маленький мальчик в красно-белой пижаме. Он обгладывал куриную ножку.

– Привет, сынок, – сказал Мартин, немного наклоняясь вперед. – Родители дома?

– Да, – ответил ребенок. – Они смотрят телик.

Какие-то штучки. Черные тараканы. Огромные. Мартин оглянулся на спутников. Телик? Когда в деревне нет электричества? Он снял оружие с предохранителя и проследовал за мальчуганом.

– Вот, – сказал малыш, отступая в сторону, чтобы пропустить их в уютную гостиную, обставленную по старинке.

Сидя на цветастом диване, мужчина и женщина пристально смотрели на пустой экран телевизора, по которому двигались черные пятна.

Мартин кашлянул. Пара не шелохнулась. Он почувствовал резкий прилив адреналина. Малыш уселся на полу рядом с большой куклой и опять принялся за свою куриную ножку.

Мартин обошел диван. Глаза мужчины и женщины были устремлены в одну точку. Их выпотрошенные тела походили на широко распахнутые шкафы. Кровь растекалась повсюду, пропитывая обивку, ковер, паркет. Гутман с трудом сдержал приступ рвоты! Какая бойня! В жизни не видел ничего подобного!

– Они смотрят тараканий балет, – неожиданно объяснил мальчуган, указывая на экран.

– Балет... – тупо повторил Мартин.

На экране действительно что-то копошилось. Тараканы. Огромные. Мартин почувствовал, что по спине у него за-

струился пот. Он прочистил горло:

– Послушай, малыш, забирай-ка свою куклу и пойдем с нами, о'кей?

– Балда, это не кукла! – ответил парнишка, дернув куклу за ногу и оторвав ее, словно резиновую. – Это моя сестричка!

И в эту самую минуту Мартин увидел, что куриная ножка была на самом деле ручкой пухленького младенца. В полном смятении он обернулся к своим товарищам и наткнулся на два трупа. Они широко улыбались.

– Как это мило, что вы пришли нас навестить, – произнесла женщина птичьим голосом.

– Капрал! – нацелив автомат на собственные ноги, покрытые блестящими насекомыми, позвал Гутман заплетающимся языком.

Мартин обвел комнату взглядом.

– Вы не это ли ищете? – спросил труп мужчины, потряхивая двумя аккуратно отрезанными головами.

Головами двух его солдат.

– Капрал! – вновь простонал Гутман, которого уже до половины тела скрывала черная шевелящаяся масса.

– Хочешь? – спросил Мартина мальчуган, протягивая ему маленькую розовую ножку.

Теперь скрылось и лицо Гутмана. Только из открытого рта, заполненного насекомыми, вырывался приглушенный крик.

– Вы ведь останетесь с нами обедать? – спросила женщи-

на, звонко рассмеявшись.

– Ну конечно же, дорогая, он останется, ведь он и есть наш обед! – фыркнул в ответ ее муж. Он отвел взгляд от Мартина и крикнул: – Ей, Джед, перестань нажираться младенцем, ты испортишь аппетит!

Мартин сунул дуло своего автоматического пистолета в рот и нажал на спуск. Это вызвало гневные крики, но он их уже не слышал.

И вновь деревня погрузилась в тишину, в чуткую тишину. Жители заранее облизывались в предвкушении скорого приезда туристов.

Лошади с грохотом опустились на террасу, растоптав несколько мертвецов, которым удалось туда забраться.

– Туда, туда, папочка! – вопила Бренда, указывая пальцем на лестницу, ведущую вниз, во дворец. – Они убегают!

– Это Мак-Мюллены! – крикнул Герби.

Следуя за Марвином, они скатились по винтовой лестнице, вырубленной в камне вулканического происхождения. Ржание лошадей, устремившихся за ними в погоню, эхом отзывалось под сводами, их, копыта выбивали из ступеней искры, и такой знакомый запах протухшего мяса, липкий и тошнотворный, как потная порочная рука, полз вниз по стенам.

Саманта почувствовала, что эта рука легла ей на грудь и сильно ущипнула за сосок. И вот она вновь в той комнате, куда привел ее мужчина. Она была такая маленькая и такая

испуганная. Она уже точно знала, что мужчина сделает ей ужасно больно. «Герби такой же, как он, – нашептывал голос с невидимыми пальцами. – Ему понравилось бы причинять тебе боль. Ему понравилось бы привязывать тебя и обладать тобой так, как ему захочется. Когда ты спишь, он склоняется над тобой и проводит острием ножа по твоим грудям, а ты думаешь, что он тебя любит. Дура несчастная. Ему понравилось бы вспороть тебе брюхо, затрахать тебя до того, чтобы твой живот лопнул и открылся...» Сэм затрясла головой. Глупости. Смешные глупости. Запах потерял над ней свою власть. «Это я мечтаю отрезать ему яйца, – шепнула она запаху. – И играть ими в шары. Я и у твоего хозяина отрежу яйца».

Ощущение когтистых лап на лице, кто-то дергает за волосы, и вот запах пропал.

Лори почувствовал этот запах между ног и, споткнувшись, едва не упал. Его удержала сильная рука Джема.

– Оставайся с нами, пареньь.

– Ты чувствуешь?

– Ага. Прогулочка в Диснейленд...

Запах старался их повалить, он был подобен мощной и вязкой волне, по которой они скользили. За ними в треске искр приближался топот копыт лошадей. Джем сопротивлялся изо всех сил. Он отказывался слушать шелестящее бормотание, которое закрадывалось в рот и в уши. «Ты проклят. Все, кого ты любил, умерли. Родители. Дед. Он умер

из-за тебя. Из-за твоей привычки вмешиваться во все, что тебя вовсе и не касается. Потому что ты – трепло. Ни одна баба не взглянет на тебя. Ты слишком глуп. Взгляни на свои ножищи. Ты дурак-деревенщина. Внук алкоголика, торговца железным ломом. Ты дерьмо, обутое в ботсы сорок четвертого размера. Сегодня ты девственник, а завтра – импотент... » Джем напряг мускулы, разгоняя воздух перед собой сжатыми кулаками. Он ткнул кулаком в стену и почувствовал, как боль поднимается к локтю. Гнусная вонь отхлынула, ощущение от ее прикосновения постепенно исчезло. Джем взглянул на свой кулак и вновь ударил им по камню. Слепляющая боль. Он представил себе, что разбивает кулаком ненавистную рожу Аллана Мак-Мюллена, и пошел дальше, раздавая удары в пустоту.

Лори казалось, что его ноги не касаются земли. Просто какой-то дух, летящий по кротовому ходу. Каждый раз, когда он готов был упасть, Джем подхватывал его на лету, и Лори испытывал унижительное чувство, что он кукла в руках гиганта. «Но ты, парнишка, и есть кукла. Ты был любимой куколкой твоих мамочки и папочки, ты любимая куколка твоей тетечки, ты куколка Джема, его так называемый дружок, его негритенок, шут короля. Где это ты видел, чтобы негритята из Новой Мексики изучали ядерную физику в Гарварде? Ты себя в зеркале-то видел? Ты же просто маленький шимпанзе. Если бы мать тебя действительно любила, она бы не попыталась тебя сожрать! Если бы отец действительно тебя

любил, он бы этого не допустил! Ты вечно болтаешь, всем надоедаешь, ты просто мерзкий черный гном. Сын Мрака. Король Обезьян». – «Я – это я, – возражал Лори. – Я представляю собой единственную и неповторимую комбинацию атомов, я частица мироздания, я человеческое существо, то есть живая и думающая материя, а ты, ты – ничто, ты просто тень, туман, вонючее пуканье дурной мысли, которое быстро рассеивается и не имеет никакой реальной силы. И я не боюсь тебя».

– Я не боюсь тебя! – вдруг заорал Лори. От его крика Марвин подскочил, остуился и заскользил вниз.

Сэм не успела увернуться и упала на него, а Герби безуспешно старался удержаться, ухватившись за осклизлую стенку. Лори, вытаращив глаза, попытался подражать олимпийскому чемпиону по прыжкам и приземлился прямо на Марвина, который как раз поднимался. Джем увидел перед собой свалку, он чувствовал, что его ноги, совсем как в мультфильме болтаются в пустоте. Очень высоко справа от себя он заметил амбразуру. Спиной он ощущал ледяное дыхание лошадей. Усилие, толчок, он подпрыгнул, и его правая рука уцепилась за узкое отверстие, а ноги повисли вдоль стены. Он подтянулся. Всадники, несущиеся галопом, огромная голова Августа, неожиданно появившаяся из-за поворота, его мрачные глаза, облепленные мухами.

– А ну, получай, засранец! – завопил Джем, со всей силой ударив ногами в кривляющееся лицо Аллана МакМюллена.

Его пятки вошли в дряблую плоть, возмущенные тараканы разлетелись во все стороны, а ноги пробили разложившийся череп и там застряли. Ой, нет! Джем повис в трех метрах над землей, с сидевшим на лошади Мак-Мюлленом, прицепленным к его ногам.

Август чувствовал себя все более легким. Никогда за всю долгую рабочую жизнь он не ощущал такой легкости. Легкий, как один из рысаков, на которых, восхищаясь их поступью, смотрел хозяин по телевизору. Бездельники, которых кормят ни за что! Он тоже мог бы красиво вскидывать ноги, беря барьеры! Смотри-ка, вон, впереди, кучка копошащихся людишек, сейчас он заедет копытами им в рожу!

Раньше, чем летящую галопом лошадь, Герби увидел ее тень.

– Ложись! – заорал он и прижал Сэм к земле.

Джем распластался на стене под Лори. Два мышонка в поисках норки. Хейс застыл на четвереньках на нижней ступеньке. Оцепеневший Марвин увидел, как взлетает в прыжке тяжелый конь, увидел его грудь, покрытую черной густой жижей, его влажную шерсть, большие желтые зубы, мрачные глаза, почувствовал отвратительный запах мочи, навоза и выгребной ямы, когда чудовищные копыта лошади пронеслись в нескольких дюймах над его головой. И впервые в жизни федеральный агент Марвин Хейс едва не наложил в штаны.

– Папа! Папочка, подожди нас! – кричал Язон, вцепив-

шись в шею Люсии.

И вдруг лошадь заржала и взвилась, едва не скинув детей на землю.

– Перестань, коровища! – разозлившись, закричала Бренда.

«С кем разговаривает эта маленькая приставучка?» – подумала Люсия, напряженно отыскивая по запаху следы Августа. Направо или налево он двинулся? Эта лестница все время разделяется на боковые ходы, такие темные, узкие, они совсем не подходят для старой лошади, нуждающейся в покое. Кроличьи норы – вот что это такое. И ей уже порядком надоело постоянно носиться с этими детишками на спине. Приключение, согласна, но и хороший отдых на траве – это тоже совсем неплохо. А кроме того, детишки – это не ее, Люсии, дело. Особенно человеческие детишки. Ими надо постоянно заниматься. Полные идиоты. Вы только подумайте, надо не меньше пятнадцати зим, чтобы они смогли почувствовать себя самостоятельными. Ее жеребенок Сид, самый любимый, был совсем не таким. Последний и единственный, надо признаться, которого она по-настоящему помнила. И где же он теперь? К хорошему ли хозяину он попал? Досталась ли ему хорошая кобылка? Люсия вдруг осознала, что ей кричат в ухо:

– Остановись, толстая дура! Стоп! Папочка здесь!

Папочка? Ах да, это новый хозяин. Что он там делает, повиснув у стены, зацепившись головой за ноги парнишки?

Очень, очень странные эти человеки. Люсия попыталась резко остановиться, но ее занесло на скользких ступеньках, и она покатилась вниз, пересчитывая ступени задом. «Только бы Август меня не увидел, а то опять скажет, что я ни на что уже не гожусь!» – пристыженно подумала Люсия, брыкаясь всеми четырьмя копытами, чтобы встать на ноги. Она почувствовала, как пацанята соскользнули и упали, – вовремя освободилась! – потом она увидела прямо перед собой небольшую группу орущих людей, а там, дальше, в красивом красно-золотистом зале, как ненормальный, носился галопом Август.

– Август, подожди меня! – как можно громче заржала она.

И как раз в тот момент, когда, она сумела подняться, он, ударив копытом, сделал вольт-фас и пулей промчался между людьми, которые жались к стенам.

– Эй, старушка, поворачивайся поживее, мы сбегает! – крикнул Август.

Совершенно оглохнув от лошадиного ржания, звучавшего под сводами, Марвин не слышал, что пыталась сказать ему Саманта. Он замахал руками, показывая на уши:

– Я ничего не слышу!

– Что? – откликнулась Саманта, указывая на свои уши.

Герби схватил ее за талию и повернул к стене, где все еще раскачивался Джем с Алланом Мак-Мюлленом, который висел на его ногах, извиваясь как червяк на крючке. Бренда и Язон сидели под ними на корточках. Они рычали, выбирая

наилучшую позицию для нападения.

– Его ноги застряли в черепе Мак-Мюллена... – раздумчиво сказал Герби.

– Что? – переспросила Саманта.

– Его ноги застряли в черепе Мак-Мюллена! – заорал Герби.

Саманта тут же отреагировала:

– Пожалуйста, не кричи так!

Бренда и Язон переминались, готовясь к прыжку.

– Отпусти папочку! – прорычала Бренда. – Немедленно отпусти его!

– Я бы рад! Но он застрял! – откликнулся Джем.

– Надо потянуть, и папочка отцепится... – предложил Язон.

– А если голова останется прицепленной к кроссовкам этого дурака?! Ты думаешь, что папочка нас похвалит?! – возразила уязвленная Бренда.

Аллан смутно понимал, что говорят о нем. В его голове происходило что-то странное. Не тараканы, нет, к тараканам он привык, от них было щекотно, а сейчас в голове было что-то большое. Оно занимало все пространство. И всюду давило. Казалось, что ему нафаршировали голову резиной. Но такое невозможно, подумал он. И это шевелилось, и каждый раз, как это шевелилось, все его тело содрогалось. Он с трудом поднял руку, чтобы пощупать чужеродный предмет, расположившийся в его черепной коробке. Он вылезал сзади.

Две выпуклости, и действительно из резины. Со шнурками. *Со шнурками?* Нет-нет! Он поднес руки ко лбу. Да, это входило здесь, между бровями, а выше шли ноги, да, черт возьми, волосатые ноги! Он яростно дернул за эти волоски. Джем заверещал и стал извиваться.

– Он вырывает волоски у меня на ногах! – заорал он. Лори не смог удержаться и фыркнул, представив крупные заголовки в газетах: «У одного подростка живым мертвецом заживо вырваны все волосы на ногах». Уилкоккс потирал лоб, наблюдая за этой сценой, одновременно и смешной, и ужасной. Переживать все эти паранормальные приключения было и так очень трудно и страшно, но когда они приобретали характер грубой шутки, гротеска, то становилось просто непереносимо. Ты уже не понимал, что ощущаешь. Уилкоккс овладел собой. Сейчас не время для самоанализа. Когда нужно действовать, то нужно действовать. Тяжелой походкой он решительно направился к детям.

Язон, оскалившись, повернулся к нему. В его глазах не оставалось ничего человеческого, это были две зеленоватые щелочки, покрытые коркой гноя. Его длинный красный язык болтался по подбородку.

– Знаешь, в чем мое преимущество перед тобой? – спросил Герби, зажигая факел.

Язон отскочил назад, наступив на Брендю.

– В том, что однажды я уже пережил все это! – продолжал Герби, опуская факел перед собой. – И я знаю, что вы сгори-

те, как дровишки!

Дети, рыча, отступили. Они не сводили глаз с пламени. Герби наступал, вынуждая их подниматься вверх по лестнице.

– Джем! Падай! – приказал он, проходя мимо подростка,

Джем повиновался. Раздался страшный треск, и он оказался на земле. Его ноги все так же были заблокированы Мак-Мюлленом, который извивался, как червь. Лори бросился к другу, чтобы помочь ему вырваться. Кроссовки Джема, покрытые раздавленными тараканами, неожиданно высвободились с громким чавканьем. Мак-Мюллен поднялся и бросился на Герби.

– Герби! Берегись! Сзади! – крикнул Марвин, зажигая свой факел.

Герби обернулся, и Мак-Мюллен отскочил назад. Он оказался зажатым между двух факелов. Дети уже не смели приближаться, они скорчились на самом верху лестницы.

– Ты нас сожжешь? – спокойно спросил Язон. – Тебе, значит, того... нравится убивать людей. Ты их уже кучу поубивал. И врешь, что делаешь это из справедливости, а на самом деле просто потому, что тебе нравится убивать.

– Убийца... – зашипела Бренда. – Лгун и убийца.

Герби мгновение их разглядывал. Улыбающаяся, кишашая червями падаль.

– Не делайте им больно! – прозвучал гортанный голос Мак-Мюллена. – Раз уж меня вы взяли, то отпустите их.

Этот труп готов был пожертвовать собой ради детей... Но, по-настоящему, это ведь не были дети. Просто два куска ожившего мяса.

– Умоляю, не убивайте нас! – вдруг простонала Бренда, заламывая свои разлагающиеся руки.

– Вы уже и так мертвецы, – ответил Герби и бросил свой факел на маленькие съезжившиеся фигурки.

– Промазал! – закричала Бренда, отскочив назад. Ее брат сделал то же самое. – Промазал!

Герби подобрал свой факел и повернулся к Мак-Мюллену. Тот смотрел на него с ненавистью. Факел Марвина пылал в нескольких сантиметрах от его волос. Герби поднес и свой факел. Мертвец открыл рот, откуда вылезли маленькие подвижные лапки. Герби впился в него взглядом. Ему показалось, что он склонился над бездонной пропастью.

– Думаю, Мак-Мюллен, что на этом мы и расстанемся, – услышал он свой голос.

– Плевать мне на вас, – ответил Мак-Мюллен.

Марвин видел вблизи его кожу, к которой уже не приликала кровь, видел ужасные раны, через которые зияли обнаженные десны и теменная кость. Он почувствовал зловонный запах, исходивший изо рта этой твари. Он часто видел трупы в своей жизни, даже чересчур часто. Но вот так, когда труп раскачивается на ногах, а ты внимательно в него вглядываешься...

– Почему вы хотите нас уничтожить? – спросил он.

– А вы как думаете? – в свою очередь спросил МакМюллен. – Вы полагаете, что мне нравится быть мертвым? Вы полагаете, что мне не хочется жить? И мне, и моим малышам, и всем тем, кто сражается там, снаружи! Вы полагаете, что им не хочется жить при ярком дневном свете?!

– Это-то вам и пообещал Версус?

– Да что вам известно о Версусе?

– Нам все известно, – вставил Лори.

– Ничего вам не известно! – огрызнулся Мак-Мюллен. – Вы не знаете его могущества! Взгляните на меня, взгляните на свидетельство его могущества, взгляните, что может он сотворить, тогда как ваш дерьмовый паршивенький бог Света способен всего лишь на... это! – продолжал он, указывая на башню. – Как ребенок с пластилином, он только и умеет, что играть с материей. А вот воскрешать мертвых – это действительно высший класс! Ну, давай, жги меня, мне на это плевать, другие придут, нас миллионы, и мы будем сражаться до тех пор, пока вы не исчезнете!

«Ведь я впервые спорю с усопшим», – подумал Герби. Чем дальше, тем мысль сжечь этого дьявола становилась невыносимее. И тот факт, что это создание мыслит, придавал ему статус человека. Их просто подловили.

– Ну, пора кончать, Марвин, – сказал Герби. – Хватит болтать.

– Постойте! – сказала, приближаясь, Саманта. – Он может быть нам полезен...

– Сэм! Да это машина для убийства! Как только мы выпустим его из виду хоть на мгновение, он безжалостно прикончит нас.

– Точно, – с усмешкой подтвердил Мак-Мюллен. – Я не могу поступить иначе, я должен безостановочно есть.

– Черт подери, Аллан, если вы можете мыслить, то, значит, ваша душа все еще жива, вы еще не до конца стали машиной! – запротестовала Саманта.

Она стояла совсем близко, он видел капельки пота на ее верхней губе. От нее хорошо пахло живым теплым телом. Она была хорошенькой. Аллан испытал неуместное желание, чтобы она положила свою прохладную руку на его изуродованный лоб. Ему хотелось зарыться своим рылом между ее грудей. Нежно сосать ее кровь. Чувствовать, что ее жизнь проникает в него. Согревает его. Успокаивает. Держать в объятиях эту маленькую трепещущую массу. Он чувствовал себя как-то странно и вдруг заметил, что крохотный кусочек сохшейся кожи, который болтался у него между ног, вдруг поднялся.

– Ну и псих! – недоверчиво пробормотал Джем, указывая Лори на чудо.

– Сам ты псих! – начал было Лори, да вдруг так и замер с открытым ртом.

Что-то распирало грязные брюки Мак-Мюллена!

Сэм ничего не замечала, она не отрывала взгляда от глаз Мак-Мюллена, пытаясь разглядеть в них хоть искорку чело-

веческого.

И как раз в эту минуту раздался первый взрыв. От него на лестницу пошло облако пыли.

– Ну, это точно Аньелло! – отрывисто сказал Марвин. Второй взрыв прозвучал ближе, его взрывная волна заставила их закачаться и погасила факелы. И в эту минуту Мак-Мюллен бросился на Саманту.

– Нет! – заорал Марвин, пытаясь удержать его за запястье, которое так и осталось у него в руках.

А Мак-Мюллен уже удалялся. Он скакал как волк, забросив Саманту на плечи.

– Сэм! Ты мне ее вернешь, чертов покойник! – прогремел голос Герби.

И, выкрикивая проклятия, потрясая своим факелом, не слушая Марвина, который пытался его удержать, он тоже скрылся.

– Он похитил ее... Но почему? – пробормотал Джем. «Чтобы иметь под рукой свежую пищу», – не отвечая, подумал про себя Марвин.

– Чтобы накормить ребятишек. Боже мой, Сэм! Это просто невозможно! – простонал он.

Несущиеся по лестнице люди, потом лицо Аньелло, покрытое пылью штукатурки. Он запыхался, за ним бежал Бадди Коул в разорванной и грязной одежде.

– Их там у меня целая куча! – кричал Аньелло с довольным видом человека, который возвращается из леса с пол-

ной корзиной грибов.

– Послушайте, Аньелло, у нас проблема и...

– Плевать мне на ваши проблемы, Хейс!

– Аллан Мак-Мюллен похитил агента Вестертона, – поспешно объяснил Марвин, тряся руку Аллана и даже не замечая этого. – А она коп, Аньелло, этот психованный недоносок поднял руку на копа! На белого представителя правительства Соединенных Штатов Америки!

Казалось, Аньелло заколебался, его изможденное лицо сморщилось, выдавая напряжение мысли.

– О'кей, куда он убежал? – выдавил он наконец.

– Опять началось, – пробормотал Лори, когда они гуськом со всех ног устремились в тронный зал.

Настоящая танцевальная вечеринка с сюрпризами для дебютанток. И Марвин Хейс все еще, как винтовкой, размахивает запястьем Мак-Мюллена!

Они бегом пересекли тронный зал. Никого. Впрочем, нет, вот останки крылатого существа, разбросанные по красному ковра.

– Не сделайте глупости, не наступите на ковер, а то приклеитесь! – прокричал Аньелло.

– Можно подумать, что мы угодили в фильм «Двенадцать мерзавцев», – шепнул Джем Лори.

– Скорее, в фильм «Восемь остолопов». «Восемь остолопов и Кровавый замок», представляешь, как это выглядит? Посредственные актеры, которые бегают по замку из па-

пье-маше, живые мертвецы, лица которых скрыты под масками из резины, и Дракула, выкрашенный в негра и переделанный в Бога.

– Ты забываешь о невесте Франкенштейна во главе толпы статистов в лохмотьях, – прыснул со смеху Джем. – И мутанты из пластика, сделанные из набора «Юный химик».

– Одна только проблема, – заключил Лори. – Мы не можем остановить кассету, чтобы сходить за попкорном.

Аллан бежал, словно от этого зависела его жизнь. «Но это довольно глупо, потому что я ведь уже мертв», – не замедляя хода, подумал он. Женщина на его плечах бессмысленно отбивалась, и это его раздражало. Он швырнул ее на землю, хотел надавать ей пощечин, но тут заметил, что у него нет правой руки. Он свалил ее с ног ударом локтя и вновь побежал. Он слышал за спиной погоню. Тяжелые шаги шерифа, идиотские вопли остальных. Увидев в стене нишу, он юркнул туда. От стены из обтесанных камней исходил совсем другой запах. Приятный запах сумрака и сырости. Склеп. Он сильно ударил ногой, и стена поддалась. «Потайная дверь», – ухмыльнулся довольный Аллан. Она вела в темный и сырой коридор. Он захлопнул за собою дверь и погрузился во мрак. Слышался звук текущей воды. Он зашлепал по грязному потоку канавы, волоча Сэм за волосы.

Холодная вода. Вонь нечистот. Больно голове. Сэм открыла глаза. Ее окатило грязной водой. Рука, вцепившаяся ей в волосы, тянула за собой. Она узнала фигуру Мак-Мюллена. Значит, ей не приснился этот кошмар. Монстр волок ее за собой по какой-то небесной канализации. Из предосторожности она закрыла рот. Не стоит глотать настойку из неизвестных бактерий. И также не стоит ему показывать, что она пришла в себя. Итак, он продолжал тащить ее дальше, а она

сдерживала стоны, хотя неровности пола обдирали её локти и колени. Нужно беречь энергию для побега. Вероятно, такая возможность может представиться только один раз, и к ней надо быть готовой.

Аньелло и все остальные проскочили мимо двери, так и не заметив ее. Вскоре они вновь оказались на террасе. Там, обзывая себя последними словами, шагал из угла в угол Герби. Бранное поле представляло собой общую свалку из тел, костей, перьев, слизистой жижи, бьющей фонтанами, и вихрей грязного снега. И над всем этим плавал тошнотворный зальх горящего мусора.

Салли дралась как львица. Покрытая кровью врагов, с полным ртом перьев, с клоками вырванных волос, с ожогами второй степени, она без устали билась, но отступала шаг за шагом. Краешком глаза она заметила на террасе шерифа и в отчаянном порыве сумела туда пробиться.

– Боже милостивый, Келлерман! – охнул Герби, увидев, как она, похожая на толстую сардельку, сбежавшую с мангала, перелезает через балюстраду.

– Помогите, я совсем выдохлась! – проговорила Салли заплетающимся языком.

Скрывая отвращение, он протянул ей руку, за которую она ухватилась. Какая же она тяжелая! Салли медленно приходила в себя, стирая кровь, которая стекала ей на глаза и мешала видеть.

– Мне кажется, что мы добиваем этих, которые в перьях, –

произнесла она довольным тоном.

«Вот те на, – подумал Герби, – еще одна прекрасная новость. Бог низвергнут с небес, как новый падший ангел».

– Я видела детей, – продолжала Салли, отдышавшись. – Обезображенные детишки. Они провалились в какой-то люк, бедные малыши.

– Где? – встрепенулся Герби.

«Мак-Мюллен наверняка постарается найти своих малышей».

– Здесь, внизу.

– Покажите, мы идем за вами.

Вздыхнув, Салли, волоча ноги, соизволила спуститься по винтовой полупрозрачной лестнице, которая привела их к какому-то сухим канавам, наполненным парами с запахом протухших яиц.

– Здесь, – сказала Салли, указывая на трухлявую решетку между огромными каменными блоками. Ход вел, должно быть, в «каменные мешки».

Герби выбил решетку ударом ноги и проскользнул в проем. Он оказался в узком туннеле, который уходил в бездонную глубину.

– Дайте мне факел, я посмотрю, что там дальше.

– Мы пойдем с вами! – решил Марвин. – Надо держаться всем вместе.

– Я пойду вперед, – заявил Аньелло, – я освобожу вам проход.

Он протиснулся, чтобы оказаться во главе группы. Аньелло был обнажен по пояс, рубашка завязана тюрбаном на голове, чтобы пот не заливал глаза, в одной руке он держал Мисс Гранату, в другой – Мистера Автомат, а в зубах – охотничий нож. За ним следовал Бадди Коул. Дальше с зажженным факелом шел Герби, потом – Джем, Лори, Салли и Марвин.

Вдруг Аньелло остановился перед столом, на котором стоял кувшинчик лимонада и лежала золотисто-коричневая коврижка.

Стол. С пищей. Аньелло осознал, что он сильно проголодался и хочет пить. Но стол здесь?

Остальные подошли к нему и молча созерцали старый деревянный стол.

– Зачем он здесь? – громко спросил Джем. – Стол в подземелье?

– А может, это караульное помещение, – ответил Лори.

– А где караул?

– Ну... ушли, участвуют в сражении, провалились в «каменный мешок»...

Аньелло схватил кувшин, понюхал его, потом отпил глоток и пустил по кругу.

Джереми с подозрением рассматривал коврижку, хотя его рот наполнился слюной. Когда же он ел в последний раз? Он проткнул ее пальцем – ничего подозрительного.

– Кто-нибудь хочет?

Герби нетерпеливо топтался.

– Мы что, черт возьми, пришли чай распивать?!

Марвин сунул ему в рот кусок коврижки.

– Нам надо поддержать силы.

Он быстро разделил остатки коврижки, и все, набив рты, поспешили дальше, немного смущенные проявлением таких банальных инстинктов.

Пройдя пятьдесят метров, Лори подумал, что подземелье становится все длиннее, а стены все выше. У него появилось неприятное ощущение, что он всего лишь крохотное создание, на ощупь продвигающееся в потемках, которые постоянно сгущаются, так что вскоре уже невозможно было разглядеть сводчатый потолок.

Он захотел поделиться своими соображениями с Джемом, но в этот момент они наткнулись на стену, перегораживающую проход.

– Какой странный материал... – сказал Марвин, поглаживая препятствие своими большими ладонями.

Стена была мягкой, изборожденной крохотными углублениями.

– Как будто мембрана, – сказал Лори.

– Мембрана или не мембрана, но это мешает нам пройти! – сказал Аньелло, вынимая свой охотничий нож.

Острое лезвие распороло перегородку, края которой начали закручиваться. Аньелло пролез в отверстие. Он оказался в новой темной и вонючей канаве. Ощупал стенки рукой.

Оказалось, что они покрыты влажной и пенистой субстанцией. Ничего опасного.

– Все в порядке! – крикнул он.

– Никс просто потрясающая! – говорила Салли. – В жизни не встречала более энергичной девахи! Но и ей досталось, бедняжке! Ей приделали волосатые козлиные ноги, раздвоенные копыта... и такой длинный хвост... Ей вживили на голову змей, просто несколько тысяч! А под кожу – фосфорные батареи, поэтому она светится в темноте.

– И лазерные лучи вместо зрительного нерва, – вмешался Лори. – Поэтому у нее красные глаза.

– А ты откуда знаешь? – спросила сбитая с толку Салли.

– Ну, я иногда почитываю... – ответил Лори.

Джем ткнул его в бок и прошептал:

– Твоя новая победа просто супер...

– Стоп! – резко сказал Аньелло сквозь стиснутые зубы. –

Вы ничего не чувствуете?!

Все стали принюхиваться.

– Кто пустил газы?

– Послушайте, Аньелло, мне кажется, что сейчас не время...

– Закройте варежку, Хейс, и принюхайтесь! Если никто из нас не пустил газы, то, значит, мы не одни в этой дыре.

– Да здесь все воняет! – возразил Джем.

– А ты, психопат, заткнись. Все воняет, но все воняет по-своему. До сих пор воняло разлагающимися трупами, а те-

перь воняет разлагающимся дерьмом.

Общее смущение.

– И я думаю... – неожиданно добавил Аньелло, разглядывая пол и стены, – да, я думаю... Взгляните-ка вот на это!

Он потянул за губчатое вещество, выстилавшее узкий коридор, и это вещество послушно последовало за его рукой. Потом он сунул в стену кулак, и под удивленными взглядами окружающих кулак вошел в нее как в масло. Тогда Аньелло с иступленным видом обернулся к ним.

– Так и есть! – прошептал он. – Мы в самом гнезде, и все вокруг – это живая материя!

У Джема перед глазами возникло неприятное видение миллионов и миллионов неожиданно растревоженных тараканов, шевелящихся у него на лице, на теле, на руках.

– Яйцевая капсула? – нерешительно спросил Марвин, ощупывая длинными пальцами стену.

Двух мнений быть не может, податливая и упругая. И теплая. Живой организм? Водоросль? Казалось, что вонь возрастала с каждой минутой, она сопровождалась отдаленным, все более и более глухим гулом. Словно что-то тяжелое скашивалось у них за спиной по склону.

– Прижаться к стене! – заорал Аньелло.

Инстинктивно подчинившись, они приникли к губчатой стене, которая вибрировала теперь в ритме приближавшегося объекта. Аньелло, стиснув зубы, размахивал гранатой. И вдруг они увидели. Огромный темный шар, катящийся к

ним с громоподобным шумом и окутанный невыносимой вонью. Этот непонятный четырехметровый шар сотрясал все основание прохода, его, похоже, мягкая поверхность задела стены.

– Он нас раздавит... – как зачарованный пробормотал Герби, думая о Сэм, попавшей в руки монстра.

– Лицом к стене! – вдруг закричал Лори. – Закройте глаза и рот и не дышите! Быстро!

Он толкнул Джема к коричневой губчатой стене, сильно сжав ему руку. Марвин краем глаза увидел, как огромный темный шар надвигается на Аньелло, который, казалось, пытался вдавиться в стену. Шар поглотил его, расплющил Коула, продвинулся дальше, накатился на мальчиков, на Герби, приблизился к нему. Марвин затаил дыхание, закрыл глаза и почувствовал, как мягкая и тяжелая масса с сосущим звуком попыталась оторвать его от стены. Он вдавил пальцы в губчатую поверхность, цепляя, сжимая, подтягивая ее; запах был такой ужасный; и вдруг его лицо освободилось. Шар пронесся и двигался теперь дальше, в неизвестные глубины.

Молча, с трудом восстанавливая дыхание, они смотрели, как он с шумом скатывается в бездонную пропасть. Джем заметил, что все они покрыты какой-то коричневатой грязью. Он дотронулся до лица пальцами, а потом понюхал их. Нет-нет! Не может быть! Чудовищный шар экскрементов! Они были вымазаны с ног до головы. Он захотел обтереть рот, забыв, что пальцы... и почувствовал, что его внутренности

выворачиваются наизнанку, хотя рвоты не наступало.

Ошеломленный Лори пытался хоть что-то понять. И вдруг возникло видение графинчика лимонада и коврижки. Они сами подставились! Как в детской сказке!

– Яйцевая капсула, – хмыкнул Герби. – Гнездо! Да мы в гигантском кишечнике, вот что!

– Ш-ш-ш! Слушайте! – проговорил Бадди. Раздался громкий всплеск, а за ним шум водопада, и запах стал пропадать.

– Это означает, что выход совсем недалеко, – пробормотал Марвин, изо всех сил пытаясь отделаться от мысли, что он оказался вымазанным фекальными массами. – Пошли.

– А если нас по дороге раздавят?

– Помните, что Сэм в руках Мак-Мюллена, – сказал Герби. – Идем.

– Каково это, ходить в животе какого-то мужика? – следуя за Джемом по пятам, спросил Лори.

– А может быть, это брюхо бабы, – ответил Джем и покраснел, потому что такая мысль казалась еще более неприличной.

Склон стал более крутым, и им пришлось держаться за стенки.

– Эй, ты понимаешь, что мы по цепочке спускаемся в его потрохах? – пробормотал Лори.

– Лишь бы это не вызвало у него колик, – мрачно пошутил Джем.

Стиснув зубы, Марвин сосредоточился на главной задаче.

После хорошей ванны все пойдет лучше. Данная ситуация не вполне соответствовала его представлениям о титанической борьбе с силами Зла. Но разве все живые существа не занимаются тем, что загружают себя, а потом опоражниваются? И все это в строго определенной последовательности, длительное нарушение ритма которой может привести даже к смерти. Прием пищи, пищеварение, испражнение – вот основной цикл биологических систем на Земле. И ему, вероятно, подчинены и паранормальные системы. Или это просто некая игра, чтобы вывести их из равновесия?

– Вижу выход! – закричал Марвин. – Там свет!

Упираясь ногами под прямым углом в губчатые стены, он осторожно продвигался вперед к отверстию диаметром сантиметров пятьдесят, сквозь которое проникал голубоватый свет. Теперь запах стал гораздо более приятным, пахло свежестью и ментолом.

– Я почти достиг края! – сообщил Марвин. – Попытаюсь пройти.

– О боже мой, агент ФБР, раздробленный каким-то потусторонним анусом, через который он пытался пробиться силой... – с истерическим смешком простонал Бадди.

– Замолчите, Коул, и дайте мне лучше руку, образуем цепочку, – распорядился Герби. – Марвин, держитесь за мое запястье и медленно спускайтесь. При малейшей опасности мы вас поднимем.

Марвин подал ему руку, и вот его длинные ноги про-

скользнули в пульсирующее отверстие, бедра коснулись краев неровной складчатой плоти, которая регулярно сжималась и разжималась. «Не думай о том, что делаешь, – приказал он себе, – думай только о том, чтобы выйти из этого, нет, выйти отсюда, ну вот, теперь тело, а ноги-то уже на свободе, если „он“ сожмется немного сильнее, то переломает тебе все ребра; ладно, не говори глупостей, Марв, давай же, двигайся и все, думай о Сэм, думай о своей жене и о ребятишках, которые смотрят сейчас по телику „За пределами действительности“. Ну вот, ты почти выбрался, теперь шея, задержи дыхание. Голова...»

И вот видна только рука Марвина, которой он держится за Герби.

– Ну? – прокричал Герби.

– Похоже, что здесь вода! Отпускаю! – раздался в ответ приглушенный голос Марвина.

Плюх! Затем ободряющий крик:

– Все в порядке, давайте поторопитесь!

Герби сделал знак Лори, который мрачно разглядывал выход. Лори набрал воздуха и, извиваясь, заскользил между стенками розовой плоти. О Иисус милостивый, если бы Джу-ди его видела!

Плюх!

– Теперь ты, Джем. Поворачивайся поживее.

А если эта штука сожмется вокруг шеи и переломит ее? Джем вздрогнул, собираясь с силами. Раз, два, три, оп! За-

крыв глаза, он прыгнул к свету головой вперед.

Плюх!

Бадди перекрестился.

– В первый раз в жизни прыгаю «солдатиком»! – крикнул он, прежде чем скрыться.

Плюх!

– Если вы думаете, что я полезу через... это... – прорычал Аньелло, лицо которого свело от отвращения.

– А вы вообразите себе, что это второе рождение... – невозмутимо заметил Герби. – Ну, я-то попробую.

Плюх!

Аньелло закрыл глаза. Кто-нибудь заплатит за это.

Плюх!

Всплыв на поверхность, Лори открыл глаза. Они плавали в чем-то похожем на озеро с гладкими и отвесными берегами. Вода была холодной, прозрачной и ярко-голубой, и он с удовольствием почувствовал, как растворяется покрывавшая его тело пленка.

Все озеро было окружено белыми отвесными скалами. Гладкими и голыми. Марвин рассекал воду мощным кролем, затем пытался уцепиться за стену, но каждый раз соскальзывал и падал в воду. По таким стенам невозможно залезть вверх.

Салли лежала под водой, удивляясь, зачем другие прилагают столько сил, чтобы плыть. Ведь так приятно оставаться под поверхностью. И кроме того, вода заполняла ее вы-

потрошенный живот и выходила между ног, что напоминало приятные забытые ощущения.

– Мы будем без конца плавать по кругу и наконец утонем, – холодно сказал Аньелло. – Стенки слишком высоки, зацепиться совершенно не за что.

Герби ощущал, что его охватывает чувство покоя. «Покой, предшествующий полному отчаянию», – подумал он. Саманта теперь, уж конечно, мертва, заживо расчлененная монстром. Он тоже скоро умрет и соединится с ней, и тогда оба они будут призваны в армию Никс и будут сражаться против того, что прежде защищали; вот такая выходит шуточка, от которой голова идет кругом, но это то же самое, что плавать в воде с дезинфицирующими средствами, к тому же очень холодной, и вот его мозг начинает размягчаться и...

– Что вы делали в животике моего папочки?

Гм? Герби прикрыл глаза, он, должно быть, теряет сознание. Небо нахмурилось, вода озера стала серой. Озера? Какого озера? Он с трудом припомнил... Герби огляделся. Салли Келлерман, кажется, утонула. Бадди плавал кругами, распевая «My Solitude»⁵¹. Марвин, как парализованный, скрючился возле одной из стенок. Джем и Лори, бледные, с открытыми в немом крике ртами, судорожно били по воде ногами. Аньелло лежал на спине, подняв над водой руку с гранатой. Герби увидел, что все в безмерном ужасе смотрят вверх.

⁵¹ «Мое одиночество» (англ.).

– Что вы делали в животике моего папочки? – повторил резкий голос, пронзительный, как сирена пожарной машины.

Герби поднял глаза и не смог справиться с шоком.

Над ними склонилось лицо величиной с футбольное поле. «Маленькая девочка гигантских размеров», – подумал Герби. Маленькая девочка с аккуратно причесанными светлыми кудряшками. Ее огромными глаза были цвета зеленого камня. Глаза ящерицы на худеньком и белом как мел личике. Красные узкие губы – как открытая рана над белыми острыми зубками. Девочка провела языком по губам. Даже странно, до какой степени рот, если рассматривать его так близко и когда он такой огромный, похож на прекрасное орудие для захвата и пожирания... Это маленькое чудовище вполне могло съесть их как конфетки. Голова склонилась немного ниже к поверхности прозрачной воды.

– Папочка, в туалете плавают какие-то насекомые! – произнесла она, и Марвин подумал, что сейчас оглохнет.

Тягучий голос, похожий на разваренный гороховый суп, пророкотал что-то невнятное.

– Мне можно наколоть их на булавку вместе с бабочками? – опять спросила девочка.

Джему показалось, что его уже пронзает длинная игла, и он застонал.

– Ты не понимаешь, что я работаю? – прорычал голос, похожий на гороховый суп. – Делай, что хочешь, но оставь ме-

ня в покое!

– Ваш папа Версус? – прокричал Лори, и его голос прозвучал как писк мышонка.

Девочка посмотрела на него так же безразлично, как если бы он был картинкой на фаянсе.

– Мой отец – это не мой дядя, противный таракашка! – заявила она и поджала губы. Потом она добавила с гадкой улыбкой: – Я Анике. Добро пожаловать в Дерьмовую Страну!

И, захлебываясь смехом, она спустила воду.

Сифонная труба. Водоворот обеззараживающих средств. Долгое падение, легкие, лишенные воздуха, готовы разорваться. Миллионы пузырьков. И вдруг – воздух! Воздух!

– Я уж думал, что подохну, – пропыхтел Джем, делая глубокий вдох затхлого воздуха.

– Видел бы ты себя, мужик! Ты был похож на морского котика! – сообщил ему Лори, шлепая по ручью, в который они приземлились.

– Никто ничего не сломал? – едва поднявшись на ноги, поинтересовался Марвин.

Аньелло, не отвечая, отряхивался от воды, окинув всех тяжелым взглядом.

Лори посмотрел наверх: потолок находился на привычной высоте, и больше не было ощущения сдавленности. Возможно, что вода унитаза послужила противоядием... Бадди оперся на стену, чтобы немного отдышаться. Это был насто-

ящий курс дезинтоксикации! Сколько воды! Он увидел, как мимо прошла массивная фигура. С Уилкокса стекала вода, а сам он вел себя так, словно вышел из-под душа.

Герби внимательно оглядывался. Кажется, стены сделаны из камня. Это не живая кишка. Место было очень похоже на канализацию, и они брели по воде, которая доходила им до середины бедра. Пахло сыростью, холодом, мокрым кирпичом, землей. Будто прогуливаешься в дождливый день под кладбищем. Если только вообще могла прийти мысль о такой прогулке... Вдруг он ощутил приток адреналина. Там, на цементном выступе, что-то блестело! Он бросился вперед, едва не сбив с ног Лори.

– Это браслет Сэм! Они прошли здесь! Скорее!

– Мне кажется, что выражение «минуточку передохнуть» просто отсутствует в вашем лексиконе? – спросил Бадди, вновь пускаясь в путь.

– Что верно, то верно, толстушка, – заметил, обгоняя его, Аньелло.

Толстушка, он? Бадди украдкой ощупал себя. При таких нагрузках он потерял, должно быть, не менее тридцати килограммов. Сэнди его не узнала бы. Сэнди. Забавно было представлять, как она прохаживается на солнышке в том мире, где можно посидеть, пропустить стаканчик, и тебя не потревожит воинственный ангел или изголодавшийся мертвец, и можно не бояться, что тебя засунут в чьи-то кишки. Скучновато ей, бедняжке Сэнди. Герби почти бежал, хотя ему

очень мешала тошнотворная вода. Сэм отлично придумала – оставлять что-нибудь на каждой развилке. Браслет, потом кольцо, пуговица, еще одна пуговица...

Рут заблудилась. Измученная, она уже готова была оставить свою затею, когда оказалась в большой черной комнате, стены которой были облицованы чем-то вроде полированного гранита. Впрочем, если это помещение можно было назвать комнатой. Здесь не было никакой мебели. Огромное венецианское зеркало занимало почти целую стену. А через потолок виднелось небо. Все эти звезды, сияющие день и ночь, вызывали неуверенность.

– Вы что-то ищете? – раздался мелодичный голос. Рита! Возникла на пороге, как собака, защищающая логово своего хозяина. Рут постаралась вежливо улыбнуться.

– Я хотела бы повидаться с Кетером.

– Вам назначена встреча?

– Кетер никогда не отказывается от встречи со мной, – уверенно возразила Рут.

– Сожалею. Но в данный момент его нельзя видеть... – отвечала Рита. – Магдалина безуспешно его разыскивала.

– Ну что ж, я подожду его, – решила Рут.

– Возможно, это затянется, – заметила Рита, машинально притрагиваясь к своим стигматам.

– Я не связана временем.

Какая жуткая рана на лбу. Кетер проявил доброту, оставив эту женщину секретаршей.

– Как вам угодно, – вздохнула, выходя, Рита.

Она и так уже запустила свою работу. Если старая карга хочет торчать здесь до тех пор, пока не превратится в мушкетера, – милости просим.

Саманта никак не могла понять, прекратятся ли когда-нибудь странствия Мак-Мюллена по подземелью. Ей казалось, что с нее сняли скальп, и она с трудом сдерживалась, чтобы не завопить, умоляя остановиться. Только бы Герби нашел те знаки, которые она, действуя с крайней осторожностью, сумела оставить по пути их следования!

– Папа!

«О-о, не может быть!»

– Папочка! Мы здесь!

Бренда и Язон с радостным кудахтаньем бросились к отцу.

– Мы потерялись! – плакал Язон холодными слезами. – Мы не могли найти выхода!

– Это он виноват, он все время поворачивал направо...

Аллан грубо бросил Саманту, и она скатилась на самое дно канализации, изрядно хлебнув воды. Отец обнял детей своими изувеченными руками.

– Ну, все, все. Папочка с вами, мы сейчас выйдем отсюда и вернемся домой.

– Папочка приготовил кое-что для пикника! – пришел в восторг Язон, заметив Саманту.

– Классно! Я умираю от голода!

Бренда бросилась к Сэм, выплевывавшей липкие микро-

организмы, и та почувствовала, что ее поднимают с земли.

– Нет! – заявил Аллан, грозя своей культяшкой. – Мы пока не будем ее трогать.

Пока? Еще полчаса? Или два часа? Сколько времени осталось до того момента, когда восьмилетняя девчонка разорвет меня своими молочными зубами? Герби, найди же меня, умоляю!

— А почему? – захныкала Бренда.

– Мы хотим есть... – присоединился и Язон.

Почему? Аллан не знал, что ответить. Но он не хотел лишиться этой женщины. Он хотел смотреть на нее, смотреть на ее рыжие волосы, на ее бледную кожу, усеянную веснушками. На ее пышную грудь. Хотел спрятать голову между ее грудями. Забыть весь этот бардак. Уснуть. Наконец уснуть.

– Папочка нашел новую мамочку, – заявил он наконец.

– Что? Эту... эту... страхолюдку?!

Бренда крайне возмутилась и ударила Сэм ногой. Но она никак не ожидала, что отец отвесит ей пощечину, и упала, сев в грязную воду.

– Я уже сказал, чтобы ты к ней не прикасалась! – прорычал отец, сверкая глазами.

Чувствуя, как пылает щека, Бренда рассматривала, полуприкрыв веки, ненавистную рыжую тетку. *Разорвать эту мерзавку. Созреть ее. Не займет место мамочки. Никогда. Папочка потерял голову. Не может быть, чтобы он захотел привести эту дрянь в наш дом! В мой дом!* Ей так хо-

телось вонзиться в мягкую плоть этой бабы, что у нее даже зубы разболелись.

Сэм, потрясенная, переводила взгляд с одного на другого. *Нет, это просто сон! Этот мешок тухлого мяса хочет на мне жениться? Он полагает, что я буду играть в дочки-матери с этими двумя помойными ведрами на ножках?!*

— Ну, так что же мы будем теперь делать? – продолжал допытываться Язон. Он тер глаза маленьким кулачком, покрытым личинками мясной мухи.

– Замолчите! – приказал Аллан.

Шум. Довольно близко. Приглушенное эхо. Что-то двигается по воде. Что-то, и не одно. Быстро. Решительно. Приближается прямо к ним. Опять эти проклятые живые! Его никогда не оставят в покое! Он снова схватил Сэм.

– Бежим! Поторапливайтесь, малыши!

– Герби! – завопила Саманта. – Герби, сюда!

– Заткнись! – сильно ударив ее, прорычал Аллан. Уже не чувствуя боли, отбиваясь руками и ногами,

Сэм уцепилась за заржавленную скобу.

– Герби!

– Сэм!

Голос был далеким, но довольно четким.

– Мы идем! Держись!

– Герби! – непрерывно орала Сэм, словно ее голос являлся связующей нитью между ними. Она не обращала внимания на град ударов, сыпавшихся на нее.

– Вот видишь, ее надо убить! – кричала Бренда. Она была права, и Аллан прекрасно это знал. Но он не мог на это решиться. Ему нужна была эта женщина. Чувствовать, как ее теплая плоть согревает его ледяные кости. «Убей ее! Подчиняйся! – завывал голос в глубине его черепной коробки. – Подчиняйся, раб!»

– Нет! – взвыл Аллан, хотя никто не понимал, что он хочет сказать. – Нет, осточертело подчиняться! Проваливай, кто бы ты там ни был!

Едва он произнес эти слова, как невидимые тиски сдавили ему голову, проломив виски, а из ушей, изо рта и из ноздрей брызнули мириады тараканов. Казалось, что его тело танцует, привязанное к веревке. Дети плакали, уцепившись за его дергающиеся ноги. Сэм медленно поднялась. У нее на глазах Версус убивал МакМюллена. Он давил его как муху. Она начала отступать в направлении уже ясно различимых шагов.

– Сэм!

«Боже милосердный, благодарю тебя!»

Она бросилась в объятия Герби, ощущая себя счастливой оттого, что его руки такие сильные. Словно под звуки неведомой джиги, исполняемой для него одного, Мак-Мюллен продолжал дергаться, и его движения сопровождались хрустом костей.

– Ему же надо помочь! – пронзительно закричала Салли и бросилась к Аллану, вызвав всеобщее удивление.

Это тот мужчина с детьми из морга. Такие же жертвы, как

и она. И она не допустит, чтобы они подошли у нее на глазах! Она набросилась на невидимую руку, которая трясла беднягу, и наугад вонзила клыки. Да, здесь кто-то есть. Прозрачная пуповина. Разорвать ее. Укусить. Перекусить.

Острая боль в запястье. Запястье? Ах да, человеческое понятие. Тюрьма из кожи. Пронзительная боль. Впивающиеся и кромсающие мелкие острые зубы. А почему? Ах да, ведь идет война. Полная неразбериха. Хаос и Мрак. О вы, мои предки! Зачем было породить Кроноса?⁵² И зачем проявлять вслед за тем такую суровость? Почему не позволить ему пожрать нас всех и оставить мир отдыхать, как поле под паром?

Аллан рухнул на землю, как тюк вонючего тряпья.

– «Это» его отпустило, – сказала Салли. – Эта штука его отпустила.

Она осторожно склонилась над ним.

– Пожалуй, жизнь еще теплится. Пожалуй, эти свиньи вообще лишили нас возможности подохнуть!

– Так с вами все это проделали свиньи? – спросил Джем. Он вообще перестал что-нибудь понимать.

– Ну, мужичок, это ведь просто такое выражение! – сказал Лори, помахивая рукой перед глазами Джема. – Ну-ка, сколько у меня пальцев? Эй, эй!

⁵² В греческой мифологии – титан, сын Урана и Геи. Желая сохранить единоличную власть над миром, Кронос пожирал своих детей сразу после их рождения. Его младший сын, Зевс, спасенный матерью Геей, низверг Кроноса в Тартар.

Аллан сел и потряс головой.

В голове явственно звучали бубенчики.

– Возможно, вам следовало нести ее под мышкой... – про-
бормотал Бадди.

– Ты издеваешься над моим папочкой, гнусный педик! –
угрожающе произнес Язон.

– Какое очаровательное маленькое создание! И как развит
для своих лет!

– Я предполагаю, что вы нас сож-же-те... – грустно погля-
дывая на детей, обреченно произнес Аллан заплетающимся
языком.

Молчание.

– Ну зачем вы так говорите, старина?! Мы вот-вот выиг-
раем сражение! – возразила Салли, дружески хлопнув его по
плечу.

Аллан взглянул на нее подозрительно. Да о чем она гово-
рит? Неужели она считает себя живой?

– Ну, прежде всего надо выбраться из этого дерьмового
местечка! – продолжала Салли, взяв на руки Язона. – Берите
малышку и пойдем.

Первым побуждением Язона было укунуть эту толстую ба-
бу, но он вовремя остановился. От нее пахло совсем как от
папочки! Как от Брендзы! Как от мертвого кролика, которого
Гавк спрятал когда-то в гостиной.

– А у тебя есть дети? – спросил он, спрятав свое слизистое
лицо в приятной вони ее шеи.

– Нет, к сожалению. Мой мерзавец муж был бесплоден. А я всегда мечтала иметь детей, – заключила Салли, крепко обняв Язона.

Она углубилась в сводчатый лабиринт. Аллан, словно пораженный каталепсией, последовал за ней, увлекая за собой разъяренную Бренду.

Марвин и все остальные нерешительно смотрели, как они удаляются. И только Аньелло нетерпеливо повторял:

– Надо их сжечь! Проклятие, вы все – просто ничтожества! Дайте мне факел!

– Нет! – возразил Герби. – Посмотрим, что будет дальше. И прежде всего, как сказала Салли, надо выбраться отсюда.

В конце концов, прижав к груди драгоценный флакон, Рут заснула под этим великолепным зеркалом. В этой зловещей черной комнате было холодно. Ей снилось, что Кетер вернулся, склонился над ней и согревает своими огненными руками. Огненными? Да, Кетер, искрящийся, как звезда, и, как звезда, себя истребляющий. Кетер-костер. Но этот огонь не обжигал. Этот огонь был чистой энергией, вливавшейся в ее старые вены.

В восторге от своего сна, Рут шевельнулась, случайно нажав на секретный механизм, спрятанный в позолоченной раме, которая тотчас бесшумно повернулась вокруг своей оси, и Рут оказалась по другую сторону зеркала.

Салли Келлерман и Мак-Мюллены выбрались наконец на поверхность, где хлестал проливной дождь. Поле битвы было теперь просто грудой трупов, вокруг которых вились голодные мухи. Сражающиеся бились на равных, яростно калеча друг друга. Никс скакала на своих козлиных ногах, неся разрушение с легкостью, рожденной долгой привычкой. Михаил, огромный, с крыльями, вымазанными кровью и гноем, наступал на нее, по щиколотку увязая в трупах, щелкая челюстями на ледяном ветру космического пространства.

– Как же мы вернемся домой, папочка? – спросил Язон. – Я так устал...

– Не знаю... Я уже ничего не знаю, – прошептал совсем растерявшийся Аллан.

То нечто, что контролировало его душу, кажется, исчезло, и он оказался лишенным всего и уже ни в чем не был уверен. Он обернулся к Салли, чья напористость и пышная фигура оказывали на него ободряющее действие.

– Ладно, вот что я думаю, – сказала она. – Крошки просто валяются с ног, так они хотят спать, да и вам тоже не помешают хорошая ванна и немного отдыха. Мы сделали, что могли. Теперь хватит, вернемся домой.

– Да, но как?

– Лодка! – закричала Бренда. – Папочка, лодка!

Вдалеке показалась плоскодонка, которой правила длинная коричневая фигура. Лодка плыла по потоку какой-то потрескивающей энергии к краю поля битвы.

Они побежали навстречу лодке, размахивая руками, чтобы привлечь внимание кормчего.

Рут открыла глаза. Она была не одна. Рядом с нею слышалось чье-то дыхание. Тяжелое дыхание с присвистом. Она медленно открыла глаза и осторожно выпрямилась. В ее возрасте спать на земле очень вредно для суставов. И вот теперь они скрипят, как немазаная телега. Она села и огляделась. Комната стала другого цвета! Из непроницаемо-черной она превратилась в сияюще-белую! Зеркало осталось на том же месте, и Рут наскоро привела себя в порядок. Какой утомленный у нее вид! Когда появились у нее все эти морщи-

ны? Ей казалось, что у нее только недавно выпал первый молочный зуб, а зеркало говорило, что ей скоро умирать. Как несправедливо! Подвижный силуэт, отразившийся в зеркале, привлек ее внимание. За спиной что-то шевелилось.

Она поспешно обернулась и, вздрогнув, едва не уронила флакон. Кетер холодно смотрел на нее. Но его голубые глаза были теперь черными, как оникс, а его темная кожа стала белой, как алебастр.

– Но, Кетер... – растерявшись, пролепетала она.

– Кетер... Кетер... – передразнил он. – Кто ты?

Еще одна блеющая поклонница, из тех, что вечно готовы распуścić свои старческие лапы.

– Да это же я, Рут Миралес.

– Рут...

В течение секунды он, казалось, был в нерешительности. Его глаза стали похожи на алмазы.

– Я принесла вам укрепляющее, – продолжала Рут, поднимаясь на ноги. Крак-крак спина. – Что с вами случилось? Вы стали белым!

– Белым? Конечно, я белый, потому что я...

Он прервался и поднес руки к вискам, как будто испытывая сильную головную боль.

– Ах, мой бедненький Кетер...

– Замолчи, ненормальная старуха! – отпихнув ее, прогремел он. – Я не твой идиотский Кетер, я... Ох, моя голова...

Он обхватил голову руками и неожиданно оторвал ее от

шей, из которой вырвалась струя расплавленного вещества. Рут закричала и забилась в угол у основания зеркала. Держа голову под мышкой, Кетер подошел к ней. Его красивые губы ухмылялись, а вещество, вырвавшееся из отверстия шеи, вдруг остекленело. Затем все тело стало похоже на кристалл, включая и лицо, зажатое под локтем.

Прозрачные губы пробормотали что-то похожее на «... давай...».

– Да что вы, Кетер! – запротестовала она с возмущением.

Как давно не делали ей таких непристойных предложений? Подождите, пожалуй, Герберт в начале семидесятых?

– Мы не в том уже возрасте, – жеманно произнесла она, прикрыв глаза. Ну какой же он сумасброд!

Голова обратила к ней взгляд, и это было похоже на две подвижные звезды, вставленные под бледные веки.

– Ты такая странная, – пробормотал рот. – Ты мне нравишься. Скажи-ка еще разок, как тебя зовут.

Бедняжечка, он теряет память...

– Рут. Рут Миралес.

И снова при звуках ее имени его как будто охватила невыносимая боль. Стекло разлетелось, и осколки соединились в раскаленную массу, отдаленно напоминающую человеческий образ. Глухой горловой стон вырвался из этой распростертой фигуры, к которой Рут, боясь обжечься, не смела прикоснуться. «Вспомни свой сон. Он огненный, но не жжет». Она робко протянула руку к тому, что должно было

быть лицом, глубоко вздохнула и погрузила пальцы в расплавленную массу. О боже, она словно подключилась к электрическому оргазму! Рут сотрясало с головы до ног, она оказалась к нему приклеенной, чувствовала, что он растворяется в ней, смешивается с ней, что их плоть перемешивается, и это было так изумительно, так... Ей казалось, что она сейчас взорвется, как тот телевизор в 1982 году, когда она опрокинула вазу и... о нет... она не вынесет...

И вдруг она оказалась лежащей на сверкающем полу одна, а Кетер, привычный Кетер, устремлял на нее взгляд закатившихся прекрасных голубых глаз. Честное слово, он как хамелеон меняет цвет.

– Что я здесь делаю? – спросил он, с отвращением глядя вокруг. – Эта непристойная комната... И вы, Рут! В логове этого монстра!

Да о чем он говорит? «Не забыть бы отыскать таблетки Герберта для улучшения мозгового кровообращения», – подумала она каким-то уголком сознания. А в данный момент надо успокоить его. Она протянула ему флакон.

– Вам следует, друг мой, немного выпить вот этого. У вас измученный вид, – добавила она, опустив глаза с чувством скромного торжества.

– А где Магдалина? И Рита? И чем я здесь занимаюсь? – проворчал Кетер.

«Шла бы эта Рита ко всем чертям», – подумала про себя Рут, и тотчас в отдалении послышался оскорбленный вопль.

Теперь Кетер ползал по комнате, обнюхивая углы.

– Где он? Где это отребье?

– Я не понимаю, о ком вы говорите. Здесь только мы с вами. Я уснула в вашей комнате и...

– В моей комнате?! Но это не моя комната, разве вы не видите, что она белая?!

– Вот именно, я очень удивилась, что вы так быстро ее перекрасили...

– Перекрасил? Рут, не болтайте глупостей! Что у вас в этом флаконе?

– Укрепляющее.

– Покажите. Нет, я не могу это пить. Это слишком кисло. Я не понимаю... – продолжал он, поводя носом. – И все-таки я повсюду чувствую его омерзительный запах.

Он выглядел совсем растерянным, и Рут ощутила огромный прилив нежности к нему.

– Вы что-то потеряли?

– Я думаю, что теряю разум, – ответил он просто.

– Это со всеми случается, – сказала Рут, положив свою узловатую ладонь на его руку. – Не сегодня, так завтра.

– Но я не могу себе этого позволить. Надо уйти отсюда, – добавил он, поднимаясь.

Под оболочкой кожи атомы его существа кипели, охваченные разлитой болью. «Дифракция, рефракция, разрыв...» – услышал он собственный шепот, но не понимал, о чем говорит. Его человеческие глаза замутились, неожиданно подер-

нулись влагой, зрение померкло, и он тяжело рухнул на Рут, которая выпустила флакон. Она попыталась его подхватить, но тоже потеряла равновесие, и оба навалились на зеркало, которое легко и быстро повернулось на оси.

– Вот он! – воскликнула Рут, прикасаясь к флакону кончиками пальцев.

Оторопевший Кетер лежал на ней.

– Ой, нет! – произнес Кетер, медленно поднимаясь.

– Да, да! – повторила Рут, стоя на четвереньках. Боже праведный, такая гимнастика ее прикончит!

– Нет! – заплетающимся языком вяло пробормотал Кетер. – Нет!

Рут вздохнула и подошла к нему. У нее болели спина и колени, она мечтала о горячей ванне и о хорошо охлажденном коктейле «Кровавая Мэри», и... Здорово! Просто невозможно, цвет стен опять изменился! Снова черные. Она поспешно обернулась к Кетеру – он также стал черным. Ну ладно, хоть он обрел постоянство. И однако у нее создалось впечатление, что у них здесь очень не хватало четкой организованности. Впрочем, это естественно, когда из сострадания принимаешь на работу прокаженных. Она укусила губу, чтобы наказать себя за гадкие мысли, и вслед за тем заметила, что Кетер кружится по комнате, как какая-нибудь балетная примадонна, но без пачки, а в уголках его глаз и губ пузырится пена.

– Н-е-е-е-е-е-т! – вопил он. – Н-е-е-е-е-е-т!

Припадок, у него припадок!

– На помощь! – во весь голос закричала Рут. – На помощь!

Шум бегущей толпы. Повсюду отдается эхо. Рут скорчилась возле Кетера, пытаясь его успокоить, шепча слова, которые говорят детям: «Ну, ну, ну, сейчас все пройдет, ну вот, помощь уже идет, ну, ну, ну, это ничего, я ведь здесь...»

Подняв голову, она заметила, что небо над ними как будто растрескалось и бесчисленные звезды мигали как лампочки, готовые погаснуть.

– Кетер! Кетер! Придите в себя! Вы не можете этого сделать!

Он обратил на нее взгляд своих наполовину расплавленных глаз, густая смесь азота и газа вырывалась из его губ, похожих на раскаленную сталь.

Шаги. Совсем близко.

– Рут!

Рут подняла голову. По ее щекам текли слезы. Все были здесь, но слишком поздно, слишком поздно! Она не могла выговорить ни слова и молча указала на Кетера, которого сотрясали все более редкие конвульсии.

– У него приступ... помогите мне, – сумела она наконец выговорить.

На секунду наступила полная темнота, а потом звезды вновь слабо замигали.

– Что происходит? Небо... – воскликнула Саманта.

– Бог умирает, – ответил Лори.

Снова темнота. Потом свет, слабый и бледный.

Пульсация мира с каждой секундой становилась все слабее. Слезы Рут заливали щеки Кетера, отливающие разными цветами.

– Не умирай, не умирай, я жизнь за тебя отдам! – услышала она свой крик, подобный крику безутешной наивной девушки. – Не умирай, я запрещаю тебе, слышишь, старый дурень!

Веки Кетера дрогнули, и на губах появилось подобие улыбки.

– Ты мне запрещаешь, МНЕ? – выдохнул он.

– Я тебе запрещаю! – повторила Рут, лаская его гуттаперчивые волосы.

– Я всего лишь усталый старый дурак... – прошептал Кетер.

– Возможно, но никто не может тебя заменить! Держись, слышишь?! Черт возьми, Кетер, ты думаешь, что мне по возрасту все эти идиотские штучки?! Боже мой, сделай усилие!

На этот раз Кетер издал урчание, которое можно было назвать смехом и которое завершилось приступом звонкого кашля.

Темнота. Свет. Темнота. Немного более яркий свет. Свет. Свет. Свет. Бог, сидя теперь на полу комнаты, раскатисто смеялся, а Рут Миралес обнимала его слабые плечи.

– Хвала Космосу! Вы здесь!

Запыхавшаяся Рита стояла на пороге. Что здесь делает

эта высохшая мумия, повисшая на ее Господине? Разберемся попозже.

– Битва закончена, – объявила она, отдышавшись.

– И что? – вновь обретя спокойствие, спросил, выпрямляясь, Кетер.

– Не осталось ни одного бойца. Одно огромное поле, усеянное останками. Немало придется потрудиться, чтобы все привести в порядок.

– Не будешь ли ты так добра сказать, кто же выиграл? – любезно поинтересовался Кетер.

– Никто, конечно. Как всегда с тех самых пор, как это происходит. Вам следовало бы уже это знать, – ответила Рита.

– А Михаил?

– Тоже как обычно, – сказала, входя, Магдалина. Вся ее походка выражала чувственность. – Примирение на подушке. В последний раз, как я его видела, он волочил Никс за волосы к розовому кучево-дождевому облаку.

– Вы хотите сказать, что это всего лишь игра? – недоверчиво спросил Герби.

– Ну, не совсем, – ответил Кетер, выросший, казалось, на несколько десятков сантиметров. – Не совсем игра. Скажем... диалектическое развитие.

– Диалектическое?

– Гм-гм. Возьмем для примера колебания маятника. Он отмечает предельную позицию времени в колебательном движении, которое взаимно уничтожается: вперед, назад,

вперед, назад. Если вам не виден механизм, который и вызывает эти бесконечные повторения, то вы не в состоянии поверить, что маятник постоянно показывает правильное время.

– Угу, все это лишь болтовня о небесных часах. Ну а теперь не можем ли мы вернуться домой до начала следующей маленькой войны? – надменно спросил Герби.

– Разве вы не хотите присоединиться к нашему празднику?

– Какому празднику?

– Сегодня вечером мы устраиваем праздник, чтобы отметить отсутствие победы, – объяснила Рита.

– А на празднике будет сумасшедший шляпник? – спросил Лори.

– Если хочешь, – сказал Кетер.

– А мороженое с блинами? – спросил Джем.

– Ну конечно! Разве бывает праздник без мороженого с блинами?

– Мне нечего на себя натянуть, – заметила Саманта.

– Давай лучше я тебя натяну, – шепнул ей на ухо Герби, и в ответ она толкнула его локтем.

– Я могу одолжить вам саван, – любезно предложила Рита.

– Мне нужно предупредить жену, – сказал Марвин.

– Этим займется один из херувимов, – ответила Магдалина, дуя на лак свежепокрашенных ногтей.

– У меня нет моей трубы... – сказал Бадди, решая про

себя, как лучше ему причесаться.

– Рита поищет в сундуке Иерихона.

– А на Земле? – спросил Аньелло. – Что происходит на Земле? Вам-то, самозванцу, плевать на нее! А вы все разве не видите, что он вам зубы заговаривает! Вы не видите, что это Бес!

– Что за нелепая идея, – сказал Кетер, пожимая старую руку Рут своими сильными пальцами. – Столь же нелепая, как утверждать, что Бог и Бес имеют единую сущность, только потому, что у них одинаковые начальные буквы имен, – продолжал он, переходя на французский. – «Б» как Божество. Богатство. Быстро. И еще Более.

– Я не секу по-испански, – проворчал Аньелло. – Но я знаю то, что знаю.

Кетер смотрел на него снисходительно. Теперь он чувствовал себя несравненно лучше. Конечно, недавно у него было легкое недомогание, но сейчас все хорошо. А на самом-то деле, что же было? У него не осталось никаких воспоминаний.

– Послушайте, Аньелло, у меня есть для вас работенка, – вдруг сказал он.

– Что?

– Мне нужен крепкий парень, чтобы следить за границами галактики.

– Понятно. Проблемы незаконной иммиграции?

– Ну, если угодно. Это огромная территория, и иностран-

цы постоянно пытаются к нам проникнуть.

– Засранцы!

– Если вас это заинтересовало, то повидайте Михаила. Он составит для вас контракт.

– Позже. Сначала я должен спасти Землю, раз всем остальным на это плевать.

– Да мне вовсе не плевать, – спокойно заметил Кетер. – Но вы же должны понимать, что я не могу заниматься всем подряд.

– Вы могли бы вмешаться, чтобы голова моего деда не была раздавлена грузовиком или чтобы мои родители не взорвались в самолете! – вдруг с возмущением заявил Джем.

– Ты настоящий внук Орла!⁵³

Джем почувствовал, что его душа раздувается от гордости, а Лори – что его душа иссыхает от зависти.

– Но все не так просто, – продолжал Кетер. – Не думаешь ли ты, молодой человек, что я буду проводить целые столетия, следя через дырочку в заднице за вашими распроклятыми самолетами вашей распроклятой планеты?! И это не говоря о миллиардах ваших вонючих тачек, ваших химических заводов, атомных электростанций и обо всем необъятном бардаке, в который вы превратили эту планету! – закончил он, выходя из себя.

– А чья это вина? – парировал Лори. – Надо было просто

⁵³ В христианской символике орел обозначал божественное вдохновение и изображался рядом с евангелистом Иоанном.

установить правила. Ваша свободная воля – это просто свободное идиотство.

– Я полагал, что ты достаточно умен, Лорел Робсон, чтобы понять, что я здесь всего лишь что-то вроде сторожа, – ответил Кетер. – Не я создал все это.

– Но кто же тогда?!

Кетер пожал плечами.

– Не знаю. А впрочем, хватит об этом, – заключил он, зевая. – Оставайтесь или уходите, но не портите нам этот день.

– Ну а души мертвых, они-то куда идут? Рай-то где? – упорствовал Лори.

– Честное слово, ты неутомим, приятель! – вздохнул Кетер, слегка коснувшись жестких завитков Лорела, и под его пальцами прядь волос стала белой как снег. – Если хочешь знать, я скорее склонен к одиночеству, – продолжал он. – У меня нет никакого желания быть окруженным рыдающей толпой человеческих душ. Этим занимается Никс.

– Эта ведьма!

– Никс очень компетентна. Она и ее супруг Гадес⁵⁴ вполне успешно управляют царством мертвых,

– Гадес? – удивился Марвин. – Тот самый, из мифологии?

– Угу, – подтвердил Кетер. – Великая личность. Это в его чреве вы оказались недавно. Никс, знаете ли, долгое время называлась Персефоной.

– И она обманывает его с архангелом Михаилом!

⁵⁴ То же, что Аид и Плутон. Владыка подземного мира и царства мертвых.

Лори уже не мог удержаться.

– Ну и что? Вы считаете, что только англичане имеют монополию на дворцовые интриги? – усмехнулся Кетер. – Ну ладно, так что вы решили?

– А что происходит сейчас на Земле? – поинтересовался Герби.

– Как всегда, ничего особенно веселого. Два-три маленьких геноцида, которые представлены в ваших газетных заметках. Несколько морей, загрязненных на века. Насилия, убийства, грабежи. Я редко видел столь глупый и жестокий род.

– А что с посланцами Версуса?

– Сейчас они оккупируют Парадиз-Маунтин, – сквозь зубы процедил Кетер.

– Оккупируют? Это означает, что они всех там сожрали, – мрачно заметил Герби.

– И они будут продолжать и дальше, а вы все так же не будете вмешиваться, так ведь? – сказал Джем, подбоченившись.

– Ух ты, настоящий Джеймс Дин! – сказала Магдалина.

– Да, они будут продолжать, если никто их не остановит, – ответил Кетер, не обращая внимания на ее замечание. – Мы с Версусом заключили пакт о невмешательстве. Это длится уже миллионы лет, и не вам это менять!

– Если не считать, что Версус хитрит и пытается вас облапошить! – возмутился Аньелло.

– Запомните, лейтенант, что не родился еще тот, кто меня «облапошит», как вы говорите. И уймите ваши дурные мысли, мистер Коул, – добавил он, поворачиваясь к побагровевшему Бадди. – Ну все, аудиенция окончена. Рита вас проводит.

– Я возвращаюсь на Землю, – сказал Джем.

– Я тоже, – присоединился к нему Лори. – Там мерзко, там гадко, там воняет, но это наш дом.

– Тогда прощайте, – беззлобно ответил Кетер. – И всегда добро пожаловать!

– Я тоже возвращаюсь, – сказал Марвин. – Я хочу вновь увидеть своих детишек.

– А нам нужно вернуться, чтобы ребеночка сделать, – сказал Герби, прижимая к себе Сэм.

– Поспешите, – сказал Аньелло с порога. – Мутанты-то не станут ждать, чтобы творить свои подлости!

– А вы, Бадди? – спросила, Рита.

– Мне кажется, что во мне нет ничего ангельского.

– А вы, Рут? – тихо спросила Сэм.

Рут еще теснее прижалась к Кетеру.

– Ему необходим кто-то, кто бы о нем заботился, – прошептала она Саманте.

Рут Миралес, жена Бога. Прекрасное перевоплощение после прожитых восьмидесяти лет жизни!

– Через несколько секунд вы будете на Земле, – сказал Кетер. – И вы никогда не узнаете, приснилось вам все это

или нет. Но вам не приснилось. До... скорого, друзья мои!

И он щелкнул пальцами.

Черная дыра.

Эпилог

Кетер повернулся к Рут.

– Где это вы меня недавно нашли?

– Да там, конечно. Там, в вашей комнате, – ответила Рут.

– И все было нормально?

Нормально? Это зависит от оценки. Ведь все относительно.

– Ну да, совершенно нормально, – ответила она с невинной улыбкой.

Пусть не думают, что она будет ратовать за правду. Она уже представляла себе крупные заголовки в скандальных газетах: «Бог страдает раздвоением личности». А отсюда всего два шага до того, что они захотят его сместить или начать давать ему прозак... Но теперь она здесь. Она будет настроже, пообещала она сама себе.

– Прогуляемся? – спросил Кетер.

И, подняв как перышко, он посадил ее позади себя на комету.

Вдалеке два веселых першерона галопом неслись за Малой Медведицей.

– Где мы? – спросил Марвин, испытывая ощущение, что он повторяет какой-то очень знакомый текст.

– Не знаю. Здесь темно.

– Конечно, ведь сейчас ночь.

– Ш-щ-щ! На нас смотрят люди! – неожиданно сказал Лори, указывая на ряды людей, сидящих в темноте.

Аньелло положил руку на свое оружие.

– Кто идет? – окликнул он громко.

Странное сборище молчало. Всплески сияющего света позволяли разглядеть довольные и веселые лица людей, жуящих попкорн. Бадди подошел ко всем остальным.

– Внимание, лейтенант! У тебя за спиной педик! – заорал один из сидящих, какой-то здоровяк с толстым пузом. И все захохотали.

Педик? Бадди огляделся. Откуда эти люди могли знать? И ради всего святого, где это они?

– Живой мертвец справа, – закричал какой-то прыщавый малец с набитым ртом.

Опять взрывы смеха. Вдруг выплеснулась оглушительная музыка. Джем осознал, что они идут по снегу.

Он наклонился, чтобы взять немного этого снега. Он не был холодным. Джем понюхал. Снег не имел запаха. Ну да, синтетический. Но что это значило? То, что во время «путешествия» их чувства изменились? Он прищурился. Та уснувшая внизу деревня – это, должно быть, Парадиз-Маунтин. Да. Огромная мигающая вывеска сияла перед въездом на маленькую лыжную станцию. Рука какого-то шутника заменила «М» в слове «Маунтин» на «Ф». Парадиз-Фаунтин⁵⁵.

⁵⁵ «Paradise Mountain» (англ.) – «Райская Гора»; «Paradise Fountain» (англ.) –

– Фонтан при тридцати семи градусах... – пробормотал Герби, со злостью пиная снег.

«Но тогда, если мы в горах, почему сидящим здесь людям тепло?» – подумал Джем. На них майки и сандалии. И над этими людьми была крыша, тогда как сами они были на улице. И что делают эти люди, сидя бок о бок в темноте?

– Джем, – позвал Лори, потянув его за руку. – Джем.

– Чего?! Черт, не тяни меня так!

– Джем, там, эти люди...

– Ага?

– Они лопают попкорн.

– Ну и что? Спасибо, что не мясо!

– Они сидят в темноте, едят попкорн и хохочут, глядя на нас.

– Ну и что? Говори яснее, Лори!

– ОН ОТПРАВИЛ НАС В ФИЛЬМ! – заорал Лори

– В фильм? – задохнулся Джем.

– В ЧЕРТОВ ХРЕНОВЫЙ КРОВАВЫЙ ФИЛЬМ УЖАСОВ!

В фильм? На пленку? Качество снега, отсутствие запаха, необычные ощущения от прикосновений... Но в таком случае...

– Ты хочешь сказать, что мы герои фильма? – спросил он, машинально надувая грудь.

– Ой, да, он прав! – пробормотала Сэм. – Ой, да. Взгля-

ните на них!

– Скучно! Прибавь действия! – крикнул один из зрителей.

– Что за задница! – закричал другой парень. – Ну-ка, шериф, действуй!

Взрыв грубого смеха.

– Знать хотя бы, что мы играем... – сказал Бадди, втягивая живот и проклиная костюмера, одевшего его в этот нелепый лыжный комбинезон.

– Не может быть и речи, чтобы я согласился на четыре сеанса в день! – поморщился Герби.

– Эй, вы знаете, что весь зал ждет продолжения?! – заорал Аньелло, готовый устремиться на Парадиз-Маунтин.

Он играл главную роль в художественном фильме! Классно! Он, лейтенант Аньелло, навечно станет героем! Защитник Америки на большом экране.

– Как мы выйдем отсюда? – спросила Саманта, у которой очень болели ноги.

– Что-нибудь придумаем, – сказал Марвин. – Мы всегда придумываем.

– Вот поэтому-то мы и герои, – заключил Лори, под град насмешек раскланиваясь перед залом.

– Ну, не так уж плохо, – сказала Салли, поставив дымящуюся урну на растрескавшуюся крышку старого гроба, изъеденного червями.

Она все утро подметала и чистила большой склеп.

– Если повесить на стены какие-нибудь ex-voto⁵⁶, то будет совсем миленько, – добавила она, подбоченясь и созерцая замшелую крипту.

Это Аллан обнаружил маленькое заброшенное кладбище. Они выбрали старое захоронение со стертым надгробным камнем, расположенное немного в стороне. «Прелестная двухкомнатная квартирка. Одна крипта для ребятишек, а другая для нас», – подумала Салли.

– Я пойду поищу гробы в приличном состоянии, – сказал Аллан, целуя Салли в шею.

– Мне дубовый, – потребовала Бренда. – И с позолоченными ручками.

– А мне с золотыми! – сказал Язон.

– Ну до чего же он глуп! – парировала Бренда с самоуверенностью восьмилетней леди.

– Идите сюда, мои цыпочки, – позвала их Салли, открывая объятия. – Мамочка Салли приготовила вам что-то вкусненькое!

– Ты опять приготовила им рагу из голов! – мягко пожурил ее Аллан.

– Умираешь ведь только раз!

Он снова поцеловал ее. Им ведь здесь хорошо, правда? Они спокойны. Счастливы.

Обитатели кладбищ.

⁵⁶ Приношения по обету: картины, таблички с выражением благодарности (лат.).

На черной решетке входа висела старая, наполовину разорванная и залитая дождями киноафиша. На ней крупными красными буквами было написано:

В субботу в полночь в «Эльдорадо»